

Похвалы святым святитель Иоанн Златоуст

Похвальная беседа о святом мученике Лукиане^{*1}

Малочисленность слушателей сравнительно с предшествующим праздником; увещание постоянно посещать церковь и разъяснение пользы для души от пребывания в церкви. Мученичество – крещение. Мучение св. Лукиана голодом, тяжесть этого рода муки. Единственный ответ мученика на суде: я – христианин. Значение этого ответа в устах христианина. Увещание презирать роскошь и смело исповедовать Христа.

1. Чего боялся я вчера, то и случилось, сбылось ныне: когда прошел праздник, ушел с ним вместе от нас и народ, и собрание у нас сделалось меньше. Я знал, что это случится, однако не отменил поучения. Не все, слушавшие вчера, оказали повинование, но и не все и непослушны оказались; а это не мало для нас, в смысле утешения. Поэтому и сегодня я не уклонюсь от поучения, так как если и не чрез нас, то чрез вас во всяком случае они услышат сказанное. Подлинно, кто мог бы в молчании перенести такую беспечность их, или извинить и оправдать тех, которые, видев столько времени мать свою (церковь) и насладившись в ней благами, удалились и не смогли вторично опять возвратиться, уподобились не голубице Ноевой, но ворону, и притом тогда, как зима и волнение еще продолжают, и все более жестокая каждый день поднимается буря, а этот святой ковчег стоит посредине и всех зовет и привлекает в себе и прибегающим к нему доставляет великую безопасность? Он отражает не удары воды и волн, но непрестанные восстания неразумнейших страстей, истребляет зависть, низлагает безумие. Здесь и богатый не сможет презирать бедного, слыша из божественных Писаний, что *«всяка плоть сено, и всяка слава человека яко цвет травный»* (Ис.40:6), и бедный, увидев другого богатым, не предастся зависти, слыша и сам слова другого пророка: *«не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается: ибо умирая не возьмет ничего; не пойдет за ним слава его»*

(Пс.48:17–18). Такова природа этого богатства: оно не сопутствует имеющим его, не переселяется отсюда вместе с приобретшими его, не защищает, когда они бывают судимы там и подвергаются наказаниям, но совершенно отлучается от них смертью, а многих покидало и прежде смерти; пользование им неверно, наслаждение ненадежно, приобретение опасно. Но не таковы свойства добродетели и милостыни; это сокровище неприкосновенно. Откуда известно это? Тот, кто любомудрствовал о здешнем богатстве и сказал, что не снидет с ним слава его позади его, он же и о сокровищах милостыни, всегда пребывающих и никогда не похищаемых, научил нас, сказав так: *«Он расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки»* (Пс.111:9). Что может быть удивительнее этого? Собираемое погибает, а расточаемое остается целым, – и весьма справедливо, так как одно принимает Бог, а из руки Божией никто не может похитить, другое же сохраняется сокровищах человеческих, где подвергается многим козням, где много зависти и недоброжелательства. Итак, возлюбленный, не ленись проводить здесь время, потому что, если какая-нибудь скорбь возмущает тебя, здесь она прогоняется; если – житейские заботы, они убегают; если – безумные страсти, они погасают; а с торжища, от зрелищ и из других внешних собраний мы возвращаемся домой, обремененные множеством забот, скорбями и болезнями душевными. Если ты постоянно будешь проводить время здесь, то непременно сложишь с себя и то зло, какое ты получил отвне; а если станешь уклоняться и убегать, то и те блага, какие ты приобрел от божественных Писаний, непременно потеряешь, мало по малу расточая свое богатство во внешних собраниях и беседах. А что это справедливо, постарайтесь, вышедши отсюда, повидать небывших здесь сегодня, и вы увидите, сколько различия между вашим благодушием и их душевным расстройством. Не так прекрасна и приятна невеста, сидящая в брачном чертоге, как дивна и славна душа, являющаяся в церкви благоухающей духовными ароматами. Кто приходит сюда с верою и усердием, тот выходит с бесчисленными сокровищами; как только он откроет уста, тотчас исполняет присутствующих всяким

благоуханием и духовным богатством; и хотя бы постигли его бесчисленные бедствия, он все перенесет легко, получив здесь от божественных Писаний достаточное побуждение к терпению и любомудрию. И как стоящий постоянно на скале смеется над волнами, так и участвующий постоянно в (церковных) собраниях и орошаемый божественными изречениями, утвердив себя как бы на скале правильного суждения о вещах, не увлечется ничем человеческим, ставши выше напора житейских дел. Получив великую пользу и душевное утешение не только от поучения, но и от молитвы, и от отеческого благословения, и от общего собрания, и от любви братьев, и от многого другого, он таким образом возвращается, принося домой бесчисленные блага. Посмотри же, какого вы сподобитесь сегодня благословения, и какую те понесут потерю. Вы уйдете отсюда, получив награду мучеников, а они, кроме того, что лишатся этой прибыли, потерпят еще другой вред, навлекши на себя от бесполезных занятий большую кучу забот. Как *«кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника»* (Мф.10:41), так и принимающий мученика во имя мученика получит награду мученика; а прием мученика – собираться в память его, участвовать в беседе о его подвигах, дивиться совершенному им, соревновать добродетели, передавать другим доблести его. Таково угощение мучеников; так принимают этих святых, – так и вы поступили сегодня!

2. Итак, вчера Господь наш крестился водой, а сегодня раб крещается кровью; вчера отверзлись врата неба, сегодня попераны врата ада. Не удивляйтесь, если я мученичество назвал Крещением: и здесь Дух витает с великим обилием, и бывает изглаждение грехов и дивное некое и чудное очищение души, и как крещаемые – водой, так претерпевающие мученичество омываются собственной кровью, что случилось и с этим (мучеником Лукианом). Но прежде речи об убиении его, необходимо сказать о коварстве дьявола. Увидев ясно, что мученик посмеялся всякому наказанию и мучению внешнему и что, и печь разжегши, и яму ископав, и колесо приготовив, и подняв на дерево, и свергнув в пропасть, и бросив на зубы

зверей, не смог он преодолеть любомудрия святого, (диавол) придумал другой, жесточайший способ и постарался изыскать такое мучение, которое было бы и самым резким и вместе самым продолжительным. Так как из наказаний невыносимые доставляют весьма скорое избавление, а более продолжительные причиняют меньшую боль, то он постарался найти наказание, совмещающее то и другое, и продолжительность и чрезвычайную, невыносимую боль, чтобы и силой, и продолжительностью времени сокрушить твердость души мученика.

Что же он делает? Он предаёт святого сего голоду. А ты, услышав о голоде, не оставляй этого слова без внимания; это самая жестокая из всех смертей; свидетелями тому – испытывавшие голод; не дай Бог нам испытать его; мы хорошо научены молиться, *«чтобы не впасть в искушение»* (Мф.26:41). Он (голод), как бы палач какой, сидящий внутри утробы, терзает все члены, сильнее всякого огня и зверя пожирая со всех сторон тело, причиняя постоянную и невыразимую боль. И чтобы знал ты, каков голод, (скажу, что и детей) часто съедали матери, не вынесши силы этого зла. И пророк, оплакивая это бедствие, сказал: *«Руки мягкосердых женщин варили детей своих»* (Плач.4:10). Матери ели тех, кого родили, и чрево родившее делалось гробом для рожденных им детей, и голод побеждал природу, или вернее – не природу только, но и волю; но мужества этого святого он не победил. Кто не изумится, услышав это? Что в самом деле сильнее природы? Что переменчивее воли? И однако, чтобы ты знал, что нет ничего сильнее страха Божия, воля оказалась тверже природы; матерей посрамляло это мучение и заставляло забывать болезни рождения, а этого святого не могло уронить; не преодолела его любомудрия, и не победила его мужества эта казнь, но пребывал он тверже всякого адаманта, услаждаясь благими надеждами, восхищаясь поводом к подвигам, имея достаточное утешение в самой причине борьбы, особенно же слушая постоянно слова Павла: *«в голоде и жажде, ...на стуже и в наготе»* (2Кор.11:27); и еще: *«Даже донныне терпим голод и жажду, и наготу и побои»* (1Кор.4:11),

так как он знал, верно знал, что *«не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих»* (Мф.4:4). Когда же скверный демон увидел, что он не поддается и такой крайности, то сделал мучение еще более тяжким: взяв идоложертвенное и наполнив им трапезу, он положил это перед его глазами, чтобы готовой возможностью ослабить твердость его воли, потому что мы не так уловляемся, когда не видно соблазнительных предметов, как в то время, когда они находятся перед нашими глазами, как и похоть к женщинам легче одолевается, не видя благообразной женщины, нежели постоянно смотря на нее. Однако праведник победил и эту хитрость, и чем диавол думал ослабить его мужество, это более всего и укрепило его к подвигам: он не только не потерпел ничего от взгляда на идоложертвенное, но еще более стал отвращаться от него и гнушаться. И что мы испытываем по отношению к врагам, – чем больше мы смотрим на них, тем больше ненавидим их и отвращаемся, – это же испытал он тогда в отношении к той мерзкой жертве: видя ее, он еще больше гнушался и избегал ее, и постоянное созерцание возбуждало в нем еще более ненависти и отвращения к предложенному. Хотя голод и сильно вопиял внутри и повелевал коснуться предложенного, но страх Божий отводил руки и заставлял забыть самую природу; смотря на скверную и проклятую трапезу, (мученик) вспоминал о другой, страшной и исполненной Духа трапезе, и так воспламенялся, что избрал лучше перенести и вытерпеть все, нежели вкусить тех скверных снедей. Вспоминал он и о трапезе трех отроков, которые, будучи в молодости взяты в плен и лишены всякой защиты, в земле чужой и стране варварской показали такое любомудрие, что мужество их воспевается доньше. Тогда как иудеи, и собственной владея землей, предавались нечестию, и в храме находясь, служили идолам, эти юноши, отведенные в варварскую страну, где идолы и повод ко всякому нечестию, постоянно соблюдали отеческие обычаи. Если же пленники и рабы, и юные, говорит он, прежде благодати показали такое любомудрие, то какого прощенья будем достойны мы, если не сможем опередить их даже и в той же самой добродетели?

3. Размышляя обо всем этом, он посмеялся злобе дьявола, презирал его козни и не поддавался ничему видимому. Поэтому, когда нечистый тот увидел, что ни в чем ему никакой нет пользы, то ведет его опять в судилище и пытая предлагает непрерывные вопросы. А он на каждый вопрос отвечал одно только: я христианин; и когда палач говорил: какого ты отечества? – я христианин, отвечал он; какое у тебя занятие? – я христианин; кто предки? – он на все отвечал: я христианин, одним этим простым словом поражая голову дьявола и нанося ему постоянные одну за другой раны. Хотя он обладал и внешним образованием, но верно знал, что в таких состязаниях нужно не риторство, а вера, не сила слова, а боголюбивая душа; достаточно, говорит, одного слова, чтобы обратить в бегство все полчище дьявольское. Для тех, которые не тщательно вникают в дело, этот ответ покажется, пожалуй, неуместным; но кто остановит на нем внимание, тот усмотрит и из него мудрость мученика. Сказав: я христианин, он объяснил этим и свое отечество, и род, и занятие, и все. Каким образом? Я говорю: христианин не имеет города на земле, но вышний Иерусалим: *«вышний Иерусалим, – говорит (апостол), – свободен: он – мать всем нам»* (Гал.4:26). Христианин не имеет занятия на земле, но посвящает себя вышнему образу жизни: *«наше же жительство, – говорит (апостол), – на небесах»* (Флп.3:20). Христианин имеет своими сродниками и согражданами всех святых: мы *«сограждане святым, – говорит (апостол), – и свои Богу»* (Еф.2:19). Таким образом он (мученик) одним словом с точностью указал, кто он, откуда, и от кого, и чем обыкновенно занимался. С этим словом он и жизнь кончил, и отошел, понесши ко Христу залог в целости, и потомков убеждая своими страданиями – быть твердыми и не бояться ничего, разве только греха и отречения.

Итак, зная это, будем и мы во время мира заботиться о том, что нужно для войны, дабы с наступлением войны и нам воздвигнуть блистательный трофей. Он презрел голод, презрим и мы роскошь и уничтожим власть чрева, чтобы, когда настанет время, требующее от нас такого же мужества, мы, наперед приготовившись посредством меньших подвигов, явились

славными во время борьбы. Он говорил смело перед начальниками и царями: будем делать это ныне и мы, и если будем заседать в собраниях богатых и славных язычников, станем смело исповедовать веру, посмеяться их заблуждению. Если они начнут свое превозносить, а наше унижать, не станем молчать и переносить спокойно, но, раскрыв их гнусность, будем прославлять все христианское с великой мудростью и смелостью; и как царь диадему на голове, так и мы будем везде носить исповедание веры. Не столько его украшает венец, сколько нас обыкновенно – вера и ее исповедание; и не словами только, но и самыми делами станем делать это, являя и жизнь во всем достойную исповедания, чтобы гнусностью дел не посрамить догматов, но, во всем прославляя нашего Владыку, насладиться и здесь и там честью, которой да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, держава и честь, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседы о святых Маккавеях^{*2}

Беседа первая о святых Маккавеех и о матери их

Мощи святых устрашают демонов. – Благодать дает мужество мученикам. – Сила души матери Маккавеев. – Матери христианские должны подражать ее примеру и наставлять своих детей в добрых правилах. – Стойкость этой святой женщины не дает извинения тем старым или молодым мужчинам, у которых недостает мужества в виду испытаний гонительства.

1. Как блистателен и радостен у нас город! Сегодняшний день светлее всего года, не потому, чтобы солнце сегодня бросало на землю лучи светлее обыкновенных, а потому, что свет святых мучеников озарил наш город блистательнее всякой молнии. Подлинно, они светлее тысячи солнцев и блистательнее великих светил; от них земля сегодня великолепнее неба. Не говори мне о прахе, не представляй пепла и истлевших от времени костей их, но открой очи веры и посмотри на присущую им силу Божию, на облекшую их благодать Духа, на окружающую их славу небесного света. Не такие лучи падают на землю с солнечного круга, какое сияние и блеск исходит из этих тел, ослепляя даже взоры диавола. Как предводители разбойников и расхитители гробниц, увидев лежащее где-нибудь царское оружие: латы, щит и шлем, все сияющее золотом, тотчас отскакивают прочь, и не смеют ни приблизиться, ни прикоснуться к ним, имея в виду великую опасность, если осмелятся сделать что-нибудь подобное, – так точно и бесы, эти истинные предводители разбойников, где увидят лежащие тела мучеников, тотчас отскакивают прочь и обращаются в бегство. Они смотрят не на смертную их природу, но на неизреченное величие Христа, Который действовал в них. Подлинно, в эти оружия облекался не ангел, не архангел и не другая какая-либо сотворенная сила, но сам Владыка ангелов. И как Павел восклицал: *«вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне»* (2Кор.13:3), так и они могут восклицать и говорить: или вы ищите доказательства на то, что в нас подвизался Христос? Драгоценны эти тела, потому что они приняли раны за своего Господа, потому что они носят язвы

за Христа. И как царский венец, украшенный со всех сторон различными камнями, производит разнообразный блеск, так точно и тела святых мучеников, усеянные язвами за Христа, как бы дорогими камнями, являются драгоценнее и великолепнее всякой царской диадемы. Мирские распорядители ратоборств, назначив борьбу, считают за величайшую славу, когда выводят на поприще и на подвиги молодых и крепких бойцов, которые бы, прежде нежели отличатся в ратоборстве, благоустройством своих членов возбуждали в зрителях удивление; но здесь не так, а совершенно напротив. Христос, открыв ратоборство, не такое, как те, но страшное и ужасное, потому что здесь не сражение людей с людьми, а борьба людей с бесами, – открыв нам такое ратоборство, вывел на подвиги не молодых и крепких борцов, но малолетних отроков и с ними старца Елеазара, и кроме того престарелую жену, мать этих отроков. Что же это значит, Владыко? Столь неспособный возраст ты выводишь на поприще для ратоборства? Кто слышал, чтобы когда-нибудь выходила на борьбу женщина в такой старости? Никто не слышал этого; но Я, говорит Он, самыми делами оправдаю это дивное, новое и никогда неслыханное событие; Я не такой распорядитель ратоборств, чтобы предоставлять все силе ратоборцев, но Я сам нахожусь при Моих подвижниках, помогаю им и подаю руку, и большая часть действий их происходит от Моей помощи.

Итак, когда ты увидишь, что женщина дряхлая, престарелая, нуждающаяся в посохе, выходит на борьбу, низлагает бешенство тирана, превосходит бесплотные силы, легко побеждает диавола, с великой силой сокрушает крепость его, то подивись благодати Распорядителя ратоборства, изумляйся перед силой Христовой. Не крепки телом эти ратоборцы, но крепки верой; немощна их природа, но могущественна умастившая их благодать; ослабели тела от старости, но окрепли умы любовью к благочестию. Это не чувственная борьба; посему взирай на этих подвижников не по внешности, а проникни мыслью в благоустройство души их, познай силу их веры, дабы убедиться, что сражающийся с бесами не имеет нужды ни в крепком телесном сложении, ни в

цветущем возрасте, но, хотя бы он был весьма, молод, или достиг до крайней старости, а имел бы душу доблестную и твердую, – от возраста он нисколько не терпит вреда в подвигах.

2. Что и говорить о старце и юноше, когда и женщины выходили на эти подвиги и получали светлые венцы? На мирские ратоборства, требующие известного и возраста, и пола, и звания, не допускают ни рабов, ни женщин, ни стариков, ни детей; а здесь поприще со всей свободой открыто для всякого звания, для всякого возраста и для всякого пола, дабы ты познал щедродательность и неизреченную силу Учредителя этого подвига и видел на самом деле подтверждение апостольского изречения: *"сила Его совершается в немощи"* (2Кор.12:9), потому что, когда дети и старцы оказывают силу сверхъестественную, то совершенно ясно видна благодать действующего в них Бога.

А чтобы ты убедился, что эта внешняя (телесная) немощь подвижников делает их еще более славными венценосцами, мы теперь, оставив старца и отроков, представим слабейшую их, женщину, престарелую, мать семерых детей, потому что и болезни рождения служат не малым препятствием к таким подвигам. Что же прежде всего достойно в ней удивления? Слабость ли пола, или преклонность возраста, или удобораздражаемость (материнского) сочувствия? И это все – великие препятствия к подвигу, требующему такого терпения. Но я могу сказать и еще нечто другое, важнейшее этого, из чего мы увидим и мужество жены, и все коварство диавола. Что же это такое? Посмотри на злобу нечистого беса: он ее не прежде всех извлек на поприще, но после детей вывел на подвиги. Для чего? Для того, чтобы, мучениями семерых детей предварительно помутив ее рассудок и сокрушив крепость души, после того, как от зрелища сыновних страданий истощатся ее силы, потом легко победить ее, уже изнемогшую. Не на то смотри, что они терпели мучения, но заметь то, что она при каждом из них чувствовала тягчайшие страдания и с каждым из них подвергалась смерти. То, что говорю я, хорошо знают те женщины, которые испытали болезни деторождения и

сделались матерями. Часто мать, видя свое дитя страждущим горячкой, готова бывает вытерпеть все, и даже перевести пламя болезни из его тела на саму себя: так матери считают страдания детей более несносными, нежели свои собственные бедствия. Если же это справедливо, как и действительно справедливо, то эта мать терзалась страданиями детей сильнее самих детей, и большее мученичество было у матери, нежели у детей. В самом деле, если один только слух о болезни одного дитяти раздирает утробу матери, то чего не вытерпела она, когда был умерщвляем не один сын, а такой сонм детей, и когда она не по слуху узнавала об их страданиях, но своими глазами видела случившееся? Как она не лишилась рассудка, видя, как каждого из них медленно убивали различными и страшными муками? Как не исторглась душа из ее тела? Как она при первом взгляде не бросилась на костер, чтобы избавиться от зрелища последующих мучений? Хотя она была и любомудрая жена, но – мать; хотя и боголюбивая, но – облеченная плотью; хотя преданная (вере), но – причастная женской природе; хотя пламеневшая ревностью к благочестию, но – связанная узами болезней деторождения. Если мы, мужчины, видя преступника, которого ведут по торжищу с веревкой при устах и влекут к месту казни, часто сокрушаемся от одного этого зрелища, не имея никакого основания любить его, а имея даже достаточное побуждение удерживаться от такого чувства сострадания в злодействах осужденного, – то что должна была перенести она, видя не какого-нибудь одного преступника, ведомого на казнь, но семерых сыновей своих, вместе в один день убиваемых не скорой смертью, но разнообразными пытками? Подлинно, если бы это была женщина каменная, если бы внутренность ее была составлена из адаманта, и тогда не возмутилась ли бы, не почувствовала ли бы она чего-нибудь такого, что свойственно чувствовать женщине и матери? Вспомни, как мы удивляемся праотцу Аврааму, что он, принося в жертву своего сына, связал его и положил на жертвенник, и тогда ты хорошо поймешь, каково мужество этой жены. О, горестнейшее и вместе приятнейшее зрелище: горестнейшее по свойству того, что происходило; приятнейшее по расположению той, которая была

зрительницей! Она не смотрела на текущую кровь, но взирала на сплетаемые венцы правды; не смотрела на строгаемые бока, но взирала на уготовляемые вечные обители; не смотрела на около стоявших палачей, но взирала на окружавших (ее с детьми) ангелов; забыла о болезнях рождения, презрела природу, не смотрела на возраст, презрела природу, действующую столь тиранически, природу, которая обыкновенно владычествует и над зверями. Так, многие из зверей, с трудом уловимых, уловляются, когда они по привязанности к детям забывают о собственном спасении, и по небрежению о себе попадают в руки ловчих; и нет ни одного животного столь слабого, чтобы оно не защищало детей своих, или столь кроткого, чтобы оно не раздражалось, когда убивают его детей. А эта жена преодолела власть природы, простирающуюся и на разумных людей и на бессловесных животных, и не только не бросилась на голову тирана и не исцарапала ему лица, видя терзаемых детей своих, но показала такое чрезвычайное любомудрие, что даже сама приготавливала для него бесчеловечное пиршество, и тогда как первые дети еще были мучимы, укрепляла остальных к перенесению таких же страданий.

3. Пусть слушают это матери, пусть подражают мужеству этой жены и любви ее к детям, пусть они так воспитывают детей своих. Не родить только – дело матери: это зависит от природы, но воспитывать – дело матери, потому что это зависит от воли. А чтобы ты убедился, что не рождение делает матерью, но хорошее воспитание их, послушай Павла, который удостоивает венца вдову не за рождение, а за воспитание детей. Сказав: *«вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, ... известная по добрым делам»*, он указал потом на главное из добрых дел. Какое же именно? *«Если она воспитала детей»*, говорит; не сказал: если она родила детей, но: *«если она воспитала детей»* (1Тим.5:9–10). Представим же, что должна была вытерпеть эта жена, – если только должно назвать ее женой, – которая видела; как пальцы (сына ее) трепетали на горячих угольях, голова спадала, железная рука ложилась на голову другого сына и сдирала с нее

кожу, и между тем страдалец еще стоял и разговаривал. Как она могла раскрыть уста? Как могла двигать язык? Как душа ее не вылетела из тела? Как? – Я объясню это. Она не смотрела на землю, но готовилась только к будущему; она боялась только одного, чтобы тиран не сделал пощады и раньше не прекратил борьбы, чтобы не расторг сонма детей ее, чтобы некоторые из них не остались неувенчанными. А что она этого боялась, видно из того, что последнего сына она почти руками своими взяла и поставила на жаровню, употребив вместо рук словесное к нему увещание и наставление. Мы не можем без скорби слышать и о чужих бедствиях, а она без скорби смотрела на собственные. Будем же не просто слушать об этом, но каждый из слушателей пусть перенесет все эти печальные события на своих собственных детей; пусть представит любезные лица их и, представив перед собой своих возлюбленных, пусть припишет им эти страдания, – тогда он и поймет хорошо силу сказанного; или – лучше – и тогда не поймет вполне, потому что собственных страданий не может изобразить никакое слово, а только опыт дает о них понятие. Теперь, после увенчания семи сыновей, уместно сказать о ней следующее пророческое изречение: ты же *«как зеленеющая маслина, в доме Божиим»* (Пс.51:10). На олимпийских играх, где часто сходятся тысячи бойцов, венец возлагается только на одного; а здесь из семи ратоборцев стало семь венценосцев. Какую ниву можешь ты показать мне столь плодородную, какое чрево – столь плодовитое, какое деторождение подобное этому? Мать сынов Зеведеевых сделалась матерью апостолов, но – только двоих, а чтобы одно чрево произвело семь мучеников, – этого я не знаю; притом она и сама себя приложила к ним, сделав прибавку не одной только мученицы, но гораздо большего числа. Из семерых сыновей стало только семь мучеников; а тело матери, придавшей и себя к ним, хотя было одно, но заменяло собою дважды семь мучеников, как потому, что она мучилась при каждом из них, так и потому, что она же и их сделала такими, родив нам целую церковь мучеников. Семерых сыновей родила она, и ни одного для земли, но всех для неба, или – лучше – всех их родила для Царя Небесного, в жизнь

будущую. Итак, диавол вывел ее на ратоборство последней по той причине, о которой я выше сказал, т. е., чтобы, наперед истощившись в силах зрелищем мучений (сыновей своих), она сделалась удобопобедимой, выступив последней против врага. Если люди, видя текущую кровь, впадают часто в изнеможение, и много нужно пособий, чтобы возвратить оставляющую их жизнь и отлетающую из тела душу, то эта жена, видя такие потоки крови, истекавшие не из чужого, но из сыновнего тела, чего не вытерпела, какого смущения не испытала в душе? Итак диавол, как я выше сказал, привлек ее на подвиги после детей для того, чтобы она сделалась слабее, но произошло противное: она вышла на подвиги еще с большей бодростью. Отчего и почему? Потому, что она уже не боялась и не беспокоилась за кого-нибудь из оставшихся при ней детей, чтобы они, как-нибудь ослабев духом, не лишились венцов; но, как бы сложив всех их в безопасное хранилище, – на небо, препроводив их к горним венцам и неизменным благам, она смело вышла на борьбу с великой радостью; и сама, приложив собственное тело к сонму детей, как бы драгоценнейший камень к какому-либо венцу, отошла к возлюбленному Иисусу, оставив нам величайшее утешение и увещание, увещание делами своими – с твердой душой и возвышенным умом принимать все бедствия. В самом деле, какой муж, какая жена, какой старец, какой юноша может получить извинение или иметь оправдание, если страшится угрожающих ему за Христа опасностей, после того, как жена престарелая, мать столь многих детей, подвизавшаяся прежде благодати, когда еще заключены были врата смерти, грех еще не был истреблен и смерть не была поражена, с таким усердием и мужеством претерпела такие мучения для Бога? Помышляя о всем этом, и жены и мужи, и юноши и старцы, начертав на сердце своем, как бы на какой-нибудь доске, подвиги и ратоборство этой жены, будем сохранять в душе нашей ее терпение, как постоянное наставление к презрению бедствий, дабы мы, будучи здесь подражателями добродетелей этих святых, и там могли быть общниками венцов их. Какое они показали любомудрие в опасностях, такое и мы покажем терпение в обуздании

безумных страстей – гнева, корыстолюбия, сластолюбия, тщеславия и всего прочего подобного. Если мы преодолеем пламень этих страстей, как они – огонь, то будем иметь возможность стать близ них и иметь одинаковое с ними дерзновение, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа вторая о святых Маккавеях

Мы не можем должным образом восхвалять мучеников. – Но мы должны стараться о том. – Похвала младшему из св. мучеников Маккавеев. – Сравнение его с Исааком. – Величие души матери Маккавеев. Увещание христианам подражать ей.

1. Всех святых мучеников восхвалить одним языком невозможно, и хотя бы мы имели тысячи уст и столько же языков, нас недостало бы для этих похвал. Взирая на подвиги семи мучеников, я нахожусь в таком же состоянии, как если бы сребролюбивый человек, стоя при источнике, источающем золото и имеющем семь устьев, захотел исчерпать из него все, но после долгого и невыразимого труда, оставив в нем большую часть, принужден был бы отойти, потому что, сколько ни черпай из источника, в нем остается еще больше. Что же? Если мы не можем воздать по достоинству, то молчать ли нам? Нет, потому что принимающие эти дары суть мученики, которые в рассуждении таких приношений подражают своему Владыке. А как поступает Он? Когда кто-нибудь принесет к Нему дары, то Он соразмеряет награду не с величиной принесенного, но с усердием принесшего. Так поступил Он с известной вдовицей: эта жена положила две лепты, и была предпочтена тем, которые положили много (Лук.21:2–4), потому что Бог взирает не на малость денег, а на драгоценность расположения; денег – две лепты, а расположение дороже тысячи талантов золота. Поэтому смело приступим к похвалам, и, что мы сделали вчера, тоже пусть будет, если угодно, и сегодня. Вчера мы, взяв одну мать, о ней вели всю речь, – сделали же это не с тем, чтобы отделить ее от сонма детей, но чтобы это богатство было у нас безопаснее; так точно поступим и теперь: взяв отдельно одного из сыновей, скажем немного об нем, потому что нужно опасаться, чтобы похвалы семи мученикам, соединившись вместе, подобно семи рекам, не затопили у нас речи. Итак, возьмем одного из юношей, не с тем, чтобы отделить и его от сонма братьев, но чтобы сделать для себя бремя легким; и когда один будет восхвален, то венец будет общим и для

прочих, так как все они участвовали в одних и тех же подвигах. Впрочем и сегодня мать непременно войдет в нашу речь, хотя мы не ее касаемся, потому что самая последовательность речи непременно привлечет ее и не допустит, чтобы она оставила детей: если она не отстала от своих чад в подвигах, то не отлучится от них и в похвалах.

Кого же нам взять из семи подвижников? Первого ли, или второго, или третьего, или последнего? Лучше сказать, между ними нет никого последнего, потому что это – сонм, а в сонме не видно ни начала, ни конца; но чтобы сделать восхваляемого более известным, мы скажем о последнем по возрасту. Подвиги их – братские, и дела – сродные; а где сходство дел, там нет первого и второго. Возьмем же последнего по возрасту и равновозрастного по духу, равновозрастного не только братьям, но и самому старцу (Елеазару). Он один из братьев веден был на мучения не связанный, потому что он не дожидался рук палачей, но собственной ревностью предупредил жестокость их, и был веден не связанный. Не был зрителем его ни один из братьев, потому что все они уже скончались; но были у него зрители достопочтеннее братьев – глаза матери. Не говорил ли я вам, что и без нашего усилия мать непременно войдет (в нашу речь)? Вот и привела ее последовательность речи. Это зрелище было так достопочтенно и велико, что и самое воинство ангелов, также и братья смотрели на него, – уже не с земли, а с небес, потому что они сидели увенчанные, как судьи на олимпийских играх, не мнение произнося о борьбе, но готовые принять увенчанного победителя. Итак, он стоял несвязанный и произносил слова, исполненные любомудрия; он хотел обратить тирана к собственному благочестию, но так как не мог, то сделал наконец свое дело – предал себя на мучение. Тот жалел об его юности, а этот оплакивал его нечестие; не на одно и тоже смотрели тиран и мученик, – у них обоих были одинаковы глаза плотские, но очи веры не одинаковы: тот смотрел на настоящую жизнь, а этот взирал на будущую, к которой имел он взлететь; тиран видел сковороды, а мученик видел геенну, в которую тиран имел ввергнуть сам себя.

Если мы удивляемся Исааку, что он, будучи связан и положен отцом, не соскочил с жертвенника и не убежал, видя поднятый на него нож, – то гораздо более надобно удивляться этому мученику, что он не был связан, не имел даже и нужды в узах и не дожидался рук палачей, но сам для себя был и жертвой, и священником, и жертвенником. Посмотрев кругом и не видя ни одного из братьев, он смутился и решился поспешить и достигнуть того, чтобы не отделиться от этого прекрасного сонма. Вот почему он и не дожидался рук палачей; он боялся сострадания тирана, чтобы этот, сжалившись над ним, не отторг его от общества братьев, – поэтому он наперед избавил себя от бесчеловечного человеколюбия. А многое могло тронуть тирана: юность возраста, мучения столь многих братьев, которыми мог бы насытиться и дикий зверь (хотя он не насытился), старость матери и то, что для него не было никакой пользы от казни предшествовавших.

2. Представив все это, юноша предал себя на мучение, которого избегать не следовало, и бросился на жаровню, как бы в источник прохладных вод, считая ее божественной баней и крещением. Как люди, палимые жаром, кидаются в струи холодной воды; так он, пламенея любовью к братьям, устремился на эту казнь.

Притом и мать присовокупила увещание, не потому, чтобы он имел нужду в увещании, но чтобы ты узнал опять твердость этой жены. Она ни при одном из семи сыновей не показала материнской скорби, или лучше, при каждом из них испытала материнскую скорбь; не сказала самой себе: что это? – сонм детей похищен у меня; остался один этот; после него мне угрожает бесчадие; кто же будет питать меня в старости, если этот умрет? – не довольно ли было бы для меня отдать половину, а если не половину, то две части (сыновей)? – неужели и этого, который один остался мне на утешение в старости, неужели и его еще отдам? Ничего такого она не сказала и не подумала, но словесным увещанием, как бы руками, подняв положила сына на жаровню, прославляя Бога за то, что Он принял весь плод чрева ее, и никого не отвергнул, но собрал все плоды с дерева. Итак, я смело могу сказать, что она

вытерпела больше детей, потому что у них самое изнеможение убавляло много боли, а она с несмущенным умом и светлым сознанием естественно воспринимала яснейшее ощущение происходившего. И нужно было видеть троякий огонь: один – зажженный тираном, другой – зажженный природой, третий – воспламененный Духом Святым. Не так разжег печь вавилонский тиран, как разжег печь этот тиран для матери; там пищей огня были нефть, смола, охлопье и хворост; а здесь – природа, болезни деторождения, чадолюбие, согласие детей. Не так терзались они, лежа на огне, как терзалась она от любви к детям; и однако она победила силой благочестия; природа боролась с благодатью, и победа осталась на стороне благодати; благочестие преодолело болезни деторождения, и огонь восторжествовал над огнем – духовный над естественным, разженным жестокостью тирана. Подобно тому как морская скала, принимая удары волн, сама остается неподвижной, а волны разбивает в пену и легко уничтожает, так точно и сердце этой жены, принимая удары скорбей, как скала в море – волны, само оставалось непоколебимым, а удары эти сокрушало мыслью твердой и исполненной любомудрия. Она старалась доказать тирану, что она – истинная мать их, а они – истинные дети ее, не по сродству природы, а по общению в добродетели; в огне думала она видеть не казнь, а брачный светильник. Не так радуется мать, украшая детей на брак, как радовалась она, видя их казненными; и как будто на одного надевая брачную одежду, другому сплетая венки, третьему приготавливая брачный чертог, – так она веселилась, видя одного идущим на жаровню, другого бегущим на сковороду, третьего лишаемым головы. Все было полно дыма и смрада, и всеми чувствами она ощущала детей, – глазами видя, слухом слыша любезнейшие слова, самыми ноздрями принимая дым от тел приятный и неприятный, неприятный для неверных, а для Бога и для нее всего приятнейший, тот дым, который заражал воздух, но не заразил сердца жены, потому что она стояла твердой и непоколебимой, терпеливо перенося все происходившее. Впрочем, уже время прекратить беседу, чтобы им были возданы большие похвалы от общего нашего учителя¹.

Пусть подражают этой жене отцы, пусть соревнуют матери, и жены, и мужья, и живущие в девстве, и одетые в рубища, и облеченные в золотые цепи, – потому что какой бы мы ни достигли степени строгости в жизни и любомудрия, любомудрие этой жены идет впереди нашего терпения. Поэтому никто из достигших до высокой степени мужества и терпения пусть не считает недостойным иметь своей учительницей эту престарелую жену; но все вообще, и живущие в городах, и обитающие в пустынях, и хранящие девство, и с честью пребывающие в непорочном супружестве, и презирующие все настоящее, и распявшие тело, – будем молиться, чтобы, совершив одинаковый с ней подвиг, удостоиться одинакового с ней дерзновения, и стать близ нее в тот день; молитвами этой святой и детей ее и дополняющего сонм их Елеазара, старца великого, доблестного и показавшего в бедствиях адамантовую душу. А можем удостоиться мы этого, если при их святых молитвах сделаем все, зависящее и от нас самих, прежде борьбы и бедствий во время мира преодолевая свои страсти, укрощая беспорядочные движения плоти, изнуряя и порабощая тело. Если мы так будем жить во время мира, то получим светлые венцы за предуготовительные подвиги; а если человеколюбивому Богу угодно будет вывести нас на такую же борьбу, то мы выйдем на бой готовыми, и получим небесные блага, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Беседа третья о святых Маккавеех

Похвала старцу Елеазару, семи братьям-мученикам и их матери. – Противоположность между неслыханной жертвой этой святой женщины и малодушием некоторых христиан, жалеющих иногда пожертвовать даже немного серебра.

Имея в виду с одной стороны похвалу, подобающую мученикам за дела их, а с другой – взирая на тесную толпу собравшихся, я недоумеваю. Поэтому, если угодно, в настоящее время отложим наставление, и постараемся подражать твердости мучеников. Итак, первый пусть предстанет перед нами старец Елеазар, начало подвигов, основание мученичества, вступление в борьбу, предводитель мужества, предтеча терпения, юная старость, первомученик Ветхого Завета, подобие верховного из апостолов Петра. Утомился враг, употребляя ласки и мучения, но не перестал мучимый произносить свою речь; стоял старец, дрожащий от старости, и сидел тиран, дышащий угрозой и убийством; но дрожащий отошел торжествующим, а надмевающийся отошел побежденным; стояла дряхлость, подвергаемая мучениям, и производила суд юность, гордо свирепствовавшая, но победа осталась на стороне дряхлости. О, новый род победы! Все воинство метавших стрелы обратил в бегство один старец, подвергавшийся ударам. Дивные подвиги старца не попускают мне перейти к мужеству юношей; однако нам нужно обратиться и к ним, показавшим силу свою над тираном; и они одержали над ним славную победу, потому что не подобало юности оказаться менее бесстрашной, чем старости. Итак, один за другим были увенчаны семь доблестных юношей, дети одной утробы, вышедшие на одно сражение. Впрочем, если угодно, я не стану говорить о них (вам), ревностные почитатели твердых мучеников. Затем, как я сказал, были увенчаны семь доблестных юношей, дети одной утробы, вышедшие на одно сражение, украшенные братством по рождению и одинаковыми нравами, предавая себя один после другого на подвиги. Теперь мне нужно повторить перед вами, великодушные слушатели,

это евангельское изречение: «*блаженно чрево, носившее вас, и сосцы, вас питавшие*» (Лк.11:27). Упомянув о сосцах и чреве, я перейду теперь к матери этих доблестных подвижников, которая в одном своем теле неоднократно умирала или – лучше – была неоднократно убиваема, и ни разу не предалась сетованию, – к неуязвимой и вместе много уязвленной. Не столько смущал ее первый из сыновей, влекомый на смерть, сколько страшил второй, еще не выступивший на подвиги; не столько потом огорчала ее смерть второго, сколько страшила жизнь третьего сына, которой конец был еще неизвестен; мало озабочивал ее третий и четвертый сын, предаваемый смерти, пока пятый еще не был умерщвлен; и падение шестого не победило ее любомудрия; оставался наконец последним для подвигов седьмой, дополнивший семитонную цитру мучеников. Что же? Смутилась ли она от незрелости его возраста, стала ли скорбеть при виде отнимаемого остатка ее природы? Напротив, она сама влекла дитя на смерть, если не руками, то советами. Не расторгай, сын мой, говорила она, числа венцов; будь общником братьев, как в рождении, так и в подвигах; подражай сродству природы сродством в делах; покажи себя и в борьбе братом убитых; седьмым сыном родился ты у меня по природе, седьмым мучеником будь у меня по воле; не допусти, сын мой, чтобы я называлась матерью семи сыновей, но шести мучеников. Где теперь те, которые не хотят делать приношения Богу даже из своего имущества? Ныне мать привела к Господу семерых юных сыновей – и не смутилась, жертвуя своей утробой; а у нас многие иногда жалеют принести и несколько мелких монет. Будем же приносить в жертву Богу и души, и имущества, и тела, во всем прославляя Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Еще о маккавеях²

Оттиски царских изображений можно находить не только блестящими на золоте, серебре и драгоценных предметах, но тот же самый образ можно видеть начертанным и на меди. И различие материалов не отнимает у изображения его достоинства: изображения, сделанные из драгоценных материалов, нисколько не теряют своей чести от того, что те же самые изображения воспроизводятся на материалах низшего качества, потому что всем им дает одинаковое достоинство царский образ, который, нисколько не унижая себя родом материалов, делает более почетным тот, который его принимает.

Похвальная беседа о святом отце нашем Мелетие, архиепископе Антиохии великой, и о ревности собравшихся*3

Похвалы св. Мелетию, поселившему в антиохийцах великую любовь к нему, и антиохийцам, сохраняющим эту любовь. – Проявления этой любви при вступлении св. Мелетия на кафедру. – Обстоятельства изгнания святого из Антиохии – пример любви ко врагам. – Изгнание усиливает еще более любовь к святителю, проявления ее при возвращении его. – Путешествие св. Мелетия в Константинополь, кончина на Вселенском Соборе и принесение мощей его в Антиохию. Утоление преемником скорби о кончине святого и еще большее усиление любви к почившему и памяти о нем. Св. Мелетий – ходатай перед Богом за антиохийцев.

1. Со всех сторон обводя глазами это священное стадо и видя город весь здесь присутствующим, не знаю, кого мне ублажать прежде, – святого Мелетия, что он и по смерти пользуется такой честью, или вашу любовь, что вы оказываете столько расположения к своим пастырям и после их смерти. Подлинно, блажен он, что смог оставить такое очарование любви во всех вас; блаженны и вы, что, приняв залог любви, донныне постоянно сохраняете его неизменным в отношении к тому, кто дал его вам. Уже пятый год прошел с того времени, как он отошел к вожделенному Иисусу, но вы поспешили навстречу ему сегодня с такой кипучей ревностью, как будто виделись с ним вчера или третьего дня. Поэтому можно позавидовать ему, что произвел таких детей; но можно позавидовать и вам, что вашим жребием было иметь такого отца. Благороден и удивителен корень, но и плоды достойны этого корня. В самом деле, как корень какой-либо дивный, скрываясь в недрах земли, хотя сам и не виден, обнаруживает однакож добрую силу свою чрез плоды, так точно и блаженный Мелетий, скрытый в этой гробнице, хотя сам невидим для нас для глаз телесных, обнаруживает однакож чрез вас плоды свои, силу своей благодати; и если бы мы стали молчать, то и одно

это празднество и горячее ваше усердие достаточно для того, чтобы громче трубы возгласить о любви святого Мелетия к детям, потому что он воспламенил в душе вашей такую любовь к себе, что вы и имя его одно горячо принимаете и возбуждаетесь при самом его названии.

Поэтому и я теперь не просто, но нарочито и с намерением постоянно вставляю среди моих слов это имя, и как иной, сплетая золотой венец и осыпая его перлами, множеством камней делает диадему блистательнее, так и я, сплетая сегодня венец похвал для блаженной этой главы, вставляю в слова свои постоянные упоминания его имени, как бы множества перлов, надеясь этим сделать его более приятным и блистательным. Таков закон и таково свойство любящих, – привязываться и к одним только именам любимых, и к самым названиям относиться с горячностью, что и вы испытали в отношении к сему блаженному. В самом начале, как он прибыл в город и вы приняли его, каждый из вас называл свое дитя его именем, думая чрез это имя ввести святого в дом свой, и матери, минуя отцов, дедов и прадедов, давали новорожденным детям имя блаженного Мелетия. Благочестивая ревность побеждала природу, и дети с этого времени были любезными для родителей не по естественной только любви, но и по расположению к такому имени. Самое имя это считали и украшением родства, и утверждением дома, и спасением для называющихся им, и утешением любви; и как сидящие во тьме, как скоро зажжена одна лампада, зажигают от нее много светильников, и каждый вносит их в дом свой, так точно и тогда, когда это имя, как свет, явилось в городе, каждый вносил в свой дом имя этого блаженного, как бы зажигая светильник и как бы приобретая чрез такое название сокровище бесчисленных благ. Подлинно, происходившее тогда было обучением благочестию: по необходимости постоянно вспоминая это имя и содержа в душе самого святого, находили в имени его оружие для отгнания всякой безумной страсти и помысла; и сделалось оно столь общеупотребительным, что везде, и на улицах, и на торжищах, и на полях, и на дорогах, отовсюду слышалось это имя. Впрочем не к имени только его вы питали такую

привязанность, но и к внешнему его виду. Как вы поступали с его именем, так поступали и с его изображением. Многие начерчивали этот святой образ и на перстнях – вместо камней, и на печатях, и на чашах, и на стенах комнат, везде, – чтобы не только слышать святое имя его, но и везде видеть телесный образ его, и иметь двойное утешение в разлуке с ним.

Тотчас по вступлении он был изгнан из города, потому что враги истины преследовали его; а Бог попустил это, желая показать вместе и его добродетель, и ваше мужество. Так как он, пришедши как бы Моисей в Египет, избавил город от еретического заблуждения и, отсеки гнилые и неисцельно больные члены от остального тела, возвратил целой церкви совершенное здоровье, то враги истины, не вынося такого исправления, склонили тогда царя изгнать его из города, надеясь таким образом восторжествовать над истиной и разрушить исправление прежде бывшего. Но случилось противное тому, чего они ожидали, и еще более обнаружилась ваша ревность, и еще яснее просияло его умение научать: его (умение) – в том, что в течение неполных тридцати дней он смог так утвердить вас в ревности по вере, что когда и бесчисленные ветры потом налегали, учение это осталось непоколебимым; а ваша ревность обнаружилась в том, что вы с таким тщанием приняли семена, посеянные им в течение неполных тридцати дней, что они пустили корни в глубину вашей души и не поддались уже ни одному из случившихся после того искушений.

2. Несправедливо было бы опустить и то, что случилось при самом изгнании. Когда начальник города, посадив на колеснице близ себя святого, проезжал быстро среди площади, то камни, как град, со всех сторон посыпались на голову начальника, потому что граждане не переносили разлуки и хотели лучше лишиться настоящей жизни, нежели видеть отторгнутым этого святого. Что же сделал тогда этот блаженный? Увидев бросаемые камни, он покрыл голову начальника своими одеждами, и врагов пристыдив чрезмерной кротостью, и вместе ученикам своим преподав наставление, какое должно оказывать незлобие к обижающим, и как не только не следует делать им

никакого зла, но, если и от других угрожает им опасность, то и ее отклонять со всей ревностью. Кто не изумлялся тогда, видя и неистовую любовь граждан, и поражаясь высоким любомудрием учителя, его смирением и кротостью? Подлинно, неожиданно было случившееся тогда. Пастырь был изгоняем, а овцы не рассеивались; кормчий был выбрасываем, а ладья не погружалась; земледелец подвергался преследованию, а виноград приносил большой плод. Так как вы были связаны друг с другом союзом любви, то ни наведенные искушения, ни возникшие опасности, ни дальность пути, ни продолжительность времени, и ничто другое не смогло отлучить вас от общения с блаженным пастырем.

Он был изгоняем для того, чтобы стал далеким от детей; но случилось противное: он еще теснее соединился с вами узами любви, и отправился в Армению, взяв с собой весь город. Тело его, конечно, оставалось в том отечестве, но сердце и ум, воспаряя благодатью Духа, как бы на каких крыльях, и постоянно присутствуя среди вас, содержали весь этот народ в душе его. То же самое испытали и вы. Сидя здесь в пределах этого города, вы духом любви ежедневно улетали в Армению, смотрели на святое лицо, слушали приятнейший и блаженный голос, и затем опять возвращались. По этой причине Бог и попустил ему тотчас быть изгнанным из города, чтобы, как я прежде сказал, показать нападающим на вас врагам и твердость вашей веры, и его опытность в учении.

Это ясно и из того, что, возвратившись после первого изгнания, он пробыл здесь не тридцать только дней, но (целые) месяцы и годы, не один и не два, а больше, и так как вы дали достаточное доказательство твердости в вере, то Бог и дал вам снова безбоязненно наслаждаться отцом. Подлинно, величайшее было наслаждение – видеть святое лицо его. Не только когда он учил, или говорил, но и когда просто смотрели на него, он был в состоянии внедрить всякое учение добродетели в душу зрителей. Поэтому, когда он возвращался к вам и весь город перешел на дорогу, то одни близко подходили к нему, прикасались к ногам, целовали руки и слушали голос; а другие, задержанные толпой, только издали глядя на него,

получали от лицезрения его как будто достаточное благословение, чувствовали себя нисколько не хуже находившихся вблизи, и таким образом уходили с полным довольством. И что бывало при апостолах, то же случилось и при нем. Как при апостолах, те, которые не могли подойти и быть близко, от тени их, простиравшейся и издали касавшейся их, получали такую же благодать и одинаково здоровыми уходили, – так точно и теперь те, которые не могли подойти, чувствовали как бы некоторую духовную славу, исходившую от святой главы сей и достигавшую до самых отдаленных, и все уходили, от одного лицезрения его исполнившись всякого благословения.

3. Когда наконец общему всех Богу угодно было воззвать его из настоящей жизни и поставить в лик ангелов, то и это произошло не просто, но вызывает его грамота царя, подвинутого к тому Богом, – вызывает его не в близкое какое-либо и соседнее место, в самую Фракию, чтобы и галаты, и вифиняне, и киликийцы и каппадокийцы и все живущие близ Фракии узнали наше сокровище, чтобы епископы всей земли, взирая на святость его, как на первоначальный образец, и получив в нем очевидный, ясный пример служения в этом достоинстве, имели верное и яснейшее правило, по которому должно устроить церкви и управлять. Тогда многие из многих мест вселенной стеклись туда, как ради величия города, так и по причине пребывания в нем царя; епископы же церквей все созваны были туда царскими грамотами, потому что церкви, оправившись от долгой войны и бури, начинали пользоваться миром и тишиной. Поэтому тогда прибыл туда и он (святой Мелетий). И как при трех отроках, когда они имели быть прославленными и увенчанными, погасив силу огня, поправ гордость властителя и обличив всякий вид нечестия, сидели зрители со всей вселенной, (сатрапы же и власти высшие и местные со всей земли были созваны по другой причине, но сделались зрителями и этих подвижников), так точно случилось и теперь, чтобы составилось для блаженного блестящее собрание зрителей: присутствовали созванные по иной причине епископы, управлявшие церквами всей земли, и созерцали

этого святого. Когда же они насмотрелись на него, и верно познали его благочестие, мудрость, ревность по вере и всякую совершенную в нем добродетель, подобающую священнослужителю, тогда Бог воззвал его в Себе.

Случилось же это и из жалости в нашему городу. Если бы он здесь испустил дух, невыносимо должно бы было стать бремя этого несчастья. Кто мог бы видеть этого блаженного испускающим последние вздохи? Кто мог бы видеть веки глаз его закрывающимися и уста смыкающимися, вещающими последние слова? Кто, видя это, не пал бы духом от великого несчастья? Посему, чтобы не было этого, Бог устроил, что он испустил дух в чужой стране, дабы в промежуточное время размыслив о несчастье и приучив наш ум к горести, мы не были потрясены в душе, когда увидим его прибывшего мертвым, как действительно и случилось. Когда город встречал святое тело его, то, хотя и в таких обстоятельствах сетовал и сильно рыдал, но скоро оставил этот плач как по сказанной причине, так и по другой, о которой намереваюсь сказать.

Именно: человеколюбивый Бог, сжалившись над нашей скорбью, скоро указал нам другого пастыря³, который с великой точностью сохраняет черты предшественника и представляет образец всякой добродетели, который, по вступлении на престол, тотчас сложил с нас печальную одежду и угасил скорбь, а память о блаженном возобновил еще более. Боль исчезла, уныние совершенно устранено, а любовь воспламенилась еще сильнее, хотя обыкновенно этого не бывает и при потере самых любимых. Когда кто-нибудь потеряет любимого сына или жена – уважаемого мужа, то, доколе сохраняет о нем живую память, и скорбь более сильно снедает душу; а когда время проходя смягчит скорбь, то вместе с силой скорби угасает и живость воспоминания. С этим же блаженным было напротив: уныние уже совершенно изгнано, а память о нем не исчезла вместе с печалью, но еще больше возрасла. И свидетели этому – вы, которые, спустя столько времени (после его кончины), как пчелы сот, окружили тело блаженного Мелетия. Побуждением к тому было не естественное расположение к нему, но здоровое суждение ума: поэтому

память о нем и не угасла с его смертью и не ослабела от времени, но увеличивается и более возрастает не только в тех из вас, которые видели его, но и в невидавших. Это-то и удивительно, что даже и те, которые были еще очень молоды при его жизни, сами воспламеняются любовью к нему. Таким образом вы, старцы, имеете преимущество перед невидевшими его в том именно, что были вместе с ним и наслаждались святым общением; а невидевшие имеют то преимущество пред вами, что, не видев этого мужа, оказывают любовь к нему не менее вас, видевших его. Будем же молиться все вместе, начальники и подчиненные, жены и мужи, старцы и юноши, рабы и свободные, – имея самого блаженного Мелетия участником этой молитвы (а ныне у него большее дерзновение и более горячая любовь к нам), чтобы эта любовь в нас возрастала, и чтобы всем нам удостоиться подобно тому, как здесь находимся близ его гробницы, так и там иметь возможность быть близ его вечной обители, и получить уготованные блага, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа о мучениках*4

Праздновать в честь мучеников надо подражанием их, чистотой совести. Хорошее дело – посещать гробницы мучеников, но надо и после богослужения сохранять благоговение к мученикам. Пьяница не наследует Царства Божия и здесь не испытывает настоящего удовольствия. У гробов мучеников можно иметь свое, духовное наслаждение и должно учиться мужеству, борьбе со страстями, а не предаваться чувственным удовольствиям.

Праздники мучеников признаются не только по круговороту дней, но и по расположению празднующих. Например: ты стал подражать мученику, поревновал его добродетели, пошел по следам его любомудрия? Вот ты, и без наступления дня мученика, отпраздновал праздник мученика, потому что честь мученику – подражание мученику. Как те, которые совершают худые дела, бывают и в праздники без праздников, так и те, которые следуют добродетели, и без торжества совершают праздник, потому что праздник отмечается чистотой совести. Это выражал и Павел, когда говорил: *«посему станем праздновать не со старою закваскою,.. порока и лукавства, но с опресноками чистоты и истины»* (1Кор.5:8). Таким образом есть безквасное у иудеев, есть и у нас; но у них безквасное из муки, а у нас – чистота жизни, жизнь свободная от всякого порока, так что, кто соблюдает жизнь свою чистой от нечистоты и пятен, тот каждодневно празднует и всегда торжествует, хотя бы и не в день мучеников, и не в их храмах, но и сидя дома. Можно и у себя праздновать праздник мучеников. Говорю это не для того, чтобы нам не приходиться к гробам мучеников, но чтобы, пришедши, мы встречали праздник с надлежащим усердием и не только в дни их, но и без этих дней, оказывали одинаковое благоговение. Кто не порадуется сегодня нашему собранию, этому светлому зрелищу, кипучей любви, горячему расположению, неудержимой страсти? Почти весь город переселился сюда, и ни раба не удержал страх перед господином, ни бедного – нужда бедности, ни старца – слабость

возраста, ни жену – нежность пола, ни богатого – гордость от изобилия, ни начальника – надменность власти; но любовь к мученикам, устранив всякое подобное неравенство, и слабость природы, и нужду бедности, одной цепью привлекла сюда такое множество и окрылила любовью к мученикам, как будто теперь вы устраиваетесь жить на небе: поправ всякую похоть невоздержания и непотребства, вы пламенеете любовью к мученикам. Как при восхождении солнца, дикие звери разбегаются и скрываются в свои пещеры, так и когда свет мучеников озаряет наши души, все болезни ее погребаются, и возгорается светлый пламень любомудрия. А чтобы нам не только теперь, но и постоянно, и по окончании настоящего духовного зрелища, сохранять этот пламень, возвратимся и домой с тем же самым благоговением, не пускаясь в места пьянства и блудодеяния, в опьянение и пиршества. Вы обратили ночь в день, посредством священных всенощных бдений; не обращайтесь же опять дня в ночь посредством пьянства и невоздержания и блудных песней. Ты почтил мучеников своим прибытием, слушанием, усердием; почти же их и пристойным возвращением домой, чтобы кто-нибудь, увидев тебя бесчинствующим в месте пьянства, не сказал, что ты приходил не ради мучеников, а чтобы усилить свою страсть, чтобы удовлетворить порочной похоти. Говорю это, не препятствуя веселиться, но препятствуя грешить, не препятствуя пить, а препятствуя пьянствовать. Не вино худо, но неумеренность порочна; вино есть дар Божий, а неумеренность – изобретение дьявола. Итак, *«служите Господу со страхом и радуйтесь [пред Ним] с трепетом»* (Пс.2:11).

Ты хочешь насладиться веселием? Наслаждайся дома, где, если и произойдет опьянение, много прикрывающих, – а не в месте пьянства, чтобы тебе не быть общим зрелищем для присутствующих и соблазном для других. Говорю это, не приказывая дома пьянствовать, но не проводить время в местах пьянства. Представь, как смешно, – после такого собрания, после всенощных бдений, после слушания Священного Писания, после приобщения Божественных Таин и после духовного ликования, мужу или жене являться в месте

пьянства и проводить там целые дни. Разве вы не знаете, какое положено наказание пьянствующим? Они извергнутся из Царства Божия, лишатся неизреченных благ и будут посланы в вечный огонь. Кто говорит это? Блаженный Павел: *«ни лихоимцы, – говорит он, – ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют»* (1Кор.6:10). Что может быть несчастнее пьяницы, когда он за малое удовольствие лишится наслаждения таким Царством? Лучше сказать: даже и удовольствием не может воспользоваться пьяница, потому что удовольствие – в умеренности, а в неумеренности – бесчувственность. Кто не чувствует, где он сидит или лежит, тот как может чувствовать удовольствие от питья? Кто самого солнца не может видеть от густого облака опьянения, тот как может наслаждаться радостью? Мрак его таков, что и лучи солнечные не в состоянии разогнать у него эту тьму. Всегда, возлюбленные, пьянство зло, но особенно в день мучеников. Здесь вместе с грехом есть и величайшее оскорбление, и глупость, и унижение божественных вещаний, – поэтому может быть и двойное наказание. Итак, если ты, пришедши к мученикам, намереваешься, по выходе отсюда, пьянствовать, то лучше бы тебе оставаться дома, и не бесчинствовать, не оскорблять праздника мучеников, не соблазнять ближнего, не вредить душе, не прибавлять грехов. Ты пришел посмотреть на людей, терпевших скобление, облитых кровью, украшенных множеством ран, отказавшихся от настоящей жизни, стремившихся к будущей: будь же достоин этих подвижников. Они презирали жизнь, ты презирай удовольствия; они отказались от настоящей жизни, ты откажись от страсти к пьянству.

Но ты хочешь получить удовольствие? Оставайся при гробе мученика, проливай там источники слез, сокрушайся душой, получай благословение от этого гроба; приобретши ходатайство его в молитвах, проводи всегда время в слушании повествований об его подвигах, обнимай его гробницу, пригвозди себя к его раке, потому что не только кости мучеников, но и гробы их и раки источают великое благословение. Прими святой елей и помажь все свое тело,

язык, уста, шею, глаза, и никогда не впадешь в кораблекрушение пьянства, так как елей своим благоуханием напоминает тебе о подвигах мучеников, обуздывает всякое невоздержание, удерживает в великом терпении и побеждает душевные болезни. Но ты хочешь проводить время в рощах, лугах и садах? Только не теперь, когда столько народу, но в другой день; сегодня время подвигов, сегодня зрелище борьбы, а не удовольствия и не отдохновения. Ты пришел сюда не для того, чтобы предаться лени, но чтобы научиться бороться, сражаться всеми способами и, будучи человеком, сокрушать силу невидимых бесов. А никто, пришедши на место борьбы, не предается удовольствиям, и, прибывши во время подвигов, не занимается украшением себя, и во время сражения не заботится о трапезах. Поэтому и ты, пришедши посмотреть на мужество души и крепость ума, на трофей новый и необычайный, на некоторую особенную борьбу, на раны и сражения, на всевозможное состязание человеческое, не вводи действий бесовских, предаваясь пьянству и удовольствиям после этого необыкновенного и страшного зрелища, но приобретши душевную пользу, отправляйся с ней домой, самым видом своим показывая всем, что ты возвратился, видев мучеников. Как возвращающиеся со зрелищ заметны для всех потому, что бывают смущены, расстроены, расслаблены, и носят в себе образы всего там происходившего, – так и возвращающемуся от созерцания мучеников надлежит быть заметным для всех по взору, по осанке, по походке, по сокрушению, по сосредоточенности душевной, дышать пламенем, быть скромным, сокрушенным, трезвенным, бодрым, в самых движениях тела выражающим внутреннее любомудрие. Так будем мы возвращаться в город, с надлежащей благопристойностью, с благоприличной походкой, с благоразумием и целомудрием, с кротким и мирным взором: *«одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его»* (Сир.19:27). Так всегда будем возвращаться от мучеников, от духовных ароматов, небесных лугов, новых и дивных зрелищ, чтобы и нам самим получить великое облегчение, и для других стать защитниками свободы, и

сподобиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа о мучениках и о сокрушении и милостыне

Сказана в городе, когда епископ отбыл на село для празднования дня мучеников*5

Превосходство церковных праздников перед мирскими зрелищами. Души святых – колесница Божия и храм. Равенство города и села в деле религии. Изобилие мучеников в селе возмещает недостаток учителей; мученики и молча учат и убедительнее проповедников они. Их тела оставлены Богом на земле, чтобы люди, приходя к ним, облегчали душу от житейских треволнений. Недостойно причащающиеся распинают Христа. Самоосуждение строгое и плач о грехах избавляют от будущего суда. Поучение церковное – светильник для души; и по выходе из церкви, куда диавол не имеет доступа, надо сохранять этот свет и проводить учение в жизнь, не увлекаясь, в особенности, богатством и роскошью.

1. Вчера день мучеников, и сегодня день мучеников; о, если бы и всегда нам совершать день мучеников! Если помешавшиеся на зрелищах и глазающие на конские ристалища, никогда не насыщаются этими непристойными зрелищами, то гораздо более нам должно иметь ненасытимое расположение к праздникам святых. Там дьявольское торжество, а здесь христианский праздник; там скачут бесы, а здесь ликуют ангелы; там гибель душ, а здесь спасение всех собирающихся. Однако и там есть некоторое удовольствие? Но не такое, какое здесь. Что за удовольствие – смотреть на коней, бегающих тщетно и напрасно? А здесь ты видишь не запряжки бессловесных, но бесчисленные колесницы мучеников и Бога, стоящего на этих колесницах и устремляющего путь к небу. А что души святых суть колесница Божия, послушай пророка, который говорит: *«колесниц Божиих тьмы тем, тысячи ликующих»*⁴ (Пс.67:18). Чем одарил Он вышние силы, то даровал и нашему естеству. Он сидит на херувимах, как и псалом говорит: *«воссел на Херувимов и полетел»* (Пс.17:11); и еще: *«восседающий на Херувимах, и... видящий бездны»* (Дан.3:54). Это Он дал также и нам; на них Он сидит, в нас обитает: *«яко вселюся и похожду в вас»* (2Кор.6:16; Лев.26:12).

Они стали колесницей, мы храмом. Видишь ли сродство чести? Видишь ли, как Он умиротворил горнее и дольнее? Поэтому мы несколько не отстали от ангелов, если захотим. Но, как я сказал вначале, вчера день мучеников, и сегодня день мучеников, не тех, которые у нас, но тех, которые в селе, или – лучше – и те у нас. Город и село в делах житейских различаются между собой, но в отношении к благочестию обобщаются и имеют единение. Не смотри на варварский язык тамошних жителей, но – на любомудрую их душу. Какая польза от согласия в речи, когда мысли не согласны? И какой вред от различия в речи, когда есть единение в вере? В этом отношении и село ничем не хуже города, потому что в главном из благ они равночестны. Поэтому и Господь наш Иисус Христос не в городах только пребывал, а села оставлял пустыми и праздными, но *«ходил... по всем городам и селениям, ...проповедуя Евангелие... и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь»* (Мф.9:35; Лук.13:22). Ему подражая, и общий наш пастырь и учитель оставил нас и пошел к тем, или – лучше – не оставил нас, уйдя к ним, потому что ушел к нашим братьям. И как, когда совершался праздник Маккавеев, все село стеклось в город, так теперь, когда отправляется праздник тамошних мучеников, всему городу следовало бы переселиться к ним. Для того Бог и насадил мучеников не только в городах, но и в самом селе, чтобы по случаю праздников мы имели необходимый повод к взаимному общению, – и больше (мучеников) в селе, нежели в городе. Недостаточному Бог дал более обильную честь; это – немощнейший член, потому он и получил большее врачевание, так как живущие в городах постоянно пользуются учением, а живущие в деревне не участвуют в этом изобилии.

Итак Бог, утешая в недостатке учителей обилием мучеников, устроил, что у тех больше погребено мучеников. Они не слышат непрестанно голоса учителей; за то слышат голос мучеников, который вещает к ним из гроба и имеет большую силу. А чтобы убедиться, что мученики и молча имеют более силы, нежели мы говорящие, (вспомните, что) многие, часто беседуя со многими о добродетели, не имели никакого успеха, другие же молча совершили величайшие дела своей светлой

жизнью; тем больше совершили это мученики, издавая не голос из уст, но гораздо высший изустного – голос самых дел, которым они беседуют со всем человеческим естеством, говоря такие слова: посмотрите на нас, какие мы потерпели бедствия. А что мы потерпели, будучи осуждены на смерть и найдя вечную жизнь? Мы удостоились положить тела свои за Христа; но если бы мы теперь не предали их за Христа, то, спустя немного, должны были бы и невольно разлучить их с временной жизнью; если бы мученичество не пришло и не взяло их, то общая природная смерть пришла бы и разрушила бы их. Потому мы непрестанно благодарим Бога, что Он удостоил нас смертью, неизбежно необходимой, воспользоваться ко спасению наших душ, и то, что составляет необходимый долг, принял от нас, как дар, и притом с величайшей честью. Однако мучения тяжки и несносны? Но они продолжаются краткий момент времени, а блаженство от них – бесконечные веки; или – лучше – даже и на краткое мгновение времени эти мучения не тяжки для тех, которые взирают на будущее и стремятся к Распорядителю подвигов. Так и блаженный Стефан очами веры созерцал Христа, и поэтому не видел дождя камней, но вместо них исчислял награды и венцы (Деян.7:55). Так и ты перенеси взор свой от настоящего к будущему, и не получишь даже кратковременного ощущения бедствий.

2. Это и больше того говорят мученики, и убеждают гораздо больше, нежели мы. В самом деле, когда я говорю, что мучение не включает в себе ничего тяжкого, то слова мои не кажутся достоверными, так как рассуждать о подобном на словах несколько не трудно; а мученик, говорящий делами, не встречает ни в ком противоречия. И как бывает в банях, когда ванна наполнена горячей водой, и никто не осмеливается спуститься в нее, – пока сидящие на краях побуждают к этому друг друга словами, то никого не убеждают; а когда один кто-нибудь из них или опустит руку или, разув ногу, смело бросится всем телом, то и молча, лучше говорящих много, убедит сидящих вверху спуститься в ванну, – так и у мучеников: здесь, вместо ванны с водой, предстоит костер. Таким образом снаружи, стоящие кругом, хотя бы увещевали бесчисленными

речами, не очень убеждают; а когда один кто-нибудь из мучеников не ногу только или руку спустит вниз, но ввергнет все тело, предлагая сильнейший всякого увещания и совета опыт на самом деле, то изгоняет страх из окружающих.

Видите ли, сколько сильнее голос и безмолвствующих мучеников. Поэтому Бог и оставил нам тела их; поэтому они, давно победив, доселе еще не воскресли, но, хотя уже за столько времени претерпели подвиги, еще не получили воскресения, не получили ради тебя и ради твоей пользы, чтобы и ты, помышляя о таком подвижнике, возбуждался к подобному подвигу. Им самим нет никакого вреда от этого замедления; а для тебя происходит величайшая польза от этого обстоятельства. Они впоследствии получают то, чего не получают ныне; а если бы Бог теперь же взял их отсюда, то лишил бы нас великого назидания и утешения, так как поистине величайшее назидание и утешение бывает всем людям от гробов этих святых. Свидетели сказанного – вы сами. Часто мы угрожали, ласкали, устрашали, увещевали вас, но вы не оказывали такого усердия к молитве и не возбуждались; а пришедши во храм мучеников, не слыша ни от кого совета, увидев только гроб святых, вы стали проливать обильные источники слез и стали горячи в молитвах. Мученик лежит безгласен, в совершенном молчании: что же такое трогает совесть и заставляет ручьи слез литься, как из источника? Самое представление о мученике и воспоминание о всем совершенном им. Как бедные, когда увидят других богатыми, достигшими высоких званий, окруженными телохранителями, пользующимися у царя великой честью, из благосостояния других яснее познавая собственную бедность, проливают слезы, – так точно и мы, когда вспомним о дерзновении мучеников, какое имеют они перед Царем всех – Богом, о светлости и славе их, вспомним также о собственных грехах, то из богатства их яснее увидев собственную бедность, сетуем и скорбим, познавая, как далеко мы отстоим от них; это и производит слезы. Для того Бог и оставил нам здесь тела их, чтобы, когда куча занятий и множество житейских забот наведет густой мрак на нашу душу от частных или общественных дел (а

их так много), тогда, оставив дом, вышедши из города, простившись с этим шумом, мы удалились бы в храм мучеников, насладились тамошним духовным веянием, забыли о множестве дел, утешились спокойствием, побыли вместе со святыми, помолились Распорядителю их подвигов о нашем спасении, пролили многие моления, и, через все это сложив бремя с своей совести, возвратились опять домой с великой душевной радостью.

Гробницы мучеников суть ничто иное, как безопасные гавани, источники духовных вод, сокровища богатства неистощимые и никогда неисчерпаемые. Как гавани, принимая корабли, заливаемые множеством волн, поставляют их в безопасность, так точно и гробницы мучеников, приняв наши души, заливаемые житейскими делами, поставляют их в великую тишину и безопасность. И как источники холодных вод оживляют тела, изнуренные трудом и жаром, так точно и эти гробницы прохлаждают души, опаленные неуместными страстями, и погашают при одном на них взгляде, и неуместную похоть, и иссушающую зависть, и пламенный гнев, и все другое, что ни тревожило бы нас. И сокровищ они гораздо лучше, потому что денежные сокровища подвергают многим опасностям тех, кто находит их, и, будучи разделены на многие части, от этого деления уменьшаются; а здесь нет ничего такого, но в противоположность чувственным сокровищам и приобретение безопасно, и деление не производит уменьшения. Те, как я сейчас сказал, будучи раздроблены на части, делаются меньше; а эти, когда будут разделены между многими, тогда еще более показывают свое богатство. Таково естество предметов духовных: они от раздробления увеличиваются, от деления умножаются. Не так приятны луга, представляющие зрителям розы и фиалки, как – гробы мучеников, доставляющие душам зрителей некоторое неувядающее и ненарушимое удовольствие.

3. Итак, с верой прикоснемся к этим гробницам, воспламенимся душой, подыдем плач. Много грехов совершено нами, – и великих грехов; поэтому мы имеем нужду в великом врачевании, в крепком исповедании. Святые мученики пролили

кровь свою – твои глаза пусть прольют слезы; и слезы могут погасить костер грехов. Им были раздираемы ребра, они видели вокруг себя палачей, – так и ты сделай со своей совестью: посади судящий ум на престол неподкупного суждения, выведи на средину все грехи твои, приставь к проступкам грозные мысли, укроти непристойные пожелания, от которых произошли грехи, пусть будут они раздираемы великой силой. Если мы таким образом позаботимся судить сами себя, то избежим и того страшного судилища. А что судящий ныне сам себя и требующий от себя строгого отчета во грехах, не подвергнется осуждению в будущем, об этом послушай Павла, который говорит: *«ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы»* от Господа (1Кор.11:31). Укоряя тех, которые недостойно приобщались таин, он так говорил: *«кто ест и пьет недостойно, ...виновен будет против Тела и Крови Господней»* (1Кор.11:27, 29). А этим говорит он следующее: как распявшие Иисуса, говорит, так и недостойно приобщающиеся таин понесут наказание. Пусть никто не осудит это слово за преувеличение. Тело Господне есть царская одежда; а разорвавший царскую багряницу и замаравший ее нечистыми руками одинаково оскорбляют, – посему одинаково и наказываются; так бывает и в отношении к Телу Христову. Иудеи растерзали его гвоздями на кресте, а ты, живя во грехах, – нечистым языком и мыслью. Поэтому и одинаковым наказанием пригрозил тебе Павел, и дальше говорит: *«оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает»* (1Кор.11:30). Затем, показывая, что требующие от самих себя здесь отчета во грехах, осуждающие проступки свои, и потом уже не впадающие в те же грехи, смогут исхитить себя от будущего, страшного и неумолимого приговора, он прибавляет: *«ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром»* (1Кор.11:31–32). Итак, будем терзать свою душу, сильно наказывая невоздержные помыслы; будем смывать нечистоты свои слезами; велик плод этих рыданий, велико назидание и утешение. Как велико наказание за смех и распущенность, так напротив постоянные рыдания производят утешение:

«блаженны плачущие, – говорится, – ибо они утешатся» (Мф.5:4); «Горе..., смеющиеся ныне! ибо восплачете» (Лк.6:25). Поэтому и Павел, хотя не сознавал за собой никакого греха, проводил все время в слезах и рыданиях. Кто говорит об этом? Сам этот блаженный: *“три года, – говорит он, – день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас» (Деян.20:31).* Он – три года, а мы – хотя бы один месяц; он – ночи и дни, он – за чужие грехи, а мы – хотя бы за собственные проступки, он – ничего не сознавая за собой, а мы – хотя бы ради обремененной нашей совести. Почему же он плачет? Для чего не только учит и увещевает, но прибавляет и слезы? Как чадолюбивый отец, у которого единственный сын впал в болезнь и не принимает лекарств от врачей, но отвергает их, севши при нем, ласкает его, целует, обнимает, и этой чрезмерной заботливостью желает привлечь его и убедить принять помощь врачевания, – так и Павел, любя верующих всей вселенной, как единственного сына, и видя, что многие впали в худое состояние и в неисцельные болезни душевные и однако не принимают охотно обличение и исправление укоризной, но удаляются от него, удерживал их слезами, чтобы они, видя его плачущим и рыдающим, и тронувшись этим видом, приняли врачевание и, избавившись от болезни, пришли в прежнее здоровье; поэтому он, поучая, всегда плакал.

Если же Павел прилагал такую заботливость к чужим грехам, то какую нам должно прилагать ревность к исправлению собственных? Велика – в смысле пользы – сила печали по Боге; о ней говоря, Исаия, или – лучше – Бог чрез Исаию возвестил так: *«за грех мало что опечалих его» (Ис.57:17).* Я не наложил, говорит, наказания, соразмерного преступлению. В добрых делах Бог превышает меру воздаяниями, а за грехи, по Своему человеколюбию многократно обличая, налагает на преступивших малое наказание. Намекая на это и здесь, Он сказал: *«за грех мало что опечалих его, и видех, яко опечалися, и поиде дряхл, и исцелих пути его» (Ис.57:17–18).*

4. Видишь ли, как и быстра очень и велика польза покаяния? Немного наказав его за грехи, и увидев, что он стал прискорбен и печален, Я оставил, говорит Бог, и это малое

наказание. Так Бог готов к примирению с нами и только ищет малого повода к этому! Доставим же Ему случаи – показать любовь к нам, постараемся соблюдать себя чистыми от грехов; если же когда-нибудь преткнемся, скоро восстанем, оплакивая проступки с полной искренностью, чтобы нам получить радость по Боге. Если грешник примирил с собой Бога тем, что *«опечалился, и поиде дряхл»*, то чего не сделает тот, кто и слезы прибавит к этому и будет призывать Его с великим напряжением? Знаю, что душа ваша теперь разгорелась; но, чтобы нам, вышедши отсюда, не охладить этого жара, но удержать его в себе, сделаем это. Нива души вашей плодоносна, принимает семена и тотчас дает колосья, не нуждается ни в промедлении, ни во времени; но я боюсь вашего врага.

Вне Церкви стоит диавол; он не смеет войти в эту священную ограду, потому что где стадо Христово, там волк не показывается, но, боясь Пастыря, стоит вне. Когда мы выйдем отсюда, не станем тотчас отдаваться непристойным собраниям, или праздным речам и бесполезным занятиям, но, пока еще держим в памяти сказанное, поспешим домой, и каждый, севши с женой и детьми, пусть внимательно размыслит о сказанном. А если не хотите пойти домой, то, собрав дружески тех, которые слушали вместе с вами, сядьте наедине, и, предлагая от себя каждый то, что мог сохранить, вторично составьте полное поучение, чтобы вам собираться сюда не напрасно. Повеления Божии суть светильник: *«светильник заповедь закона и свет, и жизнь, и обличение, и наказание»* (Прит.6:23); а кто зажигает светильник, тот не останавливается на торжище, но спешит домой, дабы не погас огонь от дуновения ветра, дабы не истощился пламень от долгого промедления; так точно поступим и мы. Дух Святой зажег нам Свое учение, поэтому, вышедши отсюда и будучи исполнены того, что слышали, с другом ли, с родственником ли, с домашним ли, или с кем другим мы встретимся, пройдем мимо, чтобы, когда мы будем разговаривать с ним о лишнем и бесполезном, не погас между тем огонь учения, но чтобы он пламенел в душе, как в доме, и, горя в возвышенных помыслах, как бы на каком светильнике,

освещал все внутреннее. Подлинно, странно было бы – видеть душу, оставленную без учения, тогда как мы никогда не терпим видеть вечером дом без светильника и света. Оттого у нас и происходит много грехов, что мы не скоро зажигаем светильник в душе; оттого мы и падаем каждый день, оттого многое и лежит у нас в душе без пользы и как случится, что мы, выслушав божественные изречения, еще прежде, нежели пройдем преддверие церковное, тотчас бросаем их, и, погасив свет, ходим в большом мраке.

Но, если это было прежде, пусть после того уже не будет; постараемся иметь постоянно горящий светильник в душе, и, прежде чем дом, будем украшать душу. Тот ведь остается здесь, а эту мы возьмем, и отходя отсюда; посему и должно удостаивать ее большего попечения. А теперь есть такие жалкие люди, которые украшают здешние дома свои и золотыми потолками, и разноцветными камнями, и живописными картинами, и блестящими столбами, и всем прочим; а душу небрежно оставляют в состоянии хуже всякой опустелой гостиницы, исполненной грязи, дыма, великого зловония, в невыразимом запустении. А причиной всего этого то, что в нас не горит постоянно светильник учения; поэтому необходимое оставлено в пренебрежении, а ничего не стоящее пользуется великим вниманием. Это сказано мной не к богатым только, но и к бедным. И эти часто, украшая по силе дом свой, душу оставляют в небрежении. Посему я делаю общее тем и другим наставление, увещевая и советуя – о делах настоящей жизни заботиться не много, а все старание тратить на попечение о предметах духовных и необходимых. Бедный пусть взирает на вдовицу, положившую две лепты⁵ (Лк.21:2), и не считает бедности препятствием к делам милости и человеколюбия. Богатый пусть помышляет об Иове, и как тот употреблял все свое имущество не на себя, а на бедных, так и он. Потому Иов и перенес доблестно отнятие имущества, что еще прежде искушения дьявольского приучился отчуждать его. Так и ты презирай имеющееся богатство, чтобы, если некогда оно и отойдет, тебе не предаваться скорби. Трать его на нужное, когда имеешь его, чтобы, когда лишишься, тебе иметь двоякую

пользу, – уготованную тебе награду за прекрасную трату, и происходящее от презрения любомудрие, которое бывает полезно во время лишения богатства. Для того оно и называется имуществом (χρηματα), чтобы мы употребляли (χρησωμεθα) его на нужное, а не зарывали бы; для того оно называется стяжанием (κτηματα), чтобы мы владели (κτησωμεθα) им, а не были его владением. Ты – господин большого богатства? Не будь же рабом того, чего владыкой сделал тебя Бог, а не бываешь рабом тогда, когда тратишь его на должное, а не зарываешь. Нет ничего непостояннее богатства, нет ничего изменчивее благосостояния. Итак, поскольку обладание ими непрочно и часто они улетают от нас быстрее всякой птицы и убегают неблагодарнее всякого беглого раба, то, пока мы владыки над ними, будем пользоваться ими на должное, чтобы нам, приобретши на непрочное богатство прочные блага, наследовать уготованное на небесах сокровище, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Похвала святой великомученице Дросиде, и о памятовании смерти*6

Посещение пригородного храма – прогулка за город. Вид гробниц напоминает о смерти, непрочности всего земного, необходимости готовиться здесь к вечности. Воспоминание о мучениках смиряет высокое мнение о себе, предохраняет и от отчаяния. Смерть мучеников – доказательство воскресения Христова, обличение бессилия бесов, осуждение их неблагодарности к Творцу. Воспоминание о подвигах мучеников побуждает людей к добродетели. Противопоставление смерти мучениц падению Евы. Обстоятельства кончины св. Дросиды и прославление ее. Увещание не заботиться о месте погребения своего. Иосиф, своим завещанием о перенесении костей, предупреждал обоготворение его египтянами и утверждал в евреях веру в обетования Божии. Увещание не заботиться о роскошном погребении. Богатые похороны грешника, загробная судьба его и дурная слава о нем на земле. Смерть бедняка праведного, его погребение ангелами, прославление Богом и память благодарная о нем на земле.

1. Трудлюбивые из пастырей, увидев во время долгой зимы светлый луч и день потеплее, выводят овец из хлева и отводят их на обычные пастбища; подражая им и наш добрый пастырь вывел это священное стадо и духовную паству Христову на эти духовные пастбища святых. Хотя овцы насыщаются и стоя при яслях, но когда они выходят за ограды, тогда получают от полей большую пользу, с великим наслаждением склоняясь и обрывая зубами траву, дыша чистым воздухом, взирая на ясные и блестящие солнечные лучи, прыгая около озер, источников и рек; и самая земля, везде украшенная цветами, приносит им некоторое удовольствие. И не для них только, но и для нас в этом есть великая польза, так как хотя и внутри предлагалась нам трапеза, полная духовных яств, но выход к этим святым имеет и некоторое душевное удовольствие и пользу не меньше удовольствия, не потому, что мы дышим чистым воздухом, но потому, что взираем на высокие

дела этих доблестных лиц, восторгаясь не при водных реках, но при реках благодатных дарований, не склоняясь и обрывая траву зубами, но рассказывая о добродетелях мучеников, не землю видя украшенную цветами, но взирая на тела, преисполненные дарованиями духовными. И хотя каждый из мученических храмов доставляет собирающимся не малую пользу, но больше всех этот: как только кто-нибудь войдет в преддверие, тотчас множество гробов со всех сторон попадает на глаза и, куда он ни посмотрит, везде видит гробницы и памятники и раки отшедших. А это созерцание гробов немало содействует нам в деле любомудрия. От этого созерцания душа, если она беспечна, скоро сосредоточивается, а если ревностна и бодрственна, делается более ревностной; и тот, кто оплакивает свою бедность, от этого зрелища тотчас получает утешение, и тот, кто превозносится богатством, смиряется и сокрушается. Взгляд на гробницы заставляет каждого из взирающих и невольно любомудрствовать о собственной кончине, и убеждает не считать надежным ничего настоящего – ни скорбного, ни приятного; а кто убежден в этом, тот не легко уловляется сетью греха. Посему один премудрый и предлагает увещание: *«Во всех словесех твоих поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши»* (Сир.7:39): и другой согласно с ним высказывает такой совет: *«уготовляй на исход дела твоя, и уготовися»* к пути (Прит.24:27), говоря не о чувственном пути, но об отшествии отсюда. Если мы постоянно и каждый день будем взирать на неизвестность кончины, то не скоро впадем в грехи: ни радости житейские не в состоянии будут надмевать нас, ни скорби низлагать и смущать, так как конец тех и других неизвестен. Часто сегодня живущий не доживает и до вечера. Так, проводящим время внутри города не очень удобно думать об этом и любомудрствовать; а те, которые вышли за стены его, пришли к этим гробницам и увидели множество отшедших, по необходимости, волей и неволей, получают такие мысли от этого зрелища, а получив делаются возвышеннее, и освобождаются от пристрастия к предметам житейским. И не только будем мы получать такие мысли, но будем иметь и достаточное побуждение спешить и готовиться к вечному

нашему отечеству и устроить все, зависящее от нас для отшествия туда, познав, что если мы оставим что-либо здесь из нашего, оставленное принесет нам вред. Как путешественник, совершающий продолжительный путь и поспешающий в свое отечество, непременно тратит и теряет все, что он оставит в гостинице, – так точно и мы теряем все, что оставим здесь из нашего, уходя отсюда. Поэтому нужно отправлять туда одно вместе с собой, а другое прежде себя. Настоящая жизнь есть путь, и нет в ней ничего постоянного, но мы проходим мимо и скорбей ее и радостей. Потому именно я и люблю эту местность больше всех других, что не только при собрании, но и без собрания часто приходя сюда, я постоянно вспоминал эти слова, между тем как глаза мои тихо, в великом безмолвии, взирают на гробницы и переносят душу к отшедшим и тамошнему их состоянию.

2. Потому я и удивляюсь этому доблестному отцу⁶, что он, воспользовавшись тихим днем, вывел нас сюда, под предводительством и руководством блаженной Дросиды, которой память мы совершаем. Подлинно, кроме вышесказанного еще и другую большую пользу можно получать от этого места. Когда мы, прошедши мимо прочих гробниц, приходим к ракам мучеников, то наш ум делается возвышеннее, душа деятельнее, усердие сильнее, вера жарче.

Так, когда мы обдумаем труды, подвиги, награды, воздаяния и венцы этих святых, то находим еще другое большее побуждение к смирению и мудрости. И хотя бы кто совершил великие дела, он станет считать себя несделавшим ничего великого, сравнивая свою добродетель с их подвигами; и тот, кто не сделал ничего великого и доброго, не будет отчаиваться в своем спасении, получив от их мужества побуждение заниматься приобретением добродетели и подумав в себе самом, что может быть случится и ему когда-нибудь, если удостоит Божие человеколюбие, сделать такие же прыжки, вдруг взойти на небо и сподобиться того величайшего дерзновения; и размышляя об этом и другом, гораздо более этого важном, они могут уходить отсюда. Смерть мучеников есть поощрение верных, дерзновение церкви, утверждение христианства,

разрушение смерти, доказательство воскресения, осмеяние бесов, осуждение дьявола, учение любомудрия, внушение презрения к благам настоящим и путь стремления к будущим, утешение в постигающих нас бедствиях, побуждение к терпению, руководство к мужеству, корень и источник и мать всех благ; и если вы хотите, мы докажем каждое из этих выражений и скажем, как она бывает поощрением верных, дерзновением церквей, доказательством воскресения, и всем прочим, что я сказал теперь. Итак, когда пойдут у нас в ход споры с язычниками и битвы о догматах и станут они клеветать на нашу веру, то вместе с прочим представим им и это, т. е. смерть мучеников, и скажем: кто убедил их презирать настоящую жизнь? Если Христос умер и не воскрес, то кто совершил эти сверхъестественные дела? Относительно того, что не может человеческая сила в течение столь долгого времени убеждать столь много тысяч не только мужей, но и жен и безбрачных дев и малых детей, чтобы они презирали настоящую жизнь, смело шли на диких зверей, смеялись над огнем, попирали всякого рода наказания и мучения, и стремились к будущей жизни, (противники наши) даже не будут иметь нужды в наших доводах, но спросят самих себя и получат достаточное доказательство сказанного. С того времени, как пришел Христос, были неверные цари, были и верные, но из неверных большая часть ввергали верующих в пропасти, в костры, в бездны, в моря, предавали бешенству диких зверей и разнообразным наказаниям и мучениям, всеми способами исторгая веру из души их, однако ничего не достигли, но отошли посрамленными, и хотя верующие были терзаемы всеми способами, но вера возрастала еще более. А благочестивый царь ни один никогда не решался наказывать и мучить кого-либо из неверующих, принуждая его отстать от заблуждения, – и однако заблуждение и так само собой проходит и исчезает, чтобы ты убедился и в силе истины и в слабости лжи, когда последняя сама собой и без всякого притеснения исчезает, а первая через самые препятствия возрастает и поднимается до неизреченной высоты: причина же та, что в душах мучеников и живет и действует Христос. Итак, когда скажут, что Он не

воскрес, то мы спросим их: кто же совершил эти дела? Мертвый, скажи мне? Но столько было мертвых, и ни один не сделал этого. Он был волшебник и заклинатель? Но было много и волшебников, и заклинателей, и обманщиков, и все они умолкли, и остатков их нет нигде, но вместе с их жизнью угасли и дела волшебства их; а дела Христовы возрастают каждый день, и вполне естественно, – потому что эти дела совершались не волшебством, но божественной силой, почему они и не разрушаются. Но лучше я представлю в доказательство силы не то только, что они возрастают, но и то, что (возрастают) ко благу и к спасению нашей жизни. После Его пришествия жители земли сделались из зверей людьми, или – лучше – из людей стали ангелами все, истинно внимающие Ему. Но, скажут, мученики были обмануты и обольщены, и потому презирали настоящую жизнь. Затем первые не разубедили вторых, вторые – третьих, но чем долее продолжались гонения, тем более возрастал и этот подвиг, и никто в течение столь долгого времени не сознал заблуждения. Но где смысл в этом?

Если они были обольщены, то почему бесы боятся праха их? Почему убегают и от гробниц? Конечно, бесы не потому поступают так, будто они боятся мертвых. Вот, тысячи мертвых по всей земле, и однако бесы бывают близ них, и многих бесноватых можно видеть живущими в пустынях и гробницах; а где погребены кости мучеников, оттуда они бегут, как от какого-нибудь огня и невыносимого мучения, возвещая громким голосом бичующую их внутреннюю силу.

3. Этим доказывается, что смерть мучеников есть обличение бессилия бесов; а что она служит обвинением и бесчувственности их, видно из следующего. Когда они, то есть мученики, будучи подчинены телу и естественным нуждам, окруженные великим множеством скорбей и страданий, провождая тленную жизнь и обитая на земле, оказываются так презирающими настоящую жизнь по любви к создавшему их Богу; а те, будучи свободны от плоти и всей этой скорби и страдания, оказываются так высокомерны и неблагодарны к Благодетелю, – то какое они будут иметь оправдание, какое прощение? Никакого никогда, потому что добродетель

мучеников с великой силой осуждает злобу их. Осуждают не только люди людей, более ревностные более беспечных, но ревность их и самих бесов осуждает. Это выразил и Павел, когда сказал: *«разве не знаете, что мы будем судить ангелов, не тем ли более дела житейские»*, разумея ангелов диавола, отступников (1Кор.6:3)? Но как, скажешь, мы будем судить их? Не сидя – конечно – и требуя от них отчета, но нашей ревностью осуждая их беспечность. И это самое он выразил, сказав: *«если же вами будет судим мир»* (1Кор.6:2); не сказал: перед вами, но: через вас. Равным образом, когда (Христос) говорит: *«мужие Ниневитские встанут и осудят род сей»* (Лк.11:32), то не в том смысле, что ниневитяне потребуют отчета от неверовавших тогда из иудеев, но что вера тех осудит неверие этих. От мучеников можно весьма многим воспользоваться и для добродетели и для презрения настоящих благ. Когда ты увидишь, что они презирали всю жизнь, то, хотя бы ты был бесчувственнее и нерадивее всех, ты получишь самые возвышенные помыслы, будешь смеяться над роскошью, презирать деньги, и пожелаешь тамошней жизни; будешь ли в болезнях, ты получишь величайшее побуждение к терпению в страданиях мучеников; будешь ли угнетаем бедностью, или каким-нибудь другим тягчайшим злом, ты, взирая на величие причиненных им мучений, получишь достаточное утешение во всех постигших тебя бедствиях. Поэтому я особенно люблю дни памяти мучеников, люблю и приветствую все, но особенно, когда встречаются подвижницами женщины. Чем слабее сосуд, тем больше благодать, тем блистательнее трофей, тем славнее победа, не по немощи естества подвижников, но и потому, что враг, чем одержал победу, тем же ныне сам уловлен. Через Деву диавол умертвил некогда Адама; через Деву впоследствии Христос поборол диавола, и тот меч, который был изощрен у него против нас, отсекал голову дракона, подобно тому, как случилось и при Давиде. Как тогда этот праведник, подбежавши, отсекал голову Голиафа собственным мечем этого иноплеменника, так точно и теперь: женою диавол победил, женою и побежден. Она была для него оружием прежде, она же теперь сделалась орудием его убиения, сосудом непобедимым.

Первая жена согрешила и умерла, эта умерла, чтобы не грешить; та, возгордившись тогда надеждой от пустого обещания, попраля законы Божии, эта презрела и настоящую жизнь, чтобы не отречься от веры в Благодетеля. Какое же после того может быть оправдание изнеженным мужам, какое прощение, когда жены поступают так мужественно, когда они так смело выступают на подвиги благочестия? Подлинно, ни пол, ни возраст, и ничто другое не может воспрепятствовать, когда есть усердие, ревность и пламенная вера; этим всем будем и мы приобретать себе благодать Божию, как было и с этой блаженной (Дросидой). У ней было слабо тело, беззащитен пол, несовершен возраст, но нисшедшая благодать покрыла немощь всего этого, потому что нашла ревность мужественную, веру нелицемерную, и душу, готовую на опасности.

4. Нет, нет ничего сильнее того, кто с великой ревностью держит вкорененным в себе страх Божий; но, хотя бы угрожал ему огонь, или железо, или звери, или что бы то ни было другое, он презирает все с великой легкостью, как и эта блаженная Дросида. Когда тиран зажег костер, – не ввергнул же он ее в пропасть и не отсек ей голову, чтобы краткость мучения не сделала ей подвиг более легким, но желая поразить ее ум и одолеть не поработленную душу ее видом костра, бросил ее в середину его, – итак, когда он зажег костер, и печь разгорелась и пламя поднималось весьма высоко, тогда блаженная мученица, взирая на это, и сама воспламенялась ревностью и кипела огнем любви Христовой, вспомнив трех отроков и помыслив сама в себе, что она участвует в их подвигах и возлагает на себя одинаковые с ними венцы. Как пришедшие в исступление не видят ничего из видимого, как оно есть, но, хотя бы видели изощренный меч, прямо головой бросаются на него, и хотя бы видели костер, или пропасть, или бездну, или море, или что бы то ни было другое, бесстрашно бросаются на все, – так точно и она, будучи объята исступлением не таким, – да не будет, – но другим, почтенным более всякого благоразумия, и погрузившись в любовь Христову, не видела ничего из видимого, но, переселившись на небо и туда переместивши душу, смеялась над всеми бедствиями и считала огонь не огнем, а росой.

Поэтому я называю этот костер и чистейшим источником воды, и некоторой дивной красильней, и горнилом. Подлинно, как золото в горниле, так душа этой блаженной через этот костер делалась чистейшей. Плоть ее истаевала, кости иссушались, жилы сожигались, и телесный сок тек со всех сторон; но вера души делалась более твердой и светлой. Враги, взирая на это, считали ее погибшей, а она больше очищалась; и как несведущий человек, стоя и видя золото растаявшим, текущим и смешивающимся с пеплом, считает его погибшим и испорченным, но художник и вполне опытный в этом знает, что таким образом оно делается более чистым, и после раскаливания извлекает и собирает его совершенно светлым, – так точно и в отношении к ней, неверные, видя плоть ее истаевающей и растекающейся, думали, что она делается пеплом и прахом, а верные очень хорошо знали, что истаевая она отлагает всякую нечистоту и восходит светлейшей, получив бессмертие. Даже на самом костре, прежде воскресения, она одержала не малую победу над противными силами, так как плоть ее, разрушаемая огнем и издававшая треск, обращала их в бегство с великим превосходством. И как мужественный воин, облекшись медным оружием, самым шумом оружия поражает более боязливых из противников, – так точно и тогда блаженная Дросида треском своей кожи обращала в бегство те силы, и не только одним этим способом, но и другим, не меньшим этого. Лишь только она вошла на костер, как дым, поднявшись на высоту и распространившись в воздухе, задушил всех бесов, летающих в воздухе, прогнал диавола, очистил естество самого воздуха. После того как воздух был оскверняем дымом идолов, поднялся другой дым, который очистил приставшую к нему от них нечистоту. И сравнение с источником может быть приложено к этому костру. Как бы сняв одежду при источнике и омывая в нем тело, так она в этом пламени сложив свою плоть легче всякой одежды и осветив душу, поспешила к Жениху в сопровождении священосцев. Если уж ангелы отвели того покрытого язвами Лазаря в лоно Авраама, то тем больше ее сопровождали они, как телохранители, взяв ее из пламени, как бы из какого-нибудь священного убежища и брачного чертога и

возводя к вышнему Жениху. А почему я назвал этот костер также красильней? Потому, что она, как бы в какой-нибудь дивной красильне, сделавшись царской багрянницей, отправилась к вышнему Царю и с великим дерзновением вошла на своды небесные, между тем как сам Христос невидимой рукой поддерживал святую голову мученицы и крестил ее огнем, как бы водою. О, чудный костер! Какое сокровище содержал он, – этот прах и пепел, дорогой более всякого золота, благовоннейший всяких ароматов, драгоценнейший всяких камней! И в самом деле, чего не может сделать богатство и золото, то могут – останки мучеников. Золото никогда ни болезни не исцеляло, ни смерти не прогоняло, а кости мучеников совершали и то и другое, одно при наших предках, другое и при нас. Это не только мы, но и жившие прежде пришествия Христова праведники умели понимать вполне точно; так, когда все выходили из Египта, и одни уносили золото, другие серебро, тогда Моисей вместо всякого богатства взял и нес кости Иосифа, относя в них с собой домой сокровище величайшее и исполненное бесчисленных благ.

5. Но, может быть, кто-нибудь скажет: для чего же он перенес их из Египта в Палестину? В день памяти мучеников особенно нужно исследовать это. Многие, весьма заботясь о своем погребении, завещали родственникам, чтобы, если им случится скончаться и в другом месте, они перенесли их для погребения домой; потом, укоряемые за это от нас в малодушии, прикрывались от нас этой историей, и когда мы говорили, что нет никакого различия, дома ли кто, или в чужой земле получит погребение, они говорили: если нет никакого различия, то для чего же Моисей, взяв кости Иосифа, перенес их из Египта в Палестину? А я скажу еще больше, что не только Моисей взял их, но что и Иосиф, умирая, завещал. А это, действительно, более важно. *«Посещением, – сказал он, – посетит вас Бог, совознесите и кости моя»* (Быт.50:24–25). Для чего же и этот завещал, и тот послушался? Сказанное достойно исследования. Что говоришь ты? Патриарх, презиравший настоящую жизнь и пренебрегавший всем, которого не достоин был мир, странник и пришлец,

помышлявший ежедневно о небесном, взиравший на вышний Иерусалим, этот, доколе жил, по страху Божию потерял и отечество и свободу, жил в темнице и не был увлечен в тамошние козни; а когда готовился умереть, то становится так мелочен, что так много заботится о перенесении костей своих и за столько времени повелевает вынести останки его? Кто может сказать это? Какая была прибыль, или какая польза умершему от перенесения костей его? Почему же он завещал это? Не о костях своих вовсе заботясь, но можно сказать, что боясь и нечестия египтян. Так как он сделал много великих благодеяний, был и питателем их и покровителем, нашел величайшее облегчение от голода, и то, что никому не было известно, он первый и один открыл и всем объявил, и, истолковав сновидения, не только предсказал голод, но и предложил достаточное врачество против него, так наполнив житницы египетские, что никто не чувствовал наступления голода, – то, чтобы за величие благодеяния не быть признанным по смерти за бога, – ведь те варвары легко делают из людей богов, – он, отнимая всякий повод к нечестию, и повелел перенести кости домой. Это – одна причина; можно сказать и о другой, несомненной, потому что ее можно доказать Писаниями. О какой же именно? Он знал, слышал от отца, а тот от деда узнал нисшедшее к нему слово, что египтяне будут много лет поработать и притеснять евреев. *«Потомки твои будут пришельцами в земле не своей, и поработят их, и будут угнетать их четыреста лет»*, – сказал Бог Аврааму (Быт.15:13). Поэтому, чтобы они, изнемогая от продолжительности времени и не перенося бедствия, не отчаялись в своем возвращении и не пали духом, он, давая им величайший залог надежды, предсказал о возвращении костей своих, дабы они, помышляя в самих себе, что, если бы праведник не был крепко и вполне убежден, что все мы возвратимся, то не завещал бы о костях своих, – имели несомненное доказательство и твердую надежду на возвращение в отечество. А что это истинно и что поэтому он предсказал о костях своих, не о погребении заботясь, а принимая меры против их неверия, послушай, что говорит

Павел: *«верую Иосиф, при кончине, напоминал об исходе сынов Израилевых и завещал о костях своих»* (Евр.11:22). Что значит: верой? Как бы следующее: он предвидел, что должно было случиться спустя долгое время, и то, что потомки его непременно вновь займут родину. И вот, чтобы указать на это, он предсказал то и другое; и чудно и дивно было видеть, как при исходе были несены его кости. Тот самый Иосиф, который свел евреев в Египет, опять предшествовал им и при возвращении, укрепляя в них терпение и надежду на будущее. Видя перед глазами своими эти останки, затем вспоминая всю эту историю и размышляя сами в себе, как он подвергся козням от братьев, был ввержен в ров, подвергался крайней опасности, жил в темнице, и о всем прочем, случившемся с ним, потом представляя, как он после всего этого сделался царем и первым в Египте, и попечителем и покровителем столь многих, они имели достаточные надежды на избавление от бедствий, постоянно постигавших их, научаясь от костей праведника, что никто из веровавших в Бога и ожидавших от Него помощи никогда не был Им оставлен.

И подлинно, хотя бы что-нибудь прискорбное и неожиданное и случилось между обещаниями и их исполнением, оно никогда не может лишить надеющихся желанного конца, но непременно случится то, что предсказано вышним приговором, и сделает славнейшими ожидающих с терпением всего предсказанного Богом. Поэтому Иосиф и заповедал о костях своих.

6. Итак, не будем так много заботиться о погребении дома, и станем трепетать не перед смертью, а перед грехом. Не смерть родила грех, но грех произвел нам смерть, смерть же стала врачеством греха. А что нужно бояться не смерти, но греха, послушай, что говорит пророк: *«честна пред Господом смерть преподобных Его»* (Пс.115:6); и в другом месте: *«смерть грешников люта»* (Пс.33:22). Видишь ли, что внимательные к самим себе могут получить от смерти даже величайшую пользу, а беспечные и нерадивые принимают ее в виде наказания? Не попросту я веду речь и об этом предмете; но так как многие, слышу я, часто говорят о родах смерти, и

одних из них, которые на самом деле не позорны, стыдятся, а других, достойных величайшего осуждения, не порицают, то ради этого я хочу сегодня исследовать и этот предмет. В день мучеников благовременно и этого рода любомудрие. Я слышал много говорящих: хуже собаки умер такой-то в чужой стране, никто из родственников не был при нем и не предавал его земле, но едва немногие из соседей созвали друг друга, как-то в складчину одели его, и таким образом он предан был погребению. Посему чтобы это не огорчало нас, необходимо исправить и это мнение. Не это, о, человек, значит умереть хуже собаки; умереть хуже собаки значит умереть во грехе, а не окончить жизнь в чужой стране. Не говори ты мне о том, кого несут на позолоченном ложе, в сопровождении всего города, кого славословит народ, на кого набросаны в великом изобилии шелковые и золотые одежды: это значит не что иное, как только предлагать обильнейшую трапезу червям. Не указывай же мне на него, но покажи этого самого человека, сопровождаемого с такой почестью, в тот день, когда Христос сядет на высоком престоле, когда его введут, призовут, потребуют отчета в том, что он говорил, что делал, что думал. Тогда никто из этого множества народа не защитит его, не избавит его от наказания и мучения, не помогут ему эти возгласы и славословия, но с поникшей головой, с боязнью, со стыдом от обвинений за дела свои, он будет отведен, влекомый злыми силами в бесконечные мучения с жесточайшим скрежетом зубов, бесполезно наконец рыдая и терзаясь от невыносимых страданий.

Таково тамошнее, но и здешнее, право, также невыносимо. После славословий, произносимых при всех за деньги, или по какому-нибудь страху, все, услышишь, будут порицать его и на улицах, и на торжище, и дома, и в гостиницах, и в мастерских, и на пути, и в селениях, и везде каждый из проходящих с великим страхом будет рассказывать ближнему и говорить, какие он получит мучения, какие встретят его наказания, какие теперь ждут его страдания. Какая была ему польза от настоящей жизни? Какое приобретение сделал он от любостыжания? Он отошел, оставив богатство другим, а сам погребен, взявши с собой грехи, и много со всех сторон обвинителей его,

сострадающих обиженным, хотя и не испытавших ничего худого. Как при благодеяниях и те, которые ничего не получили, сорадуются получившим и восхваляют благодетеля, так и при обидах даже и те, которые не потерпели никакого зла, сострадают потерпевшим и порицают причинившего обиды. Посему и говорит пророк: смерть грешников люта, как по причине здешних порицаний, так и по причине тамошних наказаний. Итак, этот вот умирает хуже собаки, а с праведником не бывает так, но хотя бы он оканчивал жизнь в пустыне, хотя бы никто не одевал его, хотя бы никто не присутствовал, он отходит, получая достаточное погребальное платье – дерзновение перед Богом, имеет дивный вынос от ангелов, которые присутствуют и руководят душу его, как я прежде показал это на Лазаре, и оставляет бесчисленных хвалителей его жизни; и, хотя бы оставил он детей, все жители города будут покровителями их и попечителями, воздавая им по благорасположению к отцу. А тот, кто умер во грехах и корыстолюбии, если отойдет, оставив детей, то оставляет их наследниками вражды к нему и покидает среди неприятелей; если же окончит жизнь бездетным, то в зданиях и в прочих владениях, которые он приобрел хищением и любостыжанием, оставляет бессмертное себе осуждение. Совсем не то – праведник; но и по отшествии он приобретает величайшие блага, принося пользу всем живым через воспоминание об его добродетели и делая их лучшими, между тем как порочный и в этом отношении наказывается, потому что те, которые везде оставляют следы своего любостыжания, не только при жизни, но и по смерти вредят многим. Итак, зная это, будем считать несчастными не умирающих в чужой стране, а умирающих во грехах, и ублажать не тех, которые отходят дома и на постели, а тех, которые отходят с добродетелью; и сами будем заботиться о добродетели и избегать порока, потому что первая приносит пользу и живым и отшедшим, а последний вредит с обеих сторон, подвергая их позору и уводя к вечным наказаниям. Бог же, удостоивший и эту блаженную, собравшую нас сегодня, предпринять и совершить подвиг, победить и быть увенчанной, да удостоит и нас всех вообще возможности, совершив

настоящую жизнь согласно с Его повелениями и заповедями, войти в тот день в обители этой святой и насладиться бессмертными благами, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, во веки. Аминь.

Похвала египетским мученикам*7

В богоборном Египте – изобилие мучеников, так что и другие страны он наделяет ими. Мощи святых лучше оружия ограждают город от видимых врагов и Самого Бога разгневавшегося могут преклонить на милость. Тяжесть мучений. Мучители, при всем неистовстве, не только не похитили душевных сокровищ мучеников, но даже умножили их. Дьявол умножал мучения, чтобы одолеть подвижников, а Бог попускал это, чтобы более прославить их. Страдания мучеников в рудниках, самые тяжкие по существу дела, легки для них по их душевному настроению. Увещание – взирая на мучеников, не искать в этой жизни наслаждений, но трудами и скорбями снискивать блага вечные.

1. Благословен Бог: и из Египта – мученики, из богоборного и безумнейшего Египта, откуда – безбожные уста, откуда – богохульные языки, из Египта – мученики, и не в Египте только, и не в ближайшей и соседней стране, но и повсюду во вселенной! Как при урожае земных произведений жители городов, видя, что плодородие превышает потребности обитателей, отсылают и в иностранные города, чтобы показать и собственное дружелюбие и вместе при избытке в этом легче приобрести себе от них то, в чем сами имеют нужду, – так поступили и египтяне с подвижниками благочестия. Видя, что у них, по благодати Божией, великое изобилие, они не заключили в своем городе этого великого дара Божия, но распространили по всей земле свои благие сокровища, показывая свое братолюбие, прославляя общего всех Владыку, возвышая свой город перед всеми и представляя его митрополией всей вселенной. В самом деле, если пустые и маловажные случаи и услуги, полезные нам только для настоящей жизни, могли доставить многим городам такую честь, то не более ли всего справедливо, чтобы достиг этого преимущества перед всеми тот город, который наделил других не чем-либо из этого временного и тленного, но мужами, доставляющими и по смерти великую безопасность ставшим их уделом городам?

Подлинно, тела этих святых ограждают у нас город тверже всякой адамантовой и несокрушимой стены, и, подобно высоким скалам, расположенным со всех сторон, не только отражают нападения этих чувственных и видимых врагов, но и козни невидимых бесов, и все коварство диавола ниспровергают и разрушают с такой легкостью, с какой сильный муж ниспровергает и бросает вниз игрушки детей. Остальные употребляемые людьми средства, как то: стены, рвы, оружие, войска, и все, что придумывается для безопасности жителей, врагам возможно отбить при помощи других, больших и сильнейших средств, находящихся у них; но когда город ограждается телами святых, тогда враги, хотя бы истощили бесчисленные богатства, не в состоянии будут противопоставить имеющим эти тела городам никакого подобного орудия. И не только против козней людей и против коварства бесов полезно нам это сокровище, возлюбленный, но если бы прогневался на нас и общий наш Владыка за множество грехов, то, предложив в защиту себя эти тела, мы скоро сможем преклонить Его на милость к городу. Если совершившие великие подвиги при праотцах наших, предлагая в защиту имени святых мужей и прибегая к наименованию Авраама, Исаака и Иакова, получали некоторое утешение, а от воспоминания этих имен получали великую пользу, то много более мы, предлагая в защиту не имени только, но и самые тела подвизавшиеся, в состоянии будем преклонить Бога на милость, снисхождение и благоволение. А что слова наши не хвастовство, знают многие и из здешних жителей и из пришельцев с других мест; (они знают) какова сила этих святых и подтвердят сказанное, изведав на собственном опыте дерзновение их перед Богом; и весьма справедливо, – потому что они не как случилось боролись за истину, но так мужественно и сильно противостояли стремительному и невыносимому насилию диавола, как будто боролись в каменных и железных, а не в тленных и смертных телах, как будто уже преставлены были к бесстрастному и бессмертному естеству, не подверженному горьким и прискорбным бедствиям телесным. Палачи, подобно каким-то диким, лютым и свирепым

зверям, окружив со всех сторон тела мучеников, прокапывали ребра, терзали плоть, открывали и обнажали кости, и ничто не останавливает их в жестокости и бесчеловечии; но и коснувшись хребта и внутренностей, и проникнув до самых внутреннейших частей, они не доискались до того, чтобы отнять скрытое в них сокровище веры, и испытали то же, как если бы какие-нибудь враги, осадив царственный город, наполненный великим богатством и содержащий достаточно сокровищ, разрушив его стены и подступив к самым казнохранилищам, выломали двери, уничтожили запоры, раскопали пол и, переискав все, не смогли ограбить и унести богатства его. Таковы сокровища души: они не предаются при страданиях телесных, когда душа твердо хранит их, но хотя бы кто растерзал самую грудь и, схватив сердце, разрывал понемногу, и тогда она не выдаст сокровища, однажды вверенного ей верой. Это – дело всеустраивающей благодати Божией, которая может и в слабых телах совершать дивное. Но вот что еще удивительнее: столь много неистовствовавшие не только не похитили ничего из скрывавшихся у мучеников сокровищ, но и побудили мучеников хранить их с большей твердостью и сделали самих их более славными и богатыми. Не душа уже только, но и самое тело их стало причастным большей благодати, и не только не потеряло, после частых терзаний и рассечений, той крепости, которую имело, но и приобрело большую и высшую. Что может быть удивительнее этой победы, когда (враги) не смогли победить тех, которых держали и имели в своих руках, и связавши терзали по своей воле, а напротив сами жалким и несчастным образом были побеждены ими? Они воевали не против них, но против обитающего в них Бога; а всякому известно, что воюющему с Богом вполне необходимо потерпеть крайнее поражение, неся наказание за одно лишь начинание.

2. Таковы победы святых. Если же столь удивительны и необычайны их состязания и подвиги, то что сказать о наградах и венцах, уготованных им за их терпение? Они стояли не до этих только мучений и не здесь прекращали свое течение, но поприще их простиралось еще далее: лукавый бес ожидал, что он свалит подвижников увеличением мучений, а

человеколюбивый Бог попускал и не препятствовал, чтобы и неистовство неверующих показать всем более очевидно, и для подвижников сплести светлейшие и многочисленнейшие венцы. И как было с Иовом, что лукавый бес просил у Бога больших мучений против него, надеясь увеличением бедствий преодолеть доблестного подвижника благочестия, а Бог попускал и соизволял на эти лукавые просьбы, делая подвижника своего еще более славным, – так точно было и здесь. После того как (бес) свирепее всякого зверя растерзал тело их со всех сторон и обагрил язык и уста свои, если не кровью святых, то бесчеловечными и жестокими своими приговорами, он отошел, побежденный их терпением, достаточно насытившись и пресытившись этим бесчеловечным пиршеством. Смотри, каково было терпение святых, которое своими страданиями насытило такую ярость. Но он опять напал, с неистовством возобновив борьбу и стараясь иной жестокостью превзойти всех зверей. Звери по природному влечению устремляются на такое пиршество, а насытившись удаляются, и потом хотя бы увидели тысячи тел, ни к одному из них не прикасаются; а этот и устремлялся на такую пищу по лукавству воли, и насытившись плотью их, сплетает другие против них козни, предав святых продолжительнейшей и тягчайшей смерти: он приказал им постоянно работать в рудниках. О, безумие! Получив столь ясное доказательство их мужества и терпения, он этим способом надеялся преодолеть их. Итак, поселились со зверями святые, сожители ангелов, граждане небесные, уже вписанные в вышний Иерусалим, и пустыня наконец сделалась священнее всякого города. В городах каждый день дерзко исполнялись эти беззаконные и жестокие повеления, а пустыня была свободна от этой бесчеловечной повинности; судилища были исполнены нечестивых действий и преступных распоряжений, а пустыни имели гражданами праведнейших из всех людей, сделавшихся из людей ангелами, и пустыня состязалась с небом в добродетели обитавших в ней граждан. Мучение по свойству своему было самое жестокое, но по душевному расположению подвижников оно сделалось не трудным, легким и удобным. Им тогда казалось, что они видят

во много раз больший свет, о котором сказано у пророка, что *«свет луны будет, как свет солнца, а свет солнца будет светлее всемеро»* (Ис.30:26); этим светом, казалось им, они уже пользуются, так как нет, нет ничего светлее души, которая удостоилась потерпеть за Христа что-либо кажущееся для нас страшным и невыносимым. Они думали, что уже переселились на небо и ликуют с ангелами. И нужно ли больше было им небо и ангелы, когда Владыка ангелов – Иисус был с ними в пустыне? Если *«идеже бо еста два или трие собрани во имя Его, ту есмь посреде их»* Его, (Мф.18:20), то много более Он был посреди них, как не только собранных тогда во имя, но и непрестанно мучимых за имя. Вы знаете, хорошо знаете, что нет другого наказания, жестокого более этого, и что осуждаемые на это наказание предпочли бы перенести тысячи других смертей, нежели терпеть тамошнее мучение. Осуждены были в рудники, где должны были выкапывать медь те, которые были сами часто драгоценнее золота и состояли из невещественного золота, выкапываемого не руками осужденных, но найденного ревностью верных мужей; работали в рудниках те, которые были исполнены несметных сокровищ. Они видели нечто и прискорбнее такой жизни и исполнение на самих себе тех повествований о великих мужах, которые Павел излагает, говоря о святых: *«скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли»* (Евр.11:37–38). То же было и при нашем поколении.

Итак, возлюбленные, зная, что и ныне и в древности, от начала рода человеческого, все друзья Божии наследовали жизнь печальную, трудную и исполненную бесчисленных бедствий, не будем и мы стремиться к жизни изнеженной, рассеянной и исполненной наслаждений, но к жизни прискорбной, трудной и исполненной скорбей и несчастий. Как борец не может посредством сна, лености и наслаждений достигнуть венцов, ни воин – трофеев, ни кормчий – пристани, ни земледелец – полного гумна, – так и верующий не может получить обетованных благ, проводя свою жизнь в беспечности.

И не безрассудно ли было бы – во всех житейских делах полагать труды прежде удовольствия и опасности прежде безопасности, и притом когда от этих трудов ожидается небольшое и маловажное, а когда предстоит небо, почести ангельские, жизнь бесконечная, пребывание с ангелами и блага, которых невозможно ни представить умом, ни выразить словами, надеяться на получение их посредством беспечности, праздности и рассеянности душевной, не удостаивая их даже одинаковой с благами житейскими заботливости? Нет, увещаю, не будем так худо заботиться о себе и о своем спасении, но, взирая на этих святых, доблестных и терпеливых подвижников, которые даны нам вместо светил, станем сообразовать свою жизнь с их мужеством и терпением, чтобы, по переселении отсюда, молитвами их могли мы увидеть их и приветствовать, и быть помещенными в небесные их обители, чего да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу и Святому Духу слава во веки веков. Аминь.

На святого первомученика Стефана*8

Все мученики прославляются, и подвиги праведников повсюду служат предметом удивления, но при воспоминании о славнейшем подвиге первомученика Стефана даже и безмолвный язык поднимается на похвалу. Кого не вызовет на похвалу блаженный Стефан, одним уж названием указывающий на свои заслуги, по самому имени своему уже приобретший честь победы? Здесь уже самое имя мученика выражает и борьбу, и победу, и честь. Стефан – первый на состязании, первый и среди похвал, избранник, следующий по стопам Господа, сделавшийся начальником подвижников. Его первого Спаситель, как земледелец, возделал мучеником ко спасению; его первого смерть Христа побудила к презрению самой смерти; ребро Господа указало ему на то, чтобы пролить свою собственную кровь. То, что знал он о страдании Владыки за рабов, он и сам перенес за Владыку, не выбирая никакого удобного случая, не имея никаких предшественников, не видя и борьбы. Так как он показал, что следует своему обычаю – во всем быть сподвижником Господу и получить подобный Ему конец, то, как ученик, он во всем руководится примером Учителя. И смотри, как блаженный в делах и словах подражает самому Господу. Прославила Спасителя сила знамений, ублажается и в нем благодать мученичества. *"Стефан, – сказано, – исполненный веры и силы, совершал великие чудеса и знамения в народе»* (Деян.6:8). Вызывает удивление учащий Господь, восхваляется и говорящий ко всем мученик. Начав с видения Авраама и последовательно по порядку касаясь и прочего, напомнив о выдающихся лицах и делах, приводит пророчество, относящееся ко Христу, и указывает на иудеев, всегда прогневающих Бога. Но как Христу всегда противоречили фарисеи, так и на мученика нападали противники из синагоги. *«Некоторые из так называемой синагоги Либертинцев и Киринейцев и Александрийцев и некоторые из Киликии и Асии вступили в спор со Стефаном; но не могли противостоят мудрости и Духу, Которым он*

говорил» (Деян.6:9–10). Обвиняется Господь (за сказанное) о храме, обличается ложно и мученик в том же. «*Этот человек не перестает говорить хульные слова на святое место сие и на закон*» (Деян.6:13). Вне города Господь распинается на кресте, вне города и мученик побивается камнями. «*И, выведя за город, стали побивать его камнями*» (Деян.7:58). Иудеи распинают Христа, иудеи убивают камнями и Стефана. Господь, будучи распинаем, выражает прощение: "Отче, – говорит, – прости им, ибо не знают, что делают» (Лк.23:34); подобным образом просит за них и мученик: «*преклонив колени, воскликнул громким голосом: Господи! не вмени им греха сего*» (Деян.7:60). И не в одних словах и делах мученик следовал Господу, но обнаружил добродетель души и в терпении и перенесении обид, за что и удостоивается такого видения. "Возрев, – сказано, – на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога» (Деян.7:55). Велико это зрелище состязания! Борец внизу на земле состязается, а Судья с небес наблюдает; этот здесь сражается, а тот сверху, стоя, помогает сражающемуся. И не сидящим, но стоящим видит он Спасителя. О, сколь великая благодать чести! Стоит Владыка, когда мученик борется. Вид и положение Судьи указывает на великое значение состязаний. Ведь судьи встают с седалища тогда, когда начинается горячая борьба; достоинство борцов узнается тогда, когда воздается должная честь. А эта честь от Спасителя такова, что мученик превзошел ею и ангелов. "Возрев, – говорится, – на небо, увидел славу Божию и Иисуса, стоящего одесную Бога». Он видел не только невидимое место и славу, но даже и самого Того, Кого желал, на Кого и ангельское воинство страшится смотреть. Мученик устремляет взор туда, перед чем херувимы закрывают свои чистые лица, куда серафимы не смеют взирать – на ту беспредельную высоту. Итак, здесь был предметом видения Тот, кто выше ангелов, превосходнее сил, преимущественнее престолов и властей. Привлек его голос Господа, прежде сказавший: «где Я, там и слуга Мой будет» (Ин.12:26). Итак, первым он был слугой (дьяконом), как и первым мучеником в состязании. И странное дело, что не огнем, не железом, не зверями, не иными пытками

производится мучение этого праведника, но одним избиением камнями. Надлежало Стефану украситься одними только камнями и получить благодать истины из груды камней. Бросание камней направлялось как в золотое тело, так наиболее и в голову, обливавшуюся со всех сторон кровью. При виде его подвига многие делаются мучениками. Вождь борцов этот Венок (Стефан), доставляющий честь и научающий способу борьбы: он именно указывает путь своими состязаниями и поощряет своим именем. Так, своими делами еще раньше Павла он взывает: *«будьте подражателями мне, как я Христу»* (1Кор.11:1). Я ведь последовал, говорит, Владыке всего и словом, и жизнью, и смертью. Придите, подражайте и вы всему этому, действуя вместе со мною: это возможно и полезно для желающих. Я мученик, и притом – подвизался первым после Владыки, и первому мне открылись тайны неба. Именно, я видел Иисуса стоящего по правую сторону Отца, и я созерцал на самом деле то, о чем сказано: *«сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих»* (Пс.109:1). Ему слава и держава во веки веков. Аминь.

Похвала святому отцу нашему Евстафию, архиепископу Антиохии великой^{*9}

Ублажать людей можно только после их смерти, потому что все на земле изменчиво. Мертвые и вообще блаженны более живых; а особенно – умершие за Христа. Св. Евстафий умер во Фракии, церковь ему в Антиохии, все присутствующие – памятники его, ибо в них – его благоухание. Св. Евстафий – мученик, хотя умер своей смертью. Жертвоприношение Исаака – прообраз бескровной жертвы христианской. Деятельность св. Евстафия против ариан и изгнание его. Бог попускает гонение на церковь, чтобы показать силу истины, преуспевающей во время гонений, и немощь ересей и язычества, разрушающихся и в мирное для них время. Св. Евстафий и в изгнании продолжает заботиться о церкви до времени св. Мелетия.

1. Один мудрый и опытный в любомудрии муж, в точности изучивший природу дел человеческих и познавший их непрочность, что ничего нет надежного и верного, внушает всем вообще людям не ублажать никого прежде смерти (Сир.11:28). Посему, так как блаженный Евстафий уже скончался, мы со всей смелостью уже можем прославлять его, потому что если никого не должно ублажать прежде смерти, то ублажать достойных после их кончины можно безукоризненно. Подлинно, он уже прошел пучину житейских дел, избавился от возмущения волн, приплыл в тихую и безмятежную пристань, не подлежит неизвестности будущего, не подвержен падению, но, как бы стоя теперь на каком-нибудь камне и высокой скале, смеется над всякими волнами. Итак, ублажать его – безопасно, прославлять его – безукоризненно, потому что он уже не боится перемены, не опасается падения. Мы, еще живущие, подобно колеблющимся среди моря, подлежим многим переменам; как те, то поднимаются вверх, когда воздымаются волны, то низвергаются в самую бездну, при чем ни это возвышение не безопасно, ни это низвержение не постоянно, потому что то и другое зависит от вод, текущих и не останавливающихся, – так точно и в делах человеческих нет ничего твердого и

постоянного, но часты и быстры перемены. Один счастьем вознесен на высоту, а другой несчастьем низринут в глубокую бездну; но и тот пусть не гордится, и этот не отчаивается, потому что каждого постигнет весьма скорая перемена, – тот же не (испытывает этого), кто переселился на небо, отошел к вожделенному Иисусу, пришел в страну безмятежную, откуда *«отбеже болезнь и печаль и въздыхане»* (Ис.35:10). Там нет ни подобия перемены, нет ни тени изменения, но все твердо и непоколебимо, все крепко и устойчиво, все нетленно и бессмертно, все неразрушимо и пребывает навсегда. Поэтому и говорится: *«прежде смерти не блажи ни когоже»* (Сир.11:28). Почему? Потому, что будущее неизвестно, и естество наше слабо; воля не деятельна, грех легко овладевает нами и много сетей: *«знай, – говорится, – что ты посреди сетей идешь»* (Сир.9:18); непрестанные искушения, великое множество дел, постоянное нападение бесов, непрерывные восстания страстей: вот почему и говорится: *«прежде смерти не блажи ни когоже»*. Итак, улаживать достойного после его смерти безопасно; или лучше, не просто после его смерти, но после смерти такой, когда кто окончит жизнь с венцом, с исповеданием и верой нелицемерной. Если некто назвал блаженными и просто умерших, то не гораздо ли более (можно так назвать) умерших таким образом?

Кто же, скажешь, назвал блаженными просто умерших? Соломон, премудрый Соломон. Не будь невнимателен к этому мужу, но представь, кто он был, как жил, в какой безопасности и наслаждении провел приятную и беспечальную жизнь. Он прошел все роды удовольствий, обдумал все способы душевного наслаждения, изыскал различные и многообразные виды радостей, и, повествуя о них, говорил: *«создах ми дома, насадих ми винограды, сотворих ми вертограды и сады, сотворих ми купели водныя, притяжах рабы и рабыни, и домочадцы быша ми: и стяжание скота, и стад много ми бысть, собрах ми злато и сребро, подобно песку, сотворих ми поющих и поющыя, виночерпцы и виночерпицы»* (Еккл.2:4–8). Итак, что сам он говорит при таком обилии богатства, имуществ, удовольствий и наслаждений? *«И улажил я, – говорит, –*

мертвых... более живых... а блаженнее их обоих тот, кто еще не существовал» (Еккл.4:2–3). Поистине достоверный обличитель наслаждений, произносящий о них такой приговор. Если бы кто-нибудь из живших в бедности и нищете произнес этот приговор против удовольствий, то можно было бы подумать, что он осуждает их не по справедливости, а по незнанию их; но когда порицает их тот, кто прошел все эти удовольствия и исследовал каждый путь их, то осуждение уже не подлежит сомнению. Может быть, вы думаете, что слово наше уклонилось от настоящего своего предмета; но если мы вникнем, то найдем, что сказанное находится с ним в ближайшем отношении. В дни памяти мучеников необходимо последовательно и беседы вести о любомудрии. Говорим это не осуждая настоящую жизнь, – да не будет, – но порицая удовольствия, потому что не жизнь есть зло, но – жизнь бесцельная, необдуманная.

2. Итак, кто прожил настоящую жизнь в добрых делах и в надежде будущих благ, тот возможет сказать, подобно Павлу, что *«уже жити во плоти, много паче лучше; сие бо плод дела» (Флп.1:23–24)*, – как было и с блаженным Евстафием, который и жизнью и смертью воспользовался по надлежащему. Он потерпел смерть за Христа не в собственной стране, а в чужой. Это – дело врагов; они изгнали его из отечества, дабы посрамить его, но он сделался еще славнее и знаменитее через изгнание на чужбину, как доказал и конец дел. Такова слава его, что, тогда как тело его покоится во Фракии, память его ежедневно процветает у нас, и, хотя гроб его находится в той варварской стране, но любовь наша, не смотря на столь великое расстояние и столь долгое время, ежедневно возрастает: или лучше, если нужно сказать правду, и гроб его у нас, а не только во Фракии. Памятниками святых служат не могилы, гробницы, столбы и надписи, но добрые дела, ревность по вере и чистая перед Богом совесть. Подлинно, блистательнее всякого столба воздвигнута мученику эта церковь, заключающая в себе письма не безгласные, но самыми делами громче трубы возвещающие его память и славу; и каждый из вас, присутствующих здесь, есть гробница этого

святого, гробница одушевленная и духовная. Если я раскрою совесть каждого из вас, присутствующих, то найду, что этот святой пребывает внутри души вашей. Видите ли, как враги не приобрели ничего, как они не угасили славы его, но еще более возвысили ее и сделали блистательнейшей, устроив столько гробниц вместо одной, гробниц одушевленных, гробниц издающих голос, гробниц приготавлиющихся к такой же ревности? Поэтому я и называю тела святых источниками, и корнями, и миром духовным. Почему? Потому, что каждый из упомянутых предметов не удерживает собственной доброты в себе только, но и распространяет ее на далекое расстояние. Например: источники дают много воды и не удерживают ее в своих недрах, но, производя длинные реки, соединяются с морем, и длиной их, как бы протянутой рукой, берутся за морские воды. Также корень растений скрывается внизу, в недрах земли, но не удерживает всей силы своей в глубине; и особенно таково свойство виноградных лоз, вьющихся по деревьям. Когда они распространяют свои ветви по высоким стволам, то простирают вьющиеся по этим подпоркам отрасли на далекое расстояние, образуя густотой своих листьев какую-то длинную кровлю. Таково свойство и мира: часто оно лежит в камерке, но благоухание его, распространяясь через окна на улицы, переулки и площади, и ходящим вне дает знать о скрывающейся внутри доброте ароматов. Если же источник, и корень, и растения, и ароматы по природе своей имеют такую силу, то гораздо более тела святых; а что сказанное мной неложно, свидетели – вы сами. Так, тело этого мученика лежит во Фракии; а вы, не во Фракии находясь, но отстоя далеко от той страны, ощущаете благоухание на таком расстоянии, – и поэтому и собрались, так что ни дальность пути не воспрепятствовала, ни продолжительность времени не заглушила. Таково свойство духовных доблестей; они не прерываются никаким телесным препятствием, но цветут и возрастают каждый день, и ни продолжительность времени не ослабляет их, ни пространство пути не преграждает.

Не удивляйтесь однакож, что, начиная это слово и похвалы, я назвал этого святого мучеником; он своей смертью окончил

жизнь: как же он мученик? Я часто говорил вашей любви, что мучеником делает не одна только смерть, но и душевное расположение. Не за конец дела, но и за намерение часто сплетается венец мученичества. И не я, но Павел дает такое определение мученичеству, говоря именно так: *«я каждый день умираю»* (1Кор.15:31). Как ты умираешь каждый день? Как возможно одному смертному телу принять множество смертей? Расположением, говорит, и готовностью к смерти. Так судит и Бог; и Авраам не окровавил меча, не обагрил жертвенника, не заклал Исаака, – однакоже совершил жертвоприношение. Кто говорит это? Сам принявший жертву: *«не пожалел, – говорит Он, – сына твоего, единственного твоего, для Меня»* (Быт.22:12). Между тем Авраам взял его живым и возвратил здоровым; как же он не пожалел? А так, что о таких жертвах я сужу, говорит Господь, не по концу дел, но по расположению решающихся. Не умертвила рука, но умертвило намерение; не вонзился меч в горло отрока, не перерезал шеи, но бывает жертва и без крови. Знают, о чем говорится, посвященные в тайны. Посему и та жертва совершилась без крови, так как она имела быть прообразом этой. Видишь ли, как еще в Ветхом Завете предначертан образ? Не отрицай же истины.

3. Итак этот мученик, – а наше слово показало его мучеником, – готов был на бесчисленные смерти. и все их претерпел расположением и ревностью, – много опасностей, постигших его, перенес и самым опытом. И из отечества изгнали его, и на чужбину отправили, и многое другое воздвигли тогда против этого блаженного, хотя не имели никакой справедливой причины к обвинению, а только то, что, слушаясь слов Павла: *«поклонялись, и служили твари вместо Творца»* (Рим.1:25), он удалился от нечестия и убоился беззакония; но это достойно венцов, а не обвинения. Ты же посмотри на злобу диавола. Так как еще недавно прекратилась языческая война и все церкви только что отдохнули от жестоких и непрерывных гонений, и еще немного прошло времени, как затворены были все храмы (идольские), погашены жертвенники и сокрушено все бесовское неистовство, то это печалило злого беса, и он не мог спокойно переносить мира церкви; что же он делает? Он производит еще

другую жестокую войну. Та была внешняя, а эта внутренняя; в такой же войне гораздо труднее сберечь себя, и легче погибнуть подвергающимся ей.

В это-то время блаженный этот управлял нашей церковью. Болезнь эта, как некоторая сильная зараза, поднялась из стран Египта; потом, пройдя чрез промежуточные города, скоро вторглась и в наш город. Но он, бодрствуя, и наблюдая, и предвидя издалека все, имевшее случиться, отклонял приближавшуюся войну, и, как мудрый врач, прежде чем болезнь вторглась в город, пребывая здесь, приготавливал лекарства, и управлял этим священным кораблем с великой предусмотрительностью, посещая все места, воодушевляя корабельщиков, мореходцев, всех пловцов, и возбуждая их к вниманию и бодрствованию, как будто морские разбойники нападали и покушались отнять сокровище веры. И не только здесь он применял такое попечение, но и повсюду посылал людей, которые бы учили, убеждали, советовали, заграждали доступ противникам. Он был хорошо научен благодатью Духа, что предстоятель церкви должен заботиться не о той одной церкви, которая вручена ему Духом, но и о всей Церкви по вселенной; этому научился он из священных молитв. Если должно, говорил он, творить молитвы за Вселенскую Церковь, от концов до концов вселенной, то тем более должно проявлять и попечение об ней о всей, равно заботиться о всех (церквах) и пещись о всех. И что было со Стефаном, это случилось и с ним. Как иудеи не в силах будучи противиться мудрости Стефана, побили того святого камнями (Деян.7:58), – так и эти, не в силах будучи противиться мудрости Евстафия и видя, что укрепления охраняются, изгоняют наконец проповедника из города. Но голос его не замолк; человек был изгнан, а слово учения не было изгнано. Так и Павел был связан, а слово Божие не было связано (2Тим.2:9); и этот был в чужой стране, а учение его с нами. Итак, изгнавши его, они стремительно напали, подобно сильному потоку, но ни растений не исторгли, ни семян не залили, ни возделанной нивы не повредили: так укоренилось хорошо и искусно возделанное его мудростью! Впрочем нужно сказать, для чего Бог попустил ему быть изгнанным отсюда. Эта

церковь только что передохнула; имела не малое утешение в управлении Евстафия; он со всех сторон ограждал ее и отражал нападения врагов.

Для чего же он был изгнан, для чего Бог попустил гонителям его? Для чего? Не подумайте, что слова мои послужат к разрешению одного только этого недоумения; нет, если случится вам говорить о подобном и с язычниками, или еретиками, то, что будет сказано, будет достаточно к разрешению без всякого недоумения. Бог попускает истинной и апостольской вере Своей подвергаться многим нападениям, а ересям и язычеству попускает наслаждаться спокойствием; для чего? Для того, чтобы ты познал слабость их, когда они, и не тревожимые, сами собой разрушаются, и чтобы ты убедился в силе веры, которая терпит нападения, и через самих противников умножается. А что это не моя догадка, но божественный ответ, данный свыше, послушаем, что говорит об этом Павел, – и он ведь некогда испытывал нечто человеческое, потому что, хотя он был и Павел, но причастен был нашего естества. Что же он испытывал? Он был гоним, подвергался нападениям, терпел бичевания, подвергался бесчисленным козням отвне и изнутри, от казавшихся своими, от чужих; и нужно ли исчислять, сколько он перенес бедствий? Итак, изнемогая и уже не перенося нападений врагов, которые всегда разрушали его учение и противились его слову, он припадает к Господу, призывает Его и говорит: *«дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня... Трижды молил я Господа о том... Но Господь сказал мне: “довольно для тебя благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи”»* (2Кор.12:7–9). Знаю, что некоторые считают это немощью телесной; но это не так, не так, – а называет он ангелом сатаны людей, противодействовавших ему, потому что это сатана есть слово еврейское; сатана значит: противник. Таким образом орудия диавола и людей, служащих ему, Павел называет ангелами его. Почему же, скажут, прибавлено: плоти? Потому, что плоть подвергалась бичеваниям, но душа была легка, возбуждаясь надеждой будущих благ; козни врагов не касались души его и не сокрушали внутренних помыслов, но достигали только плоти, и

эта война не могла проникнуть внутрь. Так как плоть была раздираема, бичуема, связываема – связать же душу невозможно было, – то он и говорит: *«дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручатъ меня»*, намекая на искушения, скорби, гонения. Потом что? *«Трижды молил я, – говорит, – Господа о том»*, то есть, часто я молился, говорит, чтобы хотя немного отдохнуть от искушений. Но вы помните причину, о которой я сказал, что Бог попускает рабам Своим терпеть бичевания, быть гонимыми и испытывать бесчисленные бедствия, именно для того, чтобы показать Свою силу. Вот и здесь апостол, молившийся о том, чтобы отступили от него бесчисленные бедствия и противники, не получил просимого; приводит и причину, почему он не получил просимого. Какая же это причина? Ничто не препятствует опять напомнить ее. *«довольно для тебя, – говорит Он, – благодати Моей, ибо сила Моя совершается в немощи»*.

4. Видишь ли, что Бог для того попускает ангелам сатаны нападать на рабов Его и причинять им бесчисленные бедствия, чтобы проявилась сила Его? Поистине, с язычниками ли или с жалкими иудеями мы станем рассуждать, для нас достаточно будет для доказательства божественной силы то, что вера, подвергаясь бесчисленным войнам, одержала верх, и тогда как вся вселенная противоборствовала и все с великим жаром гнали тех двенадцать человек, т. е. апостолов, они, бичуемые, гонимые и терпевшие бесчисленные бедствия, были в состоянии в короткое время с полным превосходством победить причинявших им это. Для того Бог попустил и блаженному Евстафию быть отправленным на чужбину, чтобы еще более показать нам и силу истины и бессилие еретиков. Итак он, отправляясь в ссылку, хотя покинул город, но любви к вам не покинул, и хотя был изгнан из церкви, но не считал себя чуждым председательства и попечения о вас, а тогда еще более оказывал попечение и заботливость, и, призвав всех, увещевал не отлучаться, не уступать волкам и не предавать им паствы, но оставаться внутри, заграждая им уста и обличая их, а простейших из братьев утверждая. А что он повелел хорошо, это показал конец дела: если бы вы тогда не остались в Церкви,

то большая часть города погибла бы, потому что в пустыне волки пожирают овец; но его речь воспрепятствовала им бесстыдно обнаружить свою злобу. Впрочем, не один только конец дела показал это, но и слова Павла, так как он по наставлению апостола сделал такое увещание. Что же говорит Павел? Готовясь некогда быть отведенным в Рим в последнее путешествие, после которого уже не надеялся видеть учеников, он говорил: я более не увижу вас; говорил это, не опечалить их желая, но утвердить. Итак, намереваясь отправиться оттуда, он утверждал их такими словами: *«знаю, что, по отшествию моем, войдут к вам лютые волки...; и из вас самих восстанут люди, которые будут говорить превратно»* (Деян.20:29–30). Троякая война: естество диких зверей, жестокость войны, то, что нападают не чужие, а свои, поэтому естественно война более жестока. В самом деле, если кто станет нападать на меня и воевать отвне, то я легко смогу победить его; если же рана зарождается внутри, от самого тела, то зло становится трудно исцелимым. Так точно было и тогда. Поэтому он и увещевал, говоря: *«внимайте себе и всему стаду»* (Деян.20:28); не сказал: покинув овец, бегите вон. Следуя этому наставлению, и блаженный Евстафий увещевал учеников своих, – что именно слышал этот мудрый и доблестный учитель, это слово исполнил он на деле. Так, при нападении волков, он не покинул овец, и хотя не восходил на престол начальствования, но это ничего не значило для благородной и любомудрой души. Почести начальников он оставлял другим, а труды начальников переносил сам, обращаясь среди волков. Зубы зверей нисколько не вредили ему: настолько вера его была сильнее их угрызений! Таким образом, вращаясь внутри, и занимая всех их борьбой с ним самим, он доставлял овцам великую безопасность. Но он не одно только это делал, что заграждал уста врагам, и отражал богохульства, но обходил и самых овец и узнавал, не уязвлен ли кто стрелой, не получил ли тяжелой раны, и тотчас прикладывал лекарство. Делая это, он во всех вложил закваску истинной веры, и не прежде отошел, как когда уже, по устройению Божию, блаженный Мелетий пришел принять все это тесто; тот посеял, а этот пришедши пожал. Так было и

при Моисее и Аароне. Они, подобно закваске, обращаясь среди египтян, сделали многих ревнителями своего благочестия. Об этом свидетельствует и Моисей, когда говорит, что *«множество разноплеменных людей вышли»* вместе с израильтянами (Исх.12:38). Этому Моисею подражая, блаженный еще прежде начальствования исполнял дела начальства, потому что и Моисей, еще не получив руководства народом, весьма сильно и мужественно наказывал обижающих, защищал обижаемых, и оставив царскую трапезу, почести и преимущества, поспешил к глине и деланию кирпичей, полагая, что попечение о своих почтеннее всякой роскоши, удовольствия и почестей. На него взирая тогда, и этот увещевал всех начальников иметь попечение о народе, и предпочел покою труды и изгнания отовсюду, подвергаясь непрерывным озлоблениям каждый день. Но все для него было легко, потому что самое дело доставляло ему достаточное утешение в случившемся. За все это воздав благодарность Богу, будем подражать добродетелям этих святых, чтобы участвовать с ними и в венцах, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, через Которого и с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава во веки веков. Аминь.

Беседа о священномученике Фоке и против еретиков, и на 141 псалом: «голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился»^{*10}

Перенесение мощей священномученика, призыв участвовать в празднестве. Борьба с еретиками направляется не против людей, но против заблуждения, не губит людей, а лечит их. Кротость Христа перед рабом первосвященника. Обличение Иеровоама пророком – пример долготерпения Божия и урок людям прощать личные обиды. Церковь всех призывает и, если увещания еретикам бесполезны, виной их развращенная воля. Еретики перетолковывают Св. Писание себе только в погибель, не вредя ни Богу своими хулами, ни достоинству Писания. Св. Писание не Отцу только усвоет имя Бог, но и Сыну. Имя Господь не ниже имени Бог.

1. Блистателен был вчера у нас город, блистателен и великолепен не потому, что были в нем колонны, а потому, что был мученик, с торжеством прибывший к нам из Понта. Он видел ваше гостеприимство, и преисполнил вас благословением; он похвалил ваше усердие и благословил присутствовавших. Я назвал блаженными собравшихся и участвовавших в его благоухании, а отсутствовавших я назвал несчастными; но чтобы потеря их не осталась неисправимой, мы прославляем его опять в другой день, чтобы и отсутствовавшие по нерадению усердием удвоили благословение от мученика. Как я часто говорил, так и не перестану говорить: я не наказания требую за грех, но приготавливаю врачество для немощных. Ты отсутствовал вчера? Приди же хотя сегодня, чтобы тебе видеть его уходящим в собственное место. Ты видел его идущим через торжище? Посмотри его и плывущим по морю, чтобы обе стихии (воздух и вода) наполнились его благословением.

Никто пусть не уклоняется от этого священного торжества, – ни дева пусть не остается дома, ни жена пусть не

задерживается в жилище; оставим город пустым и переселимся ко гробу мученика; ведь и цари ликуют вместе с нами. Какое же имеет оправдание частный человек, когда цари оставляют царские чертоги и сидят при гробе мученика? Такова сила мучеников, что она уловляет не только частных людей, но и носящих диадемы; она – посрамление язычников, она – порицание их заблуждения, она – погибель бесов, она – наше благородство и венец Церкви. Я ликую вместе с мучениками и пляшу, вместо лугов взирая на их трофей, потому что вместо источников они источили кровь; кости их истощены, а память их юнеет каждый день. Как невозможно погаснуть солнцу, так и памяти мучеников, потому что сам Христос изрек: *«небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут»* (Мф.24:35). Впрочем похвалы мученику отложим до удобного времени: и сказанного достаточно по причине усердия тех, которые должны были собраться и сделать блестящим день праздника. Как я вчера говорил, так и сегодня опять говорю: для мученика не будет никакой славы от присутствия многих, а вам благословение будет прибылью от присутствия при мученике. Как взирающий на солнце не делает этого светила более светлым, но освещает собственные глаза свои, – так точно и почитающий мученика не его делает более славным, но сам от него приобретает просвещающее благословение.

Сделаем же опять море Церковью, вышедши туда со светильниками, соединив огонь с водой и воду наполнив огнем. Никто пусть не боится моря; мученик не боялся смерти, а ты боишься воды? Впрочем довольно сказали мы об этом предмете; предложим теперь вам и из прочитанного сегодня обычную трапезу. Хотя и стеснены ваши тела, но пусть окрыляется душа; я смотрю не на тесноту вашу, а на усердие. Приятно для кормчего волнующееся море, приятна и для учителя морем разлившаяся Церковь; в этих водах нет ни солености, ни подводного камня, ни чудовищ, но море и влага, исполненная благоухания; здесь корабли, переплывающие не от земли к земле, но от земли на небо, содержащие в себе не деньги, не золото и не серебро, но веру, любовь, ревность и мудрость.

2. Итак, направим тщательно корабль, который никогда не погибает и не подвергается кораблекрушению. Но слушайте внимательно то, что говорится; псалом сегодня выводит нас на ратоборство с еретиками, не для того, чтобы свалить их стоящих, но чтобы восставить лежащих; такова именно наша война: не из живых она делает мертвыми, но из мертвых приготавливает живых, изобилуя кротостью и великим смирением. Я гоню не делом, а преследую словом, не еретика, но ересь, не человека отвращаюсь, но заблуждение ненавижу и хочу привлечь к себе (заблуждающегося); я веду войну не с существом, потому что существо – дело Божие, но хочу исправить ум, который развращен диаволом. Как врач, леча больного, не против тела воюет, но истребляет повреждение тела, – так и я, если буду сражаться с еретиками, то сражаюсь не с самими людьми, но хочу истребить заблуждение и очистить гнилость. Мне привычно терпеть преследование, а не преследовать, быть гонимым, а не гнать. Так и Христос побеждал, не распиная, но распятый, не ударяя, но приняв удары. *«Если Я сказал худо, – говорит Он, – покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня»* (Ин.18:23)? Владыка вселенной оправдывается пред рабом первосвященника, приняв удары по устам, из которых исходило слово и укрощало море и возбудило из мертвых четверодневного Лазаря, от которых убегало зло, от которых разрешались болезни и грехи: это – чудо Распятого. Имея силу послать молнию, поколебать землю, иссушить руку раба, Он не сделал ничего такого, но даже оправдывается и побеждает кротостью, научая тебя, человека, никогда не приходить в негодование, чтобы ты, хотя бы ты был распинаем, хотя бы получал удары, говорил то же, что Владыка твой: *«если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня»*? И посмотри на Его человеколюбие, как Он обиды рабов отмщает, а обиды Себе пропускает. Был некогда один пророк, обличал нечестивого царя и, пришедши, говорит: *«жертвенник, жертвенник»* послушай (3Цар.13:2)! Так как царь Иеровоам стоял, принося жертву идолам, то пророк пришедши обращает речь к жертвеннику. Что делаешь ты, пророк? Оставляешь человека и беседуешь с

жертвенником? Да, говорит он. Почему? Так как человек стал бесчувственнее камня, то я оставляю его и беседую с этим, чтобы ты узнал, что камень слушает, а человек не слушает. Послушай жертвенник, послушай, и тотчас *«жертвенник распался»* (3Цар.13:5). *«Простер... руку свою»* царь, желая схватить пророка, и не мог согнуть ее (3Цар.13:4). Видишь ли, что жертвенник слушал больше, нежели царь? Видишь ли, что он оставил разумного и беседует с неразумным, чтобы послушанием последнего исправить бесчувственность и злобу первого? Жертвенник сокрушился, а злоба царя не сокрушилась. Но посмотри на случившееся: царь протянул руку схватить пророка, и тотчас *«одеревенела рука его»* (3Цар.13:4). Так как наказанием жертвенника он не исправился, то собственным наказанием научается послушанию Богу. Щадя тебя, я хотел излить гнев на камень, но так как камень не сделался для тебя учителем, то прими ты наказание. И *«простер... руку свою, и тут же одеревенела»*. Она стала затем трофеем пророка, и не мог царь согнуть ее. Где диадема? Где порфиры? Где латы? Где щиты? Где войско? Где копья? Бог повелел, и все это погибло; вельможи предстояли, не имея сил помочь, но сделавшись только зрителями удара. И *«простер... руку свою... и одеревенела»*; когда она сделалась сухой, тогда принесла плод. Посмотри на пример дерева, бывшего в раю, и дерева крестного. Как то дерево, будучи цветущим, произвело смерть, а дерево креста, будучи сухим, породило жизнь, так было и с рукой царя: когда она была цветущей, тогда производила нечестие, а когда стала сухой, тогда привела послушание; вот дивные дела Божии!

Но, как я говорил, когда сам Он получал удары, то не делал никакого зла ударяющему; а когда рабу его угрожала обида, то Он наказал царя, научая тебя за оскорбления Бога мстить, а оскорбления тебя самого пропускать. Как Я Мои оскорбления пропускаю, а за твои отмщаю, – так и ты за Мои отмщай, а свои пропускай. Но с напряжением обратите ко мне слух свой (ведь напряженный нужно иметь слух слушателям, когда время подвигов), чтобы вам в точности знать, как я связываю, как разрешаю грехи противников, как я ратоборствую и как

поражаю. Если и сидящие на зрелище нагибаются, когда двое борются, напрягают свой взор, привстают на носки, чтобы видеть борьбу, исполненную стыда, чтобы видеть борьбу, которой подражать постыдно, – то гораздо больше должно нам внимательно слушать Божественные Писания. Если ты хвалишь борца, то почему сам не делаешься борцом? Если же ты стыдишься сделаться борцом, то для чего подражаешь похвале им? А здесь борьба не такая, но общая для всех и полезная как для говорящих, так и для слушающих. Я ратоборствую с еретиком, чтобы и вас сделать ратоборцами, чтобы вы, не только когда поете, но и когда разговариваете, заграждали уста их. Что же говорит пророк? *«Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился»* (Пс.141:1). Обрати внимание: ужели это слово кажется дающим повод к борьбе? Посмотри, как я сплетаю венец и предмет состязаний. *«Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился»*. Здесь призови ко мне еретика, присутствует ли он, или не присутствует. Если он присутствует, то пусть поучается от нашего голоса; а если не присутствует, то пусть узнает через вас слушающих. Впрочем, как я сказал, я не гоню его присутствующего, но принимаю его гонимого не вами, но собственной совестью, по словам сказавшего: *«нечестивый бежит, когда никто не гонится»* (Притч.28:1). Церковь есть мать своих детей, которая и их принимает, и чужим открывает недра. Общим местом зрелища был ковчег Ноев, но Церковь лучше и его. Тот принял неразумных животных и сохранил их неразумными, а эта принимает неразумных и изменяет их. Например: войдет ли сюда лисица – еретик, я делаю ее овцой; войдет ли волк, я делаю его агнцем, сколько зависит от меня; если же он не захочет, то это несколько не от меня, а от собственного его неразумия. Так и Христос имел двенадцать учеников, и один сделался предателем, но не от Христа, а от собственной развращенной воли. Так и Елисей имел ученика сребролюбивого, но не по слабости учителя, а по нерадению ученика. Я бросаю семена; если ты – земля тучная, принимающая семена, то воздашь колос; а если ты – камень бесплодный, то это несколько не от меня: будешь ли ты

слушать, или не будешь слушать, я не перестану напевать тебе духовную песнь и поливать раны, чтобы мне не услышать в тот день: *«лукавый раб... надлежало тебе отдать серебро мое торгующим»* (Мф.25:26–27). *«Голосом моим к Господу воззвал я, голосом моим к Господу помолился».*

3. Что говоришь ты, еретик? О ком говорит пророк, и кого называет он Господом и Богом? Об одном ведь лице речь. Еретики, перетолковывая Писания на свою голову и изыскивая всегда доводы против своего спасения, не чувствуют, как они толкают сами себя в пропасть гибели: и славословящий Сына Божия не делает Его более славным, и злословящий не причиняет ему вреда, потому что бестелесное Существо не имеет нужды в нашем славословии; но как называющий солнце светлым не прибавляет ему света, и называющий его темным не уменьшает его сущности, а только в приговоре своем представляет пример собственной слепоты, так и называющий Сына Божия не Сыном, а тварью, представляет доказательство собственного безумия, а признающий (божественное) существо Его показывает собственное благоразумие; и ни этот не приносит Ему пользы, ни тот не причиняет Ему вреда, но один борется против своего спасения, а другой за свое спасение. Они, как я сказал, перетолковывая Писания, остальное пропускают, а ищут, не найдется ли где-нибудь основания, по-видимому несколько содействующего их болезни. Не говори мне, что причиной этому Писание; не Писание причиной, но их неразумие, подобно тому, как и мед сладок, однакож больной считает его горьким, но это не меду упрек, а жалоба на болезнь. Так и сумасшедшие не видят предметов, но это не вина предметов видимых, а извращенное суждение сумасшедшего. Бог сотворил небо, чтобы мы взирали на создание и поклонялись Создателю, а язычники обоготворили создание; но причиной не создание, а их неразумие, и как неразумный ни от кого не получает пользы, так благоразумный получает пользу и от самого себя. Что равно со Христом? Однако и от Него Иуда не получил пользы. Что негоднее дьявола? Однако Иов получил венец. Ни Иуде не принес пользы Христос, потому что он был неразумен, ни Иову не повредил дьявол, потому что он

благоразумен. Говорю это для того, чтобы никто не осуждал Писания, но неразумие худо толкующих сказанное хорошо. Ведь и диавол беседовал со Христом от Писания.

Но виной не Писание, а ум, худо толкующий сказанное хорошо. Желая доказать, что Сын меньше Отца, еретики ходят, отыскивая странные выражения, и об этих именах: **Бог** и **Господь**, говорят, что Отец – **Бог**, а Сын – **Господь**, разделяют эти имена и приписывают имя **Бог** – Отцу, а имя **Господь** – Сыну, как настоящие делители Божества и раздаятели жребия. Приписывает ли Писание Сыну название: **Господь**? Это ли говорит оно? Разве ты не слышал, как псалом говорил сегодня к одному лицу: *«гласом моим ко Господу воззвах, гласом моим к Богу помолихся»*? Итак, оно называет его и Господом и Богом. Кто по твоему Бог – Сын, или Отец? Конечно скажешь, что эти имена принадлежат Отцу. Итак Сын – Бог, и Отец – Господь. Для чего же ты разделяешь эти имена, и одно там прибавляешь, а другое здесь отделяешь? И Павел (о, если бы ты слушал Павла и был блаженным!) говорит: *«но у нас один Бог Отец, из Которого все... и один Господь Иисус Христос, Которым все»* (1Кор.8:6). Он разве назвал Сына Богом? Но как? Господом. Что же, скажи мне, **Бог** важнее, нежели **Господь**, и **Господь** меньше, нежели **Бог**? Слушайте, прошу вас, с напряженным вниманием; если я докажу, что **Господь** и **Бог** – одно, что ты скажешь? Ты говоришь, что **Бог** больше, а **Господь** меньше? Послушай пророка, который говорит: *«Господь, сотворивший небеса, Он, Бог, образовавший землю»* (Ис.45:18); Господь – небо, и Бог – землю; слова **Господь** и **Бог** употребил он об одном и том же лице. И еще: *«слушай, Израиль: Господь, Бог твой, Господь един есть»* (Втор.6:4). Дважды – **Господь**, и однажды – **Бог**; и сперва – **Господь**, потом – **Бог**, и опять – **Господь**. Если бы последнее было ниже, а первое выше, то о великом Существом он не употребил бы выражения меньшего прежде большего, но, сказав большее, удовольствовался бы и не прибавил бы меньшего. Поняли ли вы, что я сказал? Я повторю наставление, так как здесь не зрелище для показу, но поучение для душевного сокрушения, не для того, чтобы вы уходили отсюда безоружными, но чтобы

возвращались вооруженными. **Бог**, говоришь ты, еретик, выше, а **Господь** – ниже? Я указал тебе на пророка, который говорит: *«Господь, сотворивший небеса, Он, Бог, образовавший землю»*. Указываю тебе, еще на Моисея, который говорит: *«слушай, Израиль: Господь, Бог твой, Господь един есть»*. Как **един**, если два имени, одно меньшего, а другое большего существа? Существо конечно не больше и не меньше себя самого, но равно и неразрывно. *«Господь Бог твой Господь един есть»*; вот я доказываю тебе, что имя **Господь** то же, что и **Бог**. Вообще же, если **Господь** ниже, а **Бог** выше, то какое должно быть имя Его: меньшее – **Господь**, или большее – **Бог**? Если он скажет: как имя Мне? то что скажешь ты, еретик? Скажешь, что **Господь** имя Сына, а **Бог** – Отца, как более свойственное? Но если я докажу тебе, что имя **Господь** меньшее служит отличительным Его именем, то что ты сделаешь? *«Да познают, яко имя тебе Господь»*, – говорит пророк (Пс.82:19). Разве он сказал: **Бог**? Хотя если имя **Бог** больше, то почему не сказал пророк: *«да познают, яко имя тебе Бог»*? Если собственное Его и свойственное Ему имя есть **Бог**, а чуждое Ему, как низшее, есть **Господь**, то почему он сказал: *«да познают, яко имя тебе Господь»*, имя малое, меньшее, низшее достоинства Его, а не сказал имя великое и высокое, достойное Его существа? Чтобы ты знал, что и это не есть малое, ни низшее, но имеет такую же силу: *«да познают, яко имя тебе Господь, ты един вышний по всей земле»*.

4. Но ты не отступаешь из сражения, а опять говоришь, что имя **Бог** – больше, а **Господь** – меньше? Итак, если я покажу, что Сын называется этим именем большим, что ты скажешь? Прекратишь ли сражение? Отстанешь ли от состязания? Признаешь ли свое спасение? Освободишься ли от безумия? Понял ты, что я сказал? Так как имя **Господь** приписывают Сыну, а **Бог** – Отцу, как большее, то, если я покажу тебе, что Сын называется этим большим именем – **Бог**, сражение окончено, – я покоряю тебя твоим оружием и на твоих крыльях становлюсь выше тебя. Ты сказал, что имя **Бог** больше, а **Господь** меньше; я хочу доказать, что меньшее не приличествовало Отцу, если Он был большим, и большее не

приличествовало Сыну, если Сын был меньшим. Послушай пророка, который говорит: *«сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости... После того Он явился на земле и обращался между людьми»* (Вар.3:36–38). Что скажешь ты на это? Будешь опровергать эти слова? Но не можешь, – истина остается блистающей собственным светом и ослепляющей глаза еретиков, не желающих верить ей. Хотя глубоко это состязание и велик жар, но слово это больше, превосходнее неудобства слушающих, и жар утоляется росой поучения; и если мы собираемся однажды или дважды в неделю, то слушателю не должно быть нерадивым. Когда ты выйдешь отсюда, и кто-нибудь спросит тебя: о чем беседовал учитель? – ты скажешь: против еретиков; если он скажет: о чем он беседовал? – и ты не найдешься отвечать, то стыд тебе величайший; а если ответишь, то уколешь его; если то будет еретик, исправишь его; если то будет нерадивый друг, привлечешь его; если невоздержная жена, вразумишь ее, – а отвечать ты обязан и жене: *«жены, – говорится, – в церквах да молчат... Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают... у мужей своих»* (1Кор.14:34–35). Когда ты придешь домой и жена спросит тебя: что принес ты мне из церкви? – скажи ей: не мяса, и не вина, и не золота, и не нарядов, украшающих тело, но слово, умудряющее душу. Когда ты придешь к жене, то предложи духовную трапезу; скажи наперед, пока свежа память: насладимся духовным, а потом насладимся чувственной трапезой, потому что если мы так устроим дела свои, то будем иметь Бога среди нас, и трапезу благословляющего, и нас увенчивающего. За все же это будем благодарить самого Отца, с Сыном и Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Похвала святому священномученику Игнатию Богоносцу, бывшему архиепископу Антиохии великой, который был отведен в Рим и там потерпел мученичество, а оттуда опять перенесен в Антиохию*11

Мученические подвиги доступны всем – мужам и женам. Св. Игнатий – и епископ, и апостол, и мученик. Игнатий поставлен в епископа самими апостолами, следовательно – обладал всеми добродетелями, которых требовал от епископа ап. Павел; он управлял церковью в самое первое, наиболее трудное время, при гонениях извне и неустроенности еще внутри, – управлял Антиохийской, очень большой, церковью, – преемствовал самому ап. Петру. Гонения диавол направляет на предстоятелей, чтобы ослабить церковь, и предает их смерти вдали от их церквей, чтобы и их утомить долгим путем, и церквам не дать хорошего примера; но Бог, путешествие Игнатия в Рим, обратил в средство научения и укрепления в истине и римлян, и всех попутных церквей. Мученическая смерть – очевидное доказательство воскресения Христа, особенно столь публичная, как смерть св. Игнатия. Торжественное перенесение его мощей в Антиохию еще увеличило пользу для церкви от его путешествия в Рим. Увещание прибегать к гробнице мученика и в счастье и в несчастье, ибо это спасительно для всех и всегда.

1. Щедрые и честолюбивые учредители пиршеств устрояют частые и непрерывные пиршества для того, чтобы и показать свое богатство, и вместе обнаружить свое благорасположение к друзьям. Так и благодать Духа, представляя нам доказательство своей силы и показывая великое благорасположение к друзьям Божиим, предлагает нам постоянно и непрерывно трапезы мучеников. Недавно угощала нас с великим радушием весьма юная и безбрачная отроковица,

блаженная мученица Пелагия; сегодня опять возобновил праздник ее блаженный и доблестный мученик Игнатий. Различны лица, но трапеза одна; меняются подвиги, но венец один; разнообразны состязания, но награда та же самая. К внешним состязаниям, где нужны телесные труды, по справедливости допускаются одни только мужи; а здесь, где все состязание касается души, поприще открыто для того и другого пола, зрители сидят для того и другого рода. Не одни только мужи вступали сюда, дабы жены, ссылаясь на слабость пола, не думали иметь благовидное оправдание, и не одни только жены подвизались, дабы не был посрамлен мужской пол; но и из тех и из других многие провозглашены победителями и получили венцы, дабы ты самым делом убедился, что во Христе Иисусе *«нет мужеского пола, ни женского»* (Гал.3:28), что ни пол, ни слабость телесная, ни возраст, и ничто другое подобное не может препятствовать шествующим по пути благочестия, если мужественная готовность, бодрое настроение духа и горячее и пламенное чувство страха Божия вкоренены в душах наших. Поэтому и отроковицы, и жены, и мужи, и юноши, и старцы, и рабы, и свободные, и всякое звание, и всякий возраст, и тот и другой пол выступали на эти подвиги и ни откуда не потерпели никакого вреда, так как мужественную решимость вносили они в эти подвиги. Впрочем, время зовет уже нас к повествованию о славных делах этого блаженного мужа; но ум смущается и тревожится, не зная, о чем говорить во-первых, о чем во-вторых, о чем в-третьих: такое множество похвал заливают нас со всех сторон! Мы находимся в таком же состоянии, как если бы кто, войдя на луг и увидев множество роз, множество фиалок, и столько же лилий и других весенних цветов, различных и разнообразных, недоумевал, на что ему посмотреть прежде, на что после, – потому что каждый из видимых цветов привлекает к себе взоры его. Так и мы, войдя на этот духовный луг деяний Игнатия и созерцая не весенние цветы, но самые плоды Духа различные и разнообразные в душе его, смущаемся и недоумеваем, не зная, на что прежде обратить внимание, когда каждый из этих видимых плодов отвлекает от соседних ему душевный взор наш и привлекает его

к созерцанию своей красоты. Посмотрите: он управлял нашей церковью доблестно и с такой тщательностью, какой желает Христос. Он показал на деле тот высочайший образец и правило епископства, которые определил Христос. Слыша слова Христовы, что *«пастырь добрый полагает жизнь свою за овец»* (Ин.10:11), он предал ее за овец со всем мужеством.

Он близко обращался с апостолами и почерпал от них духовные струи. Каков же естественно был тот, кто с ними воспитывался и везде при них находился, имел общение с ними и в речах и в неизреченном, и был признан ими достойным такой власти? Наступило опять время, которое требовало мужества и души, презирающей все настоящее, кипящей божественной любовью и предпочитающей невидимое видимому, – и он с такой легкостью сложил с себя тело, с какой иной снял бы с себя одежду. О чем же нам сказать прежде? Об учении ли апостольском, которое он выражал во всем, или о презрении настоящей жизни, или о добродетельной ревности, с какой он управлял церковью? Кого мы прежде будем прославлять: мученика, или епископа, или апостола? Благодать Духа сплела тройственный венец и украсила им эту святую голову, или – лучше сказать – венец многообразный, потому что, если кто тщательно разберет каждый из его венцов, то найдет, что из них и другие венцы произрастают нам.

2. Если желаете, приступим наперед к похвалам епископство его. Кажется, не один ли это венец? Но разберем его в слове, и вы увидите, что из него произойдут у нас и два венца, и три, и более. Я удивляюсь этому мужу не потому только, что он оказался достойным такой власти, но и потому, что эта власть вручена ему была теми святыми и что руки блаженных апостолов касались священной головы его. А это не мало служит в похвалу ему, не потому только, что он получил свыше большую благодать, и не потому только, что они низвели на него обильнейшую силу Духа, но и потому, что они засвидетельствовали присутствие в нем человеческих добродетелей. А каким образом, я скажу. Павел в послании к Титу, – а когда я говорю о Павле, то разумею не только его одного, но и Петра, и Иакова, и Иоанна и весь их сонм, потому

что как в одной лире, хотя различны струны, но гармония одна, так и в сонме апостолов, хотя различны лица, но учение одно, так как один был художник, Дух Святой, приводивший в движение души их, что и выражает Павел, говоря: *«итак я ли, они ли, мы так проповедуем»* (1Кор.15:11), – и так в послании к Титу, показывая, каков должен быть епископ, Павел говорит: *«Ибо епископ должен быть непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать»* (Тит.1:7–9). И опять к Тимофею, пиша о том же предмете, он говорит так: *«если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннолюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив.»* (1Тим.3:1–3). Видишь ли, какого совершенства добродетели требует он от епископа? Как отличный какой живописец, составив различные краски, чтобы сделать первоначальный портрет с царского лица, выполняет это дело со всей тщательностью, чтобы все, которые будут подражать ему и писать с него, имели верный портрет, так точно и блаженный Павел, как бы изображая царский портрет и приготавливая первообраз его, соединил различные краски добродетелей и в совершенстве изобразил нам отличительные черты епископства, чтобы каждый, восходящий на эту степень власти, взирая на него, столь же тщательно сообразовался с ним во всем. Итак, я смело могу сказать, что блаженный Игнатий напечатлел в душе своей весь этот образец с точностью, и был и непорочен, и безукоризнен, и не самолюбив, и не гневлив, и не пьяница, и не бийца, и не сварлив, и не сребролюбив, но справедлив, преподобен, воздержан, держался верного слова, согласно с учением, трезв, целомудрен, благочинен, к все прочие имел качества, каких требовал Павел. А какое, скажешь, доказательство на это? (То, что) сами, сказавшие это, рукоположили его с такой

тщательностью; убеждая других производить испытание тем, которые имели восходить на этот престол власти, они сами не могли делать этого небрежно и если бы не видели всех этих добродетелей насажденными в душе этого мученика, то и не вручили бы ему этой власти. Они вполне знали, какая опасность предстоит тем, которые совершают такие рукоположения без разбора и как случится. Это самое опять объясняя, Павел в послании к тому же Тимофею говорил: *«рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах»* (1Тим.5:22). Что говоришь ты? Другой согрешил, а я буду участником его вины и наказания? Да, говорит он, так как ты даешь возможность грешить. Как, если кто вручит человеку неистовому и безумному острый меч, и безумный совершит им убийство, вину принимает на себя давший этот меч, – так и тот, кто дает право этой власти человеку, живущему в пороках, навлекает на свою собственную голову весь огонь его грехов и дерзостей: кто посадил корень, тот всегда бывает виновником того, что произрастает от него. Видишь ли, как венец его епископства явился у нас двойным, и как достоинство рукоположивших его сделало его власть блистательнейшей и вполне засвидетельствовало об его добродетелях?

3. Хотите ли, я открою вам и другой венец, произрастающий из этого же самого? Представим то время, в которое он получил власть епископства. Не все ведь равно – управлять церковью теперь, или тогда, как не все равно – идти по дороге, уже проложенной и хорошо устроенной, после многих путников, или по дороге, которая теперь в первый раз должна быть проложена, которая наполнена пропастями, камнями и зверями, и по которой еще никогда никто не проходил. Ныне, по благодати Божией, нет никакой опасности епископам, но везде глубокий мир, и все мы наслаждаемся спокойствием, так как учение благочестия распространилось до концов вселенной, и цари вместе с нами тщательно соблюдают веру. Но тогда ничего этого не было; напротив, куда ни посмотришь, везде были утесы, пропасти, войны, сражения, опасности; и начальники, и цари, и народы, и города, и племена, и свои, и чужие замышляли зло против верующих. И не в одном только этом

состояло бедствие, но и в том, что многие из самих уверовавших, как недавно принявшие чуждое им учение, имели нужду в великом снисхождении, были еще слабы и часто были сбиваемы с ног; а это не менее внешних войн огорчало учителей, или – вернее сказать – гораздо более, потому что внешние битвы и нападения доставляли им даже великое удовольствие вследствие надежды на уготованные награды. Поэтому и апостолы возвращались *«от лица собора, радуящиеся»*, что подверглись бичеванию (Деян.5:41); и Павел взывает говоря: *«радуясь во страданиях моих»* (Кол.1:24), и всегда хвалится скорбями. А раны близких и падения братьев не давали им и дух перевести, но, подобно тягчайшему ярму, постоянно обременяли и угнетали выю души их. Послушай, как горько скорбит об этом Павел, так радовавшийся среди страданий: *«Кто изнемогает, – говорит он, – с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся?»* (2Кор.11:29) И еще: *«Ибо я опасаясь, чтобы мне, по пришествии моем, не найти вас такими, какими не желаю, также чтобы и вам не найти меня таким, каким не желаете.»* И немного после: *«чтобы опять, когда приду, не уничтожил меня у вас Бог мой и чтобы не оплакивать мне многих, которые согрешили прежде и не покаялись в нечистоте, блудодеянии и непотребстве, какое делали»* (2Кор.12:20–21). И постоянно видишь его скорбящим и плачущим о своих, всегда боящимся и трепещущим за верующих. Итак, как мы кормчему удивляемся не тогда, когда он на спокойном море и на корабле, гонимом благоприятным ветром, сможет сохранить плывущих, но в том случае, если море свирепствует, волны воздымаются, самые путники на корабле бунтуют, великая буря и сонне и совнутри облегает плывущих, а между тем он сможет управлять судном со всей безопасностью; так и тем, кому поручены были тогда церкви, мы должны гораздо больше удивляться и изумляться, нежели тем, которые ныне управляют ей; потому что тогда была сильная война и извне и внутри, было еще более нежно растение веры и требовало великой заботливости, и церковное общество, подобно новорожденному младенцу, имело нужду в великом

попечении и в душе особенно мудрой, которая бы могла воспитывать его. А чтобы вы яснее узнали, каких венцов достойны были те, кому вверена была тогда церковь, и как трудно и опасно приниматься за дело в самом начале и прежде других приступать к нему, я приведу вам свидетельство Христа, Который за то подает голос и подтверждает высказанную нами мысль. Он, видя многих идущих к Нему и желая показать апостолам, что пророки больше их трудились, говорит: *«другие трудились, а вы вошли в труд их»* (Ин.4:38). Хотя апостолы трудились гораздо больше пророков, но так как те первыми сеяли слово благочестия и привлекали к истине еще неученые души людей, то им и присуждается большая часть труда.

Не все равно – учить, пришедши после многих других учителей, или самому первому бросать семена: то, что уже было изучаемо и сделалось привычным для многих, легко бывает принимаемо; а то, что слышат теперь в первый раз, смущает душу слушателей и представляет много затруднений для учащихся. Потому и в Афинах смутились слушатели и отступили от Павла, укоряя его: *«что-то странное ты влагаешь в уши наши»* (Деян.17:20). Если и теперь управление церковью доставляет много заботы и труда ее кормчим, то представь, не вдвое ли, и втрое и во много раз больше труда было тогда, когда были постоянные опасности, войны, козни и страх. Невозможно, невозможно выразить словом те трудности, которые переносили тогда эти святые мужи; их может знать только тот, кто сам испытал их.

4. Скажу и о четвертом венце, который является нам из того же епископства. Какой же это? Тот, что он управлял нашим отечественным городом. Трудно управлять и сотней людей или только пятьюдесятью; но иметь на руках такой город и народ, простирающийся до двух сот тысяч человек, это какую, думаешь ты, показывает добродетель и мудрость? Как в войсках важнейшие и многочисленнейшие отряды вручаются более мудрым полководцам, так и города большие и многолюднейшие вверяются опытнейшим правителям. Притом и сам Бог имел великое попечение об этом городе, как показал Он это самыми делами: Петру, предстоятелю всей вселенной, которому вручил

ключи неба, которому предоставил руководить и устроить все, Он повелел провести здесь долгое время, – так для Него наш город был равен всей вселенной. Но упомянув о Петре, я усмотрел и пятый венец, сплетающийся отсюда, тот, что Игнатий преемствовал Петру во власти. Как вынимающий большой камень из основания, старается конечно поставить вместо него другой, равный ему, если не хочет поколебать и испортить все здание, так точно и тогда, когда Петр имел уйти отсюда, благодать Духа поставила вместо него другого равного Петру учителя, чтобы уже построенное здание не было испорчено незначительностью преемника. Итак, мы насчитали пять венцов, от величия власти, от достоинства рукоположивших его, от трудности времени, от обширности города, от добродетели передавшего ему епископство. Сплетши все эти венцы, можно было бы нам говорить и о шестом, и седьмом, и более; но чтобы, употребив все время на беседу об епископстве, не лишиться нам повествования о мученике, приступим наконец к изложению и этого подвига. Некогда была воздвигнута против церквей жестокая война и, как бы при владычестве на земле жесточайшей тирании, все были захватываемы среди площади, будучи обвиняемы не за что-либо неуместное, но за то, что, оставив заблуждение, обращались к благочестию, отступали от служения демонам, признавали истинного Бога и поклонялись Единородному Его Сыну. За что следовало их удостоить венцов, удивления и почестей, за то были подвергаемы наказанию и терзаемы бесчисленными мучениями все, принявшие веру, особенно же предстоятели церквей. Дьявол, коварный и искусный изобретатель таких козней, надеялся, что, погубив пастырей, он легко сможет расхитить стада. Но *«уловляет мудрых в лукавстве их»* (1Кор.3:19), желая показать ему, что не люди управляют Его церквами, а сам Он везде пасет верующих в Него, попустил быть этому, чтобы дьявол, видя, что и по истреблении пастырей благочестие не уменьшается и слово проповеди не угасает, а еще более возрастает, узнал из самых дел и сам и все служащие ему такими гонениями, что наши дела не человеческие, но основа учения имеет корень свыше, с

небес, что сам Бог везде управляет Церквами и что воюющий с Богом никогда не может остаться победителем. И не одно только это зло делал диавол, но и другое не меньшее этого: он не позволял умерщвлять епископов в тех городах, в которых они предстоятельствовали, но убивал их, уводя в чужую страну; а делал он это и как попытку уловить их, лишенных необходимого, так и в надежде ослабить их трудностью пути, что сделал он и с этим блаженным мужем. Он вызвал его из нашего города в Рим, назначая ему длиннейшие, двойные расстояния для бега, надеясь и длиной пути и множеством дней низвергнуть мужество его, но не зная того, что он имел сотрудником и спутником своим в таком путешествии Иисуса, и потому становился еще более сильным, представлял большие доказательства присущей ему силы и больше скреплял Церкви. Попутные города, стекаясь со всех сторон, ободряли подвижника, и провожали его с великим запасом для пути, подвизаясь вместе с ним молитвами и молениями. И сами они получали не малое утешение, видя мученика идущим на смерть с такой готовностью, с какой естественно было идти призываемому в Царские Небесные чертоги. Из мужественной ревности и светлого взора его они самым делом убеждались, что то, на что он шел, было не смерть, но некоторое отшествие, переселение и восхождение на небо. Этому научал он и словами и делами все города, какие проходил. И что случилось с иудеями, когда они, связав Павла и отослав его в Рим, думали, что посылают его на смерть, а между тем послали учителем для живших там иудеев, то же самое было и с Игнатием, и притом с избытком. Он прошел дивным учителем не только для жителей Рима, но и для всех городов, лежащих на пути, убеждая презирать настоящую жизнь, ни во что вменять видимое, любить будущее, взирать на небо и не смущаться никакими бедствиями настоящей жизни. Научая их этому и большему этого самыми делами, он совершал путь, как какое-либо солнце, восходящее с востока и текущее на запад, или – лучше сказать – даже светлее его, потому что солнце шествует вверху, изливая чувственный свет, а Игнатий сиял прямо внизу, изливая в души мысленный свет учения, и солнце, склоняясь в

страны западные, скрывается и тотчас производит ночь, а этот муж, удалившись в западные страны, воссиял оттуда еще светлее; оказал даже на пути всем величайшие благодеяния, когда же вступил в город (Рим), то и его научил любомудрию. Для того Бог и попустил ему там окончить жизнь, чтобы кончина его стала уроком благочестия для всех, живущих в Риме. Вы, по благодати Божией, не нуждались более ни в каком доказательстве, уже укоренившись в вере; а жители Рима, где великое тогда было нечестие, имели нужду в большей помощи. Посему и Петр, и Павел, и после них этот муж, все там принесены были в жертву, как для того, чтобы этот город, оскверненный кровью идолов, очистить собственной кровью, так и для того, чтобы самым делом представить доказательство Воскресения распятого Христа, убедив жителей Рима, что они не презирали бы настоящей жизни с таким удовольствием, если бы не были сами вполне убеждены, что они взойдут к распятому Иисусу и увидят Его на небесах. Сильнейшим поистине доказательством воскресения служит то, что Христос умерщвленный явил после смерти такую силу, что живых людей убедил презирать и отечество, и дом, и друзей, и родных, и самую жизнь ради исповедания Его, и настоящим удовольствиям предпочитать бичевания, опасности и смерть. Такие подвиги свойственны не мертвецу и не оставшемуся во гробе, но воскресшему и живому. Иначе как объяснить то, что при жизни Его все апостолы, обращавшиеся с Ним, от страха оказались слабыми, предали учителя и разбежались; а когда Он умер, то не только Петр и Павел, но и Игнатий, не выдавший Его и не насладившийся общением с Ним, показали такую ревность по Нем, что предали за Него самую душу?

5. Итак, чтобы все жители Рима на деле убедились в этом, Бог попустил святому там окончить жизнь; а что именно по такой причине, это я удостоверю самым способом его кончины. Он принял обвинительный приговор не вне городских стен, в овраге, или в темнице, или в каком-нибудь углу, но среди театра, в присутствии всего города, претерпел мученичество от выпущенных на него зверей, чтобы, перед глазами всех воздвигнув трофей победы над диаволом, сделать всех

зрителей подражателями своих подвигов, не только умирая столь мужественно, но и умирая с радостью. Он так радостно смотрел на диких зверей, как будто не насильственно должен был расстаться с жизнью, но призывался в жизнь лучшую, духовнейшую. Откуда это видно? Из слов, которые он произнес, приготавливаясь к смерти. Услышав, что его ожидает такой род казни, он сказал: желал бы я получить пользу от этих зверей! Таковы любящие: они с радостью принимают все, что ни терпят за любимых, и тем более считают удовлетворенным свое желание, чем мучительнее их страдания, как случилось и с ним. Он старался подражать апостолам не только смертью, но и готовностью к смерти. Слыша, что они, приняв бичевание, возвращались с радостью, и он хотел не только кончиной, но и радостью своей подражать учителям, – потому и говорил: желал бы я получить пользу от зверей! Уста зверей он считал гораздо более кроткими, нежели язык мучителя, и весьма справедливо, потому что этот призывал к геенне, а уста тех препровождали к царству. Затем, когда окончил он там жизнь свою, или – вернее – возшел на небо, он возвратился увенчанным. И это было делом Промысла Божия, что Он опять возвратил его к нам и разделил мученика между городами. Рим принял текущую кровь его, а вы почтены его останками; вы наслаждались его епископством, а те насладились его мученичеством; они видели его подвизающимся, побеждающим и увенчиваемым, а вы постоянно имеете его с собой; на малое время Бог отлучил его от вас, и даровал его вам с большей славой. Как взявшие займы деньги отдадут с лихвой то, что получили, так и Бог, взяв от вас на малое время это драгоценное сокровище и показав его тому городу, отдал его вам с большим блеском. Вы отпустили епископа – и приняли мученика; отпустили с молитвами – и приняли с венцами; и не вы одни только, но и все лежащие на пути города. С какими чувствами, думаете, они взирали на эти возвращающиеся останки? Какое они получали удовольствие? Как радовались? Какими похвалами со всех сторон осыпали увенчанного победителя? Как храброго атлета, победившего всех своих противников и с блестящей славой вышедшего с места борьбы, зрители тотчас принимают и не

дают ему даже ступить на землю, но несут его домой на руках своих, осыпая бесчисленными похвалами, – так точно и этого святого города, начиная от Рима, преемственно принимали тогда и несли на раменах своих до здешнего города, восхваляя увенчанного победителя, прославляя Судию борьбы, смеясь над дьяволом за то, что его хитрость получила противоположное окончание, и что он думал делать против мученика, то становилось в пользу ему. Тогда мученик доставил пользу и утверждение всем тем городам, а с того времени до настоящего дня он обогащает ваш город; и как постоянное сокровище, каждый день разделяемое и неоскудевающее, обогащает всех, заимствующих от него, так точно и блаженный Игнатий приходящих к нему отпускает домой, исполняя благословений, дерзновения, бодрости и великого мужества.

Итак, не сегодня только, но и каждый день будем приходить к нему для получения от него духовных плодов. Может, поистине может приходящий сюда с верой получить великие блага, потому что не только тела, но и самые гробницы святых исполнены духовной благодати. Если при Елисее случилось, что мертвый, прикоснувшись только к гробнице его, расторг узы смерти и снова возвратился к жизни, то гораздо более ныне, когда благодать обильнее, когда действие Духа сильнее, прикасающийся к этой гробнице с верой может получить от нее великую силу. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых, желая привести нас к одинаковой с ними ревности и дать нам надежное прибежище и утешение в бедствиях, постоянно постигающих нас. Итак, убеждаю всех вас, находится ли кто в унынии, или в болезнях, или в скорбях, или в каком-нибудь другом житейском несчастье, или в глубине грехов, пусть с верой приходит сюда, и он избавится от всего этого, и возвратится с великой радостью, получив облегчение совести от одного созерцания; или – лучше – не одним только находящимся в несчастьях необходимо приходить сюда, но хотя бы кто находился в радости, в славе, во власти, или имел великое дерзновение перед Богом, и тот пусть не пренебрегает этой пользой. Он, пришедши сюда и увидев этого святого, сделает свои блага непоколебимыми, воспоминанием об его

подвигах научив душу свою умерять себя и не допустив совести своей превозноситься своими делами. А не малое дело для находящихся в счастье – не гордиться своим благоденствием, но уметь скромно пользоваться счастьем. Таким образом для всех это сокровище полезно, это прибежище благопотребно, – для падших, чтобы им избавиться от искушений, для благоденствующих, чтобы блага их остались прочными, для недужных, чтобы им возвратить себе здоровье, и для здоровых, чтобы им не впасть в болезнь. Помышляя о всем этом, будем предпочитать пребывание здесь всякой радости и всякому удовольствию, чтобы и радуясь и вместе получая пользу, мы возмогли и там сделаться сожителями и сообщниками этим святым, молитвами самих святых, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Похвальная беседа о святых мучениках Иувентине и Максимине^{*12}, пострадавших при Юлиане Отступнике

Попытки Юлиана истреблять христианство, не воздвигая открытого гонения, которое лишь укрепляет христиан. Выражение свв. мучениками скорби о таком положении христианства, заключение в темницу за это, собрания христиан там, безуспешные попытки соблазнить их наградами к отречению от Христа, тайная казнь их ночью и погребение христианами. Заключительная похвала мученикам.

1. Недавно собирал нас здесь блаженный Вавила с тремя отроками⁷, сегодня двоица святых воинов поставила в строй воинство Христово; тогда четверица мучеников, а теперь двоица мучеников. Различен их возраст, но одна вера; не одинаковы подвиги, но то же самое мужество; те древни по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница Церкви: в ней есть и новые, и старые жемчужины, но одна красота у всех. Не увядает цвет их, не пропадает от времени; этот блеск по свойству своему не допускает ржавчины старости. Вещественное богатство проходит и уступает продолжительности времени: и одежды изнашиваются, и дома разрушаются, и золото ржавеет, и всякого рода чувственное богатство истребляется временем и пропадает; в сокровищах же духовных – не так, но всегда и во всем мученики остаются в одинаковом цвете и юности, сияя и блистая славой собственного света. Зная это, и вы не почитаете иначе древних и иначе новых мучеников, но всех их почитаете и принимаете с одинаковым усердием, с одинаковой любовью, с одинаковым расположением. Вы не время исследуете, но ищете мужества, благочестия душевного, веры непоколебимой, ревности окрыленной и горячей, такой, какую показали собравшие нас сегодня. Они так кипели любовью к Богу, что возмogli без гонения украситься венцом мученичества, без сражения поставить трофей, без войны одержать победу, без борьбы

получить награду; а как это, я скажу; но позвольте мне начать рассказ немного выше.

Был в нашем веке один царь, превзошедший нечестием всех бывших прежде, о котором и я недавно беседовал с вами. Этот царь, видя, что обстоятельства наши становятся блистательными от этого, т. е. от смерти мучеников, и что не только мужи, но и нежные дети и незнавшие брака девы, и вообще всякий возраст и каждый пол стремятся на смерть за благочестие, терзался и досадовал, и не хотел открыто провозгласить войну. «Все, – говорил он, – как пчелы на сот, полетят на мученичество»; и это узнал он не от другого кого-нибудь, но от своих предков. В самом деле, и властители воевали против Церкви, и народы непрестанно восставали, когда еще мала была искра благочестия; однако они не погасили ее и не погубили, но сами они погибли, – а искра та, увеличиваясь, поднялась на высоту и объяла всю вселенную, тогда как все верные были убиваемы, сожигаемы, низвергаемы с утесов, потопляемы в море, отдаваемы диким зверям. Они попирали угли, как грязь, на моря и волны смотрели, как на луга, стремились к мечу, как к диадеме и венцу, и посрамляли всякого рода мучения, перенося их не только мужественно, но и с великой радостью и охотой. Как растения скорее растут, будучи орошаемы, так и вера наша, подвергаясь нападениям, более цветет, и, испытывая гонения, более умножается, и не столько водная влага обыкновенно делает сады цветущими, сколько кровь мучеников напояет Церкви. Зная все это и больше этого, тот царь боялся открыто поднять на нас войну, чтобы, говорил он, не доставить им возможности воздвигать постоянно трофеи, одерживать непрестанно победы и украшаться венцами. Что же он делает? Посмотрите на его коварство. Всем врачам, и воинам, и софистам, и риторам он повелел или отказаться от своих должностей или с клятвой отречься от веры, издали таким образом направляя против нас войну, чтобы, если они уступят, поражение их было достойно смеха, из-за того, что они не предпочли благочестия богатству, а если мужественно устоят и преодолеют, то победа не была бы совершенно блистательной, и трофеем не был славен, так как не

великое дело – пренебречь искусство и ремесло для благочестия. И на этом одном он не останавливается; но если кто в прежние времена, когда были благочестивые цари, или ниспровергал жертвенники, или разрушал капища, или брал жертвы, или сделал что-нибудь подобное, то был он привлекаем в судилище и убиваем, и не только сделавший что-нибудь подобное, но и только обвиненный в этом. Множество и других разнообразных предлогов придумывал он, чтобы погубить всех, живущих в благочестии. И все это он делал, желая помрачить венец мученичества, чтобы убийства у него продолжались, и умерщвления совершались, а награды мучеников не являлись блистательными. Но в этом он не имел никакого успеха, потому что пострадавшие имеют получить венец, во всяком случае, не по его приговору и не от его злобы, а по суду неподкупному, т. е. вышнему.

2. Итак, когда дела находились в таком положении, а царь тот мучился желанием начать войну против нас и боялся поражения, – тогда случилось быть воинскому пиршеству, в котором участвовали собравшие нас сегодня мученики, и, как обыкновенно бывает на пиршествах, между множеством разговоров, когда другие говорили об ином, они стали оплакивать настоящие бедствия, ублажали прежнее время и говорили между собой и присутствовавшим: стоит ли вообще жить после этого, дышать и смотреть на это солнце, когда попираются священные законы, благочестие подвергается оскорблениям, общий Владыка твари терпит бесчестие, когда все наполнилось смрадом и дымом от нечистых жертв, и мы даже не можем дышать чистым воздухом? Не пропусти ты у меня этих слов без внимания, но представь, в какое время они были сказаны, посмотри и на благоговение говоривших. Если на воинском пиршестве, где бывает цельное вино, пьянство, соревнование в крайнем пресыщении и состязание в невоздержании и беспутстве, они так вздыхали и так плакали, то каковы они были дома, находясь одни между собой? Каковы были во время молитв те, которые в самое время пиршества так сокрушались и являли сердца апостольские? Другие падали, а они плакали; иной безбожничал, а они пламенели;

они не чувствовали собственного здоровья по причине болезни братьев, но, как бы назначенные общими предстателями вселенной, так скорбели и плакали о постигавших ее бедствиях. Эти слова их не остались втайне; но один из участвовавших в этой трапезе, коварный и льстивый, желая угодить царю, пересказал ему все, что было говорено. Он же, найдя то, чего давно искал, и ухватившись за предлог, по которому можно было лишить их мученических наград, приказывает взять в казну все их имущество, обвиняя в преступлении за такие речи, и повелел отвести их обнаженными в темницу. А они радовались и величались. К чему нам, говорили они, богатство и драгоценная одежда? Даже, если бы нужно было для Христа снять и последнюю одежду – самую плоть, то и ее мы не пожалеем, но отдадим и ее. Дома их затем были запечатаны, и все имущество их разграблено. Как люди, намеревающиеся отправиться в далекое отечество, часто посылают вперед деньги, вырученные за дом свой, так точно случилось и с ними. Так как они имели отойти на небо, то наперед отправлено было их имущество, и сами враги содействовали этой отправке, потому что не только в виде милостыни раздаваемое богатство переходит на небо, но и то, которое расхищают враги веры и гонители живущих в благочестии, и оно собирается там же. А что последнее не меньше первого, послушай, что говорит Павел: *«и расхищение имения вашего приняли с радостью, зная, что есть у вас на небесах имущество лучшее и непреходящее»* (Евр.10:34). Итак, мученики были в темнице, и весь город стекался туда. Хотя ужасы, угрозы и великие опасности предстояли тому, кто пришел бы и беседовал и сообщался с ними в речах, но страх Божий отклонял все это, и многие тогда ради них сделались мучениками за общение с ними, презирая настоящую жизнь; при стечении множества людей там совершались постоянные псалмопения, священные всенощные бдения, собеседования, исполненные духовного назидания; и когда закрыта была церковь, тогда темница сделалась церковью. Не только приходившие отвне, но и пребывавшие внутри получали величайшие уроки добродетели и целомудрия от терпения и веры этих святых. Услышав об этом, царь еще

более мучился, и, желая довести их до падения и истребить это усердие, подослал к ним с злым умыслом некоторых нечестивых и хитрых людей, которые, сидя часто с ними, когда заставляли их одних, и предлагая советы как бы от самих себя, а не по поручению царя, убеждали их оставить благочестие и перейти к нечестию; таким образом, говорили они, вы не только отстраните угрожающую вам опасность, но и получите большую честь и большую власть, укротив так гнев царя; не видите ли, что и другие товарищи ваши сделали то же самое? Но они отвечали: по этому самому мы и будем стоять мужественно, чтобы принести самих себя, как бы в жертву, за падение тех. Человеколюбив у нас Владыка: Он умеет, приняв и одну жертву, примиряться со всей вселенной. И как три отрока говорили: *«и нет у нас в настоящее время ни князя, ни пророка, ни вождя, ни всеожжения, ни жертвы, ... ни места, чтобы нам принести жертву Тебе и обрести милость но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты»* (Дан.3:38–39), так и эти мученики, видя алтари разрушаемыми, церкви запираемыми, священников изгоняемыми, всех верных гонимыми, старались принести себя Господу за всех, и, оставив воинские ряды, спешили присоединиться к ликам ангельским. Если мы, говорили они, и не умрем теперь, то непременно умрем немного позднее и испытаем то же самое; лучше же умереть за Царя ангелов, нежели за человека столь нечестивого; лучше поднять оружие за отечество вышнее, нежели за нижнее и ногами попираемое; здесь, если кто и умрет, не получит от царя ничего достойного своего усердия: ведь что человек может дать уже умершему? Часто, даже не удостоивши и погребения, его оставляют лежать на добычу псам. А если мы умрем за Царя ангелов, то получим тела с большею славою, восстанем с великим блеском и получим гораздо большие трудов воздаяния и венцы. Итак, возьмем духовное оружие; не нужно нам стрел и луков, не нужно никакого другого чувственного оружия; на все достаточно нам языка. Подлинно, уста святых суть колчан, ими постоянно одни за другими наносятся удары в голову диавола.

3. Это и подобное этому было донесено царю; но он не отставал, а принимался вновь предлагать через тех

обольщения. Так действовал этот хитрый, коварный и умный на злое дело человек для того, чтобы, если мученики, ослабев, покорятся, вывести их перед глазами всех и заставить наконец принести жертву; а если они неизменно будут проявлять твердое мужество и доблестно устоят в борьбе, то победа их не была бы видима, а обвинил бы он их и казнил как будто за преступление. Но Тот, Кто открывает глубокое и сокровенное, не попустил скрыться козням и остаться коварству невидимым. А как тогда жена египетская, схватившая Иосифа в своей комнате, в великой тишине надеялась укрыться от всех людей, но не укрылась от неусыпного ока, и не от него только, но и от людей, живших после, и что она говорила Иосифу без свидетелей, то возвещается по всей вселенной, – так точно и этот царь надеялся укрыться, говоря в темнице через подосланных советников, но не укрылся; напротив, все после узнали козни, коварство, победу и трофей. Когда именно потрачено было и протекло много времени, и множество дней не ослабило их ревности, но еще более укрепило их усердие и сделало очень многих подражателями их, царь наконец повелевает в полночь отвести их на место казни. И выведены были эти светильники среди мрака, и обезглавлены. Тогда головы их сделались еще более страшными для диавола, нежели когда они издавали голос, подобно голове Иоанна, которая была не так страшна, когда говорила, как тогда, когда безмолвно лежала на блюде, потому что и кровь святых имеет голос, не ушами слышимый, но охватывающий совесть убийц. После блаженной кончины мучеников те, которые, подвергая собственную жизнь опасности, стремятся к приобретению таких останков, унесли этих героев, и сделались сами живыми мучениками. Хотя они и не были обезглавлены, но они, наперед решившись потерпеть это, устремились на приобретение тел мучеников. Бывшие при этом и удостоившиеся видеть эти новоубиенные тела говорят, что, когда они перед погребением лежали друг подле друга, то на лицах их сияла такая благодать, какая, по словам Луки, была у Стефана, когда он имел защищаться перед иудеями (Деян.6:15), и не было никого, кто предстоял бы тогда перед ними без страха. Так самый вид поражал всех взиравших, и все

взывали словами Давида: «неразлучни, в животе своем, и в смерти своей не разлучишася» (2Цар.1:23). Они вместе и были исповедниками, и жили в темнице, и отведены на место казни, и сложили головы, и одна гробница содержит тела обоих, равно как и одна обитель примет опять эти тела на небесах, когда они будут восхищены с большей славой. Этих мучеников достойно назвать и столпами, и скалами, и башнями, и светильниками, и вместе тельцами. Как столпы, они поддерживают Церковь; как башни, ограждают ее; как скалы, отражают всякое нападение, доставляя великую тишину находящимся внутри; как светильники, они отогнали тьму нечестия, и как тельцы, душой и телом с одинаковой ревностью влекли благое иго Христово. Будем же постоянно приходить к ним, прикасаться к гробнице их и с верой обнимать их останки, дабы получить отсюда некоторое благословение. Как воины, указывая на раны, полученные ими от врагов, с дерзновением беседуют с царем, – так и они, неся на руках отсеченные головы свои и выставляя их на вид, легко могут получить все, чего ни пожелают, от Царя Небесного. Итак, с великой верой, с великим усердием будем приходить туда, чтобы и от вида этих святых памятников, и от мысли о подвигах, и от всего получив много великих сокровищ, могли мы и настоящую жизнь провести согласно с волей Божией, и в ту пристань прибыть с великой прибылью, получить Царство Небесное, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, держава, честь и поклонение, во веки веков. Аминь.

**Похвальная беседа о св. мученице
Пелагии, что в Антиохии^{*13}**

Беседа первая

Мужество мучеников – следствие пришествия Христа. Св. Пелагия, для сохранения девства, добровольной смертью спаслась от схвативших ее для представления в суд воинов. Мужество ее в этом, божественная помощь ей, посрамление гонителей, слава мученицы по смерти. Увещание подражать мученице, презревшей ради Христа жизнь, воздержанием от удовольствий жизни. Должно удерживать собратий от беспорядочного проведения времени, а самим полезно, возвращаясь из храма, вспоминать подвиги мученицы.

1. Благословен Бог: вот и жены уже забавляются смертью, и отроковицы посмеваются кончине, и девы весьма юные и незнавшие брака прыгают на самое жало ада и не терпят никакого вреда. Все эти блага получили мы ради Христа, родившегося от Девы; после того блаженного зачатия и поразительнейшего рождения расслабла смерть, сокрушилась сила диавола и сделалась наконец презренной не только для мужей, но и для жен, и не для жен только, но и для отроковиц. Как ловкий пастух, поймав льва, который пугал его скот и вредил всему стаду, выбив у него зубы, обрезав когти и обстригши гриву, делает его презренным и смешным и наконец отдает его для забавы пастушеским детям и отроковицам, – так точно и Христос, уловив смерть, которая была страшна для нашего естества и пугала весь род наш, и рассеяв весь этот страх, отдал ее в забаву даже девам. Посему и блаженная Пелагия устремилась на нее с такой радостью, что не дожидалась и рук палачей, не вошла и в судилище, но преизбытком собственной ревности предупредила их жестокость. Она была готова и к мучениям, и к пыткам, и ко всякого рода наказаниям, но боялась, чтобы не потерять венца девства. И чтобы ты знал, что она боялась наглости нечестивых, для того она и предупреждает их и предвосхищает себя от постыдного оскорбления. Из мужей никто никогда не решался на что-либо подобное, но все они следовали в судилище и там показывали свое мужество; а жены, по природе более

доступные оскорблениям, придумали для себя такой род кончины. Если бы можно было и сохранить девство и получить венцы мученичества, то она не отказалась бы идти в судилище; но так как там она непременно лишилась бы того или другого, то она почла крайним неразумием умереть увенчанной только в половину, тогда как ей возможно было одержать обе победы. Посему она и не хотела уйти в судилище, чтобы не сделаться зрелищем для наглых взоров, чтобы не позволить бесстыдным взглядам насладиться созерцанием ее лица и поругаться над святым ее телом, но из внутренней комнаты и женского терема пошла в другую комнату – на небо. Великое дело – видеть палачей, стоящих вокруг и терзающих ребра; но и это не меньше того. Когда чувство уже притупилось от разнообразных мучений, то и смерть кажется уже не страшной, но некоторым освобождением и отдохновением от налегающих бедствий; а для той, которая еще не испытала ничего подобного, имеет тело еще неповрежденное и еще не чувствует никакой боли, нужно много решимости и мужества, чтобы насильственной смертью лишиться себя настоящей жизни. Таким образом, если ты удивляешься терпению тех, то подивись и ее мужеству; и если ты изумляешься выносливости тех, то изумись и ее отваге, что она решилась на такую смерть. Не без внимания прослушай случившееся, но представь, в каком расположении духа была нежная отроковица, не знавшая ничего кроме своей комнаты, когда вдруг прибыли воины, стали у дверей, зовут ее в судилище, влекут на площадь для таких и столь важных дел. Не было там с ней ни отца, ни матери, ни кормилицы, ни служанки, ни соседки, ни подруги; но она одна была захвачена в среду тех палачей. Не достойно ли восторга и изумления, что она имела силы выйти и отвечать этим палачам воинам, открыть уста, произнести слово, смотреть, стоять и дышать? Это было делом не человеческой природы, большую часть внесло мановение Божие. Впрочем, и сама она не оставалась праздною, но оказала все и с своей стороны: готовность, присутствие духа, мужество, желание, решимость, поспешность, ревность; а что все это пришло к концу, это зависело от Божией помощи и высшего благоволения, так что следует и удивляться ей и

ублажать ее: ублажать за Божие содействие, а удивляться за собственную ее готовность. Кто по справедливости не удивится, услышав, что она в одно мгновение времени и задумала такое намерение, и решилась на него, и привела в исполнение? Вы все, конечно, знаете, как часто мы, задумав что-нибудь за долгое время, когда наступит время нашего испытания и малый страх обнимет нашу душу, теряем все свои мысли, вдруг испугавшись подвига. А она в одно мгновение времени была в состоянии и предпринять такое страшное и ужасное намерение, и постановить решение, и исполнить самым делом, и ни страх перед присутствующими, ни краткость времени, ни беспомощность преследуемой, ни одиночество ее в доме, и ничто другое подобное не смутило этой блаженной; но как бы в присутствии каких-либо друзей и знакомых, она делала все без боязни. И вполне справедливо, потому что она не одна была в доме, но имела советником своим Иисуса. Он был при ней, Он касался ее сердца, Он ободрял ее душу, Он один прогонял страх. Впрочем, Он делал это не без причины, но потому, что сама мученица предварительно сделала себя достойной Его помощи.

2. Итак вышедши, она попросила у воинов позволения опять войти и переодеться; и вошедши, переоделась, облекшись в нетление вместо тления, в бессмертие вместо смерти, в жизнь бесконечную вместо жизни временной. Кроме вышесказанного я удивляюсь и тому, как воины дали это позволение, как жена обманула мужей, как они не заподозрили ничего из имевшего случиться, как они не поняли обмана. Нельзя же сказать, чтобы никто не делал ничего подобного; напротив, вероятно, многие и разбивались о скалы, и бросались в море, и пронзали себе грудь мечом, и надевали себе петлю, и многими подобными действиями изобиловало то время; но Бог ослепил сердце их, так что они не поняли обмана. Посему она и вырвалась из сетей; как лань, попавшая прямо в руки ловчих и потом убежавшая от них на неприступную вершину горы, куда не достигают ни ноги ловчих, ни пущенные стрелы, наконец останавливается на бегу и безбоязненно смотрит на тех, которые прежде преследовали ее, – так точно и эта мученица,

попав в самые руки ловчих и быв захвачена в стенах, как бы в сетях, взбежала не на вершину горы, но на вершину самого неба, куда наконец им уже невозможно было придти. Потом, взирая оттуда на них, возвращающихся с пустыми руками, она радовалась, видя великий позор, причиненный неверным. Подлинно, представь, что это было такое: судья сидел, палачи стояли перед ним, пытки были приготовлены, весь народ собрался, дожидали воинов, все услаждались удовольствием, надеясь получить добычу, а ушедшие для этого возвращаются назад с поникшими взорами и рассказывают о случившемся происшествии. Какой стыд, какая досада, какой срам естественно объяли всех неверных! Как удалялись они с поникшими взорами, пристыженные, научившись самым делом, что война у них была не на людей, а на Бога! Когда Иосифа хотела обольстить госпожа его, то он, оставив тогда у этой варварской женщины одежду свою, схваченную нечестивыми руками, вышел нагим; а эта мученица не позволила даже, чтобы тело ее было схвачено нагими руками, но вознесшись обнаженной душой и оставив святую плоть свою у врагов, привела их в великое затруднение, – и они не знали, что делать затем с ее останками. Таковы славные дела Божии: рабов Своих Он изводит из затруднительных обстоятельств в великое благоустройство, а врагов Своих и противников, хотя бы они по видимому находились в благоприятных обстоятельствах, приводит в крайнее затруднение. Что может быть хуже того затруднения, в которое попала тогда эта отроковица? И что лучше того удобства, в котором находились тогда воины? Они захватили ее одну, заключенную в доме как бы в темнице, и однако ушли, не получив добычи. С другой стороны отроковица была лишена помощников и защитников, не видела ниоткуда никакого выхода из бедственного положения, находилась уже близ пасти тех диких зверей, и, можно сказать, вырвавшись из самой глотки их, избегла козней и победила воинов, судей, начальников. Пока она была жива, то они все надеялись преодолеть ее; а когда скончалась, то они попали в великое затруднение, показавшее им, что смерть мучеников есть победа мучеников. И случилось то же самое, как если бы большой

грузовой корабль, наполненный драгоценными камнями, подвергшись нападению опасной волны, угрожавшей залить его и потопить при самом устье гавани, ускользнул из под самого напора воды и, получив с тем вместе толчок, с большей скоростью вошел бы в пристань. Так точно и блаженная Пелагия. Прибытие воинов, страх ожидаемых пыток, угроза судьи, напав на нее сильнее всякой волны, побудили ее с большой скоростью взлететь на небо; и та волна, которая имела затопить корабль, привела его в безмятежную пристань; и упало затем вниз это тело, светлейшее всякой молнии, поражая взоры дьявола. И подлинно, не так бывает страшна для нас молния, низвергающаяся с небес, как тело мученицы ужаснее всякой молнии устрашало полки демонов.

3. А дабы убедиться, что это совершилось не без божественной помощи, это особенно ясно из самой силы решимости, также из того, что воины не поняли обмана и дали позволение, и из того, что дело пришло к концу; но не меньше сказанного можно понять это и из самого образа кончины. Многие, упавши с высокой кровли, не терпели никакого вреда; другие же, повредив некоторые члены тела, жили опять долгое время после падения; а с этой блаженной Бог не попустил случиться ничему подобному, но повелел душе тотчас оставить тело, приняв ее, как уже довольно подвизавшуюся и совершившую все. Смерть ее была следствием не естественного падения, а повеления Божия. Потом это тело лежало не на ложе, а на земле; но, лежа на земле, оно не стало бесчестным, а напротив самая земля сделалась достопочитаемой, потому что приняла тело, облеченное такой славой. Таким образом от самого этого лежания на земле это тело было более всего достопочтенным, – потому что поругания за Христа доставляют нам увеличение чести. Итак, это девственное и чистейшее всякого золота тело лежало на земле, в тесном месте; но ангелы окружали его, и все архангелы почитали, и Христос был при нем. Если господа сопровождают более достойных рабов своих умерших, и не стыдятся, – то тем более Христос не постыдится почтить Своим присутствием ту, которая за Него положила свою душу, и подверглась такой

опасности. Так она лежала, имея великий погребальный покров – мученичество, украшаясь красотой исповедания, облекшись одеждой, драгоценнейшей всякой царской багряницы, всякой драгоценной порфиры, и притом двойкой одеждой – девства и мученичества; с этими покровами она предстанет и к престолу Христову. Будем же и мы стараться и при жизни и по смерти облекаться в подобную одежду, зная, что иной украсивший свое тело золотыми одеждami не получает никакой пользы, но еще навлекает на себя осуждение многих, как не оставивший тщеславия и при смерти; а того, кто облек себя добродетелью, многие будут хвалить и после смерти. Славнее самых палат царских будет у всех тот гроб, где лежит тело, жившее в благочестии и добродетели. И свидетели этому вы, пробегающие мимо гробниц богачей, хотя бы и с золотыми одеждami, как мимо пещер, а к этой святой прибегающие с усердием потому, что эта мученица отошла, облекши себя вместо золотых одежд мученичеством, исповеданием и девством. Будем же подражать ей по силе нашей: она презрела жизнь, будем и мы презирать удовольствия, посмеемся роскоши, оставим пьянство, убежим объядения. Не без причины я говорю это теперь, но потому, что вижу, как многие, по окончании этого духовного зрелища, бегут на пьянство и объядение, к трапезам в гостиницах и на прочее бесчинство. Посему прошу и умоляю – всегда иметь в памяти и уме эту святую, не срамить торжества и не терять дерзновения, приобретаемого нами от этого праздника. Не напрасно и беседа с язычниками, мы хвалимся множеством собирающихся на праздник, пристыжая их и говоря, что одна умершая отроковица ежегодно привлекает к себе целый город и столько народа, и что спустя столь много лет никакое время не прекратило торжества в честь ее; но если они узнают, что делается на этом празднике, то мы утратим большую часть похвал. Это множество, присутствующее ныне, если соберется с благопристойностью, составит для нас величайшее украшение; а если с небрежностью и великой рассеянностью, то – позор и обвинение.

4. Итак, чтобы нам похвалиться множеством вашей любви, будем возвращаться домой с такою благопристойностью, с какой следует возвращаться бывшим вместе с такой мученицей. А кто не так возвратится домой, тот не только не получил никакой пользы, но еще навлек на себя величайшую опасность. Знаю, что вы свободны от этих болезней, но этого недостаточно для вашего оправдания, а нужно и братьев бесчинствующих обращать к величайшему благочинию и приводить в приличный вид. Ты почтил мученицу своим присутствием? Почти же ее и исправлением сочленов твоих; если ты заметил неуместный смех, неприличное беганье, нескромную походку и ненадлежащий вид, то подойди к делающим это и посмотри на них строго и гневно. Но они не обратят внимания и засмеются еще больше? Возьми с собой двух, или трех, или и более братьев, чтобы самое множество ваше внушало уважение. Если же и так ты не проймешь их безумия, то объяви о них священникам; а впрочем быть не может, чтобы они дошли до такого бесстыдства, что и после порицаний и увещаний не послушаются, не постыдятся и не прекратят неуместного и ребяческого ликования. Если ты приобретешь хотя десять человек, хотя трех, хотя двух, хотя только одного, то придешь получив великую прибыль. Путь весьма длинен; воспользуемся же длиной его для того, чтобы возобновить в памяти сказанное; наполним многолюдный путь ароматами. Подлинно, не столь прекрасным показался бы этот путь, если бы кто-нибудь, разложив по всему нему кадила, наполнил воздух благовонием, сколь прекрасным покажется он теперь, если все, идущие по нему сегодня, пойдут домой, рассказывая друг другу подвиги мученицы, и каждый сделает язык свой кадила. Не видите ли вы, когда царь вступает в город, с каким благочинием с обеих сторон стройно идут вооруженные воины, внушая друг другу идти тихо и с большим страхом, чтобы зрителям стоило посмотреть на них? Будем и мы подражать им, потому что и мы предшествуем Царю, Царю не видимому, не земному, но Владыке ангелов. Так станем входить и мы благочинно, внушая друг другу идти стройно и в порядке, чтобы нам приводить зрителей в изумление не многочисленностью

только, но и порядком. Даже если бы и не было никого другого, но мы одни только шли по пути, и тогда не следовало бы бесчинствовать, ради неусыпающего Ока, везде присутствующего и все видящего; но теперь представьте, что среди нас замешалось много еретиков, и если они увидят, что мы так ликуем, смеемся, кричим, пьянствуем, то уйдут, крайне осудив нас. Если же соблазняющий одного подвергается неизбежному наказанию, то мы, соблазня столь многих, какому подвергнемся наказанию? Впрочем, не дай Бог, чтобы, после этих слов и такого увещания, кто-нибудь нашелся виновным в вышесказанном. Если и прежде такие дерзкие поступки были неизвинительны, то после таких советов и обличения они делают наказание гораздо более неизбежным и для тех, которые совершают их, и для тех, которые равнодушно смотрят на совершаемое. Итак, чтобы вам и тех избавить от наказания, и самим приобрести большую награду, примите на себя попечение о наших братьях, расположите их припоминать и повторять сказанное, чтобы, занявшись этим во время пути, а также и дома оставшимся и оставленным принесши остатки этой трапезы, составить и там светлое пиршество. Таким образом мы и больше насладимся этим праздником, и приобретем себе большее благоволение святой мученицы, почитая ее истинным почитанием. Ей гораздо больше удовольствия доставит, когда мы уйдем отсюда с плодами и некоторой духовной пользой, нежели когда мы придем сюда и будем бесчинствовать. Молитвами этой святой и подвизавшихся подобно ей, да сподобитесь вы помнить в точности и это и прочее сказанное, и, показав все на деле, постоянно благоугождать во всем Богу, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа вторая⁸

Посрамление диавола отроковицей, захваченной уже воинами, но смертью спасшейся от поругания. Вера и мужество мученицы разрушили коварство диавола. Увещание к воздержанию от страстей.

Большого, конечно, собрания достойна была бы святая дева Пелагия; велики были подвиги этой девы, и требуют потому более многочисленного собрания зрителей. Но для ней довольно Христа, Который, и один присутствуя, украшает праздник и торжество этой девы больше всякого украшения, потому что, где присутствует Христос, там находится лик всех ангелов. Правда, и все мученики показали, что тела их крепче мучений, и потому сделали из себя некоторое великое зрелище борьбы против диавола, преодолев самым телом бестелесных духов, и представив плоть свою твердо сопротивлявшейся железу; но когда я вижу, как и самые отроковицы жаждут умереть за распятого Христа, тогда еще более смеюсь над безумием диавола, который, придумав себе множество мест для оракулов, как будто он станет предсказывать в них будущее, не мог предвидеть и предсказать то, какое посрамление, достойное всякого смеха, потерпит он сегодня. В самом деле, что можно привести смешнее того, что ныне потерпел диавол? Он уловил в сеть деву, и однако не получил самой добычи; схватил отроковицу, и не мог удержать ее, как будто схватил тень, а не деву. Так как она соединяла в себе простоту голубя с мудростью змия, то хотя была захвачена, как простой голубь, однако убежала, как мудрый змий; быв захвачена, она не отчаивалась в победе; быв задержана по телу, не была пленена по духу или уму, но придумала некоторую хитрость, которою бы могла осмеять неразумие тех, кем была захвачена и оставить их изумленными. Что же это было? Отроковица притворно объявила, будто переменяла свое намерение, и чтобы это казалось вероятным, явила лице свое веселым, хотя поставлена была в опасности такого волнения и кораблекрушения. Воины, увлеченные этим вымыслом и

обманутые веселостью отроковицы, начали обращаться с ней человеколюбивее. Когда она попросила у них позволения отлучиться на столько времени, пока она наденет себе украшение, приличное невесте, то воины дали ей возможность идти, так как они думали, что этим они не только сделают приятное деве, но и самим судьей более будут похвалены, если приведут отроковицу в красивой одежде. Она же, получив возможность выполнить свое намерение, тотчас оделась в одежду, которая поистине прекрасна. Облекшись и укрепив себя душевным мужеством и великой надеждой воскресения, она побежала до самого верха кровли и оттуда бросилась вниз. Таким образом она совершила такого рода подвиг, который, как нечто великое, диавол осмелился некогда предложить самому Господу, когда сказал: *«если Ты Сын Божий, бросься вниз»* (Мф.4:6). Весьма изумляюсь я вере и величию души этой отроковицы. Чего не подумала бы тогда сама в себе другая дева? Она конечно сказала бы: я бросаюсь вниз с этого места, так как принуждена сделать это по тому самому, что боюсь позора. Похвально намерение, если только за падением этим последует смерть, потому что хотя бы враги и стали неистовствовать надо мной мертвой, я не буду чувствовать, и они сделают это без моего ведома. Но если члены упавшего на землю тела будут изломаны, а душа останется в членах, то, страдая и болезненно перенося телесное уродство, я однако и тогда буду приведена к судье и потерплю то, чего всегда боялась; предадут позору тело мое с поврежденными членами и отпустят меня обесчещенной, и таким образом я понесу двоякое бедствие, – повреждение телесных членов и лишение девства. Этого, конечно, достаточно было бы для того, чтобы смутить другую деву. А она была так уверена, как будто кто-нибудь ручался ей в окончании дела, и потому охотно поспешила броситься вниз. Итак ты, диавол, побежден мужеством и величием души юной девы. На то, что предлагал ты некогда самому Господу, вызвала тебя отроковица, Его служительница, и, добежав до вершины кровли, сама бросилась оттуда вниз; и хотя была вызвана судьей, но не повиновалась тебе, внушившему это, и не приняла коварной борьбы: знала

она твои хитрые замыслы, – что ты часто имеешь обыкновение призывать самих дев к судьям, как будто для получения наказаний, но после без борьбы с теми, которые пошли на борьбу, выбрасываешь их как еще более жалких пленников. Но если ты действительно вызываешь отроковицу на борьбу или на состязание, то сразись с ней теперь, когда она бросается с кровли, и удержи ее, падающую оттуда; осмелся стать против нее и выдержать борьбу; употреби хитрость, какую хочешь; пред тобой земля вместо поля сражения; вынимай теперь мечи свои, чтобы нанести смерть; подставь жестокие орудия убийства умерщвляемым людям; устрой погибель падающей отроковице. Да, она превзошла все твои тайные и коварные козни, как бессильнейшие, и, что еще больше, не просила у Бога и того, что написано: *«ангелом Своим заповесть о мне, Господи, да некогда преткну о камень ногу»* мою (Лк.4:10–11); но просила о том, чтобы после самого падения Он повелел душе выйти из тела. О, отроковица, по роду и полу женщина, а по духу мужчина! О, дева, которую должно восхвалять двумя названиями, как поставленную в сонме дев и в лице мучеников! О, отроковица, столь скромная, что не доставила невоздержному судье возможности насладиться даже самым видом твоим! Будем же и мы подражать скромности этой отроковицы и воздвигать трофеи победы против своих страстей; сокрушим нападение неумеренности и невоздержания и укрепим дух свой к сохранению благочестия; отклоним самых судей от искушений, а когда будет благовременно, покажем себя не дерзкими, но смелыми; наконец умертвим члены наши, которые на земле, дабы сам Господь сделал это смиренное тело наше таким и привел в такое состояние, чтобы сообщить ему вид собственного Его тела: Ему да будет слава и держава во веки. Аминь.

Похвальные слова о св. мученике Романе

Слово похвальное первое о святом мученике Романе⁹.

Общение между мучениками и всеми другими членами Церкви в силу любви, соединяющей всех. Сорадование труднее сострадания, оно уничтожает зависть. Любовь выше даже мученичества. Св. Роман соединял любовь с мученичеством; в жестокое гонение он ободряет и укрепляет христиан; диавол отсекает ему язык, чтобы верующие лишились его наставлений, а сам он не подтвердил бы увещаний своих смертью и мучился бы, не имея возможности подкреплять падающих, но Бог дарует мученику и без языка дар слова, как и всегда Он злоумышления диавола обращает в благодеяния для человека. Это чудо – доказательство возможности воскресения тела, подобно чуду с жезлом Аарона. Увещание к ревности о спасении, потому что Бог несомненно спасет, лишь бы люди исполнили, что с их стороны нужно для этого.

1. Опять память мучеников и опять праздник и духовное торжество. Они страдали, и мы радуемся; они подвизались, и мы веселимся; их – венец, и слава – общая, или – лучше – слава всей Церкви. Как же, скажешь, это может быть? Так, что мученики суть наши части и члены; но *«страдает ли один член, страдают с ним все члены; славится ли один член, с ним радуются все члены»* (1Кор.12:26). Венчается голова – и остальное тело веселится. Один делается победителем на Олимпийских играх – и весь народ радуется и принимает его с великой похвалой. Если же на Олимпийских играх получают такое удовольствие те, которые нисколько не участвовали в трудах, то тем более это может быть при подвижниках благочестия. Мы – ноги, а мученики – голова; но *«не может рещи голова ногам: не тебе ми есте»* (1Кор.12:21). Прославлены члены, но превосходство славы не отчуждает их от союза с остальными частями: тогда особенно они и славны, когда не отклоняются от союза с нами; так и глаз, будучи светлее всего остального тела, тогда сохраняет свойственную ему славу, когда не отделяется от остального тела. И что я

говоря о мучениках? Если Владыка их не устыдился быть нашей главой, то тем более они не стыдятся быть нашими членами, потому что в них вкоренена любовь, а любовь обыкновенно соединяет и связывает разделенное и не слишком разбирает достоинства. Поэтому как они сострадают нам в грехах наших, так мы радуемся с ними их подвигам. Так и Павел повелел делать, сказав: *«радуйтесь с радующимися и плачьте с плачущими»* (Рим.12:15). Но плакать с плачущими не трудно, а радоваться с радующимися не очень легко: мы легче сострадаем находящимся в несчастьях, нежели сорадуемся благоденствующим. Там самое свойство несчастья достаточно для того, чтобы подвинуть к состраданию и камень; а здесь, при благосостоянии, зависть и недоброжелательство не позволяют не очень любознательному быть участником в удовольствии. Подлинно, как любовь соединяет и связывает разделенное, так зависть разделяет соединенное. Поэтому, прошу, будем стараться сорадоваться благоденствующим, чтобы очистить свою душу от зависти и недоброжелательства, – ничто так не отгоняет эту тяжкую и трудноизлечимую болезнь, как сорадование живущим добродетельно. Послушай, как Павел высок в том и другом отношении: *«кто, – говорит он, – изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся»* (2Кор.11:29)? Не сказал: и я не печалюсь, но: и *«я не воспламенялся»*, желая словом **воспламеняться** представить нам напряженность своей скорби. И еще, в другом послании: *«вы стали царствовать без нас, – говорит, – о, если бы вы... царствовали, чтобы и нам с вами царствовать»* (1Кор.4:8)! И еще: *«теперь мы живы, когда вы стоите в Господе»* (1Фес.3:8). Смотри, как вождельно было для него благоденствие братьев: он даже не считал себя живущим, если они не спасаются.

Человек, восхищенный до третьего неба, вознесенный в рай, участвовавший в неизреченных тайнах и получивший такое дерзновение перед Богом, не очень чувствовал эти блага, если не видел и братьев спасающимися вместе с ним. Он знал, верно знал, что ничто не больше любви и не равно ей, даже самое мученичество, которое есть верховное из всех благ; а каким

образом, послушай. Любовь и без мученичества делает учениками Христа, а мученичество без любви не могло бы сделать этого. Откуда это видно? Из самых слов Христа; Он говорил ученикам: *«По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою»* (Ин.13:35). Вот, любовь без мученичества делает учениками. А что мученичество без любви не только не делает учениками, но и не приносит никакой пользы тому, кто терпит, послушай Павла, который говорит: *«если я... отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы»* (1Кор.13:3).

2. Потому особенно я люблю этого святого, собравшего нас сегодня, блаженного Романа, что вместе с мученичеством он явил великую любовь; поэтому и был отсечен ему святой язык. Подлинно, не излишне исследовать и то, почему не повел его диавол на истязания, казни и мучения, но отрезал ему язык. Он сделал это не напрасно, а с большим лукавством: ведь это – зверь коварный и делает и воздвигает все против нашего спасения. Исследуем же, для чего он решился на отсечение языка; но поведем речь несколько выше: таким образом мы узнаем и Божие человеколюбие, и терпение мученика, и злобу диавола, а познав Божие человеколюбие, возблагодарим Господа, узнав терпение мученика, будем подражать подобному нам рабу, поняв же злобу диавола, будем отвращаться этого врага. Для того Бог и дал нам разуместь козни его, чтобы, возненавидев его более, мы удобнее побеждали его. А что можно узнавать замыслы его, послушай, что говорит Павел о прелюбодее. В послании к Коринфянам он говорит так: *«утвердите к нему любовь, да не обидим от сатаны: не не разумеваем бо умыслений его»* (2Кор.2:8,11). Что же за причина, по которой он отсек мученику язык? Позвольте мне начать рассказ несколько выше. Жестокая война некогда была возбуждена против Церкви: не варвары делали набеги на города и не какие-либо иноземцы, но сами те, которые по видимому были предстоятелями нашей вселенной, поступали с подчиненными суровее и свирепее всех варваров, врагов и тиранов; не свобода только, и отечество, и имущество, и настоящая жизнь тогда были в опасности, но Царство Небесное,

и уготованные блага, и бессмертная жизнь, и исповедание Христово. Придуман был некоторый новый способ пленения; не из здешнего города изгоняли, но старались лишить вышнего Иерусалима свободного, и принуждали каждого принести в жертву душу на жертвенниках, отречься с клятвой от своего Господа, подчиниться тирании бесов, служить губителям и врагам нашего спасения – бесам, что было тягостнее и несноснее тысяч смертей и всякой геенны для душ христолюбивых. Тогда-то, когда многие были потопляемы, и буря усиливалась, и многие терпели кораблекрушение, этот блаженный Роман, пройдя в среду их, рассудил не тотчас предать самого себя опасностям, но наперед уstraшенных, упавших духом, предающих собственное свое спасение – собрал, ободрил и приготовил к новой борьбе, упавших восстанавливая, а стоявших укрепляя молитвами, и увещаниями, и советами, много любомудрствуя о будущих и о настоящих вещах, доказывая, что эти временны, а те вечны, противопоставляя трудам воздаяния, истязаниям венцы, страданиям награды, научая, какова жизнь настоящая и какова будущая, и сколь велико различие между той и другой, и что умереть нужно во всяком случае, если и не таким образом окончим мы жизнь, то, во всяком случае, по необходимому закону природы, спустя немного времени, расстанемся с этими телами. Такими и подобными этому увещаниями он укреплял ослабевшие руки, утверждал колена расслабленные (Евр.12:12), возвращал беглецов, отгонял страх, удалял уныние, внушал бодрость, делал вместо боязливых отважными, вместо серн и ланей – львами, дышущими великой силой, устраивал воинство Христово, обращал наш стыд на головы врагов. Поэтому диавол, увидев, что вдруг произошла перемена, и что те, которые вчера и третьего дня страшились его и трепетали, теперь смеются над ним и действуют смело, выступают против опасностей, кидаются на мучения, и узнав виновника, оставил всех и наконец весь дышал гневом на него, двигая против этой блаженной главы всю свою силу и неистовство. И что он делает? Посмотрите на злобу его. Он не повел мученика на истязания, не отсек его голову, потому что

прошедшее время научило его, что все это было напрасно и тщетно: это не только не прекращало ревности верующих, но еще более напрягало ее, делало ее и более сильной и более горячей. Я, говорит, подстилал горячие уголья, а они шли как бы на розы; зажигал огонь, а они бросались как бы в источники прохладных вод; скоблил ребра, прорезал глубокие борозды и изводил потоки крови, а они красовались, как бы осыпанные со всех сторон золотом; я низвергал с стремнин и погружал в море, а они, как будто не в пропасть нисходя, но восходя на самое небо, в таком были состоянии восхищения и восторга, и как бы ликуя на священном торжестве и играя на зеленеющем лугу, так бросался каждый из них на мучения, как будто принимали они не мучения, но весенние цветы и получали венцы, и избытком своей ревности предупреждали мои мучения. Что же, говорит, теперь нужно делать? Отсеку ли ему голову? Но произойдет то, чего он желает, и ученики получат большее увещание чрез дела его, так как он увещевал; что смерть мучеников есть не смерть, но жизнь, не имеющая конца, что ради нее особенно надобно терпеть все и что должно презирать смерть. Итак, если я отсеку голову, и он перенесет это мужественно, то делами еще яснее научит их, что так должно презирать смерть, и еще более ободрит их души и, скончавшись, вдохнет в них еще большую ревность. Поэтому он отсек ему язык, чтобы ученики мученика, лишившись голоса, которым наслаждались, оставшись без совета и без увещания, сделались более робкими и вновь пришли в прежнее уныние, не имея того, кто одушевлял их, возбуждал и вооружал.

3. И посмотри на злобу диавола. Ирод отсек голову Иоанна, а этот – не голову, а только язык. Почему? По великой злобе и жестокости. Если, говорит, я отсеку голову и он умрет, отойдет, не видя гибели своих братьев; а я хочу поставить его свидетелем падений и несчастья собственных его воинов, чтобы он томился мукой, видя падающих, но не имея возможности подать им руку и не будучи в состоянии предлагать советы, как прежде, так как голос пропадает вместе с языком.

Но *«запинаяй премудрым в коварстве их»* (1Кор.3:19) обратил это ухищрение на его голову: диавол не только не

лишил их совета, но и сделал то, что они получили большее увещание и стали пользоваться более духовным наставлением. Когда он настоял на этом, то призывается наконец для отсечения врач, и делается палачом вместо врача, не исправляя больной член, а повреждая здоровый; но, исторгнув язык, он не смог исторгнуть вместе с ним и голос. Язык телесный был отсечен, а язык благодати прилетел в уста блаженного; природа лишилась своего члена, будучи принуждена к тому железом, а благодать не допустила, чтобы вместе был потерян и голос, – почему ученики и стали пользоваться более духовным наставлением, слушая не человеческий голос, как прежде, но некоторый божественный, и духовный, и высший нашей природы; и все стекались, сверху ангелы и снизу люди, каждый желая видеть уста без языка и слышать того, кто так говорил. Так было чудно и необычайно, что уста говорили без языка, принося диаволу много стыда, а мученику много славы, ученикам же великое утешение и побуждение к терпению. Таково обыкновение у Бога издревле и с самого начала: то, что диавол замыслит против нас, Он обращает на его голову и устрояет к нашему спасению. Смотри: тот изгнал человека из рая, а Бог открыл ему небо; тот лишил его владычества земного, а Бог дал ему Царство Небесное и поместил наше естество на царском престоле. Так всегда Он дает блага, большие тех, какие диавол старается отнять. А делает Он это для того, чтобы заставить его быть медленнее в кознях против нас, а нас научить никогда не бояться его ухищрений, как и здесь случилось с мучеником. Диавол надеялся лишиться его голоса, а Бог даровал ему гораздо лучший и превосходнейший, потому что не одно и то же было – говорить с языком и – без языка: то было дело естественное и общее для всех, а это сверхъестественное и принадлежащее только ему одному. Если бы даже мученик и остался безгласным по отсечении языка, и тогда у него выполнены были бы все условия борьбы и венец был бы готов, потому что величайшим поражением диавола и ясным доказательством его было самое отсечение языка. Если ты, скверный и всескверный, не боялся языка, то для чего ты отсекал его? Для чего ты не оставил орудия

борьбы, но затворил ристалище? Как если бы кто, желая состязаться в борьбе, но получив тяжкие раны, и наконец, не в состоянии будучи противиться, приказал отрубить руки противнику, и таким образом стал бить его, то не нужно было бы другого доказательства для того, чтобы присудить победу тому, у кого отрублены руки, – так точно и в отношении к мученику отсечение языка было яснейшим из всех доказательством победы над диаволом. Хотя язык был смертен, но так как он наносил диаволу бессмертные раны, то поэтому диавол весь и дышал гневом против него, подвергая самого себя большему посрамлению, а мученику доставляя светлейший венец, потому что как удивительно – видеть дерево без корня и реку без источника, так и – голос без языка.

4. Где теперь те, которые не веруют в воскресение тел? Вот голос и умер и воскрес, и в одно мгновение времени произошло то и другое. Это даже гораздо больше воскресения тел, потому что там естество тел остается, а разрушается только их сочетание, а здесь самое основание голоса было истреблено, и однако он опять стал еще более светлым. Если ты отнимешь от флейты дульца, то этот инструмент будет потом бесполезным; но не такова флейта духовная, – напротив, даже лишенная языка, она не только не была безгласной, но издавала песнь еще более благозвучную и таинственную и с более изумительным искусством. Также и от цитры, если кто отнимет только кольцо, то празден становится художник, бесполезно искусство, инструмент никуда не годен; а здесь ничего такого, но все напротив. Цитрой были уста, кольцом – язык, художником – душа, искусством – исповедание; и, хотя отнято было кольцо, т. е. язык, однако ни художник, ни искусство, ни инструмент не сделались бесполезными, но все показали свойственную им силу. Кто сделал это? Кто показал такие чудные и необычайные дела? Бог, Который один творит чудеса, о Котором говорит Давид: *«Господи, Господь наш! Как чудно имя Твое по всей земле! Ибо величие Твое превознеслось выше небес. Из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу»* (Пс.8:2–3). Но тогда – из уст младенец и ссущих, а теперь – из уст безъязычных; тогда природа не созревшая, а теперь уста,

лишенные языка; тогда в детях был корень нежный, но плод совершенный, а здесь самый корень был истреблен, и это не препятствовало рождению плода, так как плод языка – голос. Позднейшие чудеса удивительнее прежних. Дабы мы не отказались верить этим чудесам, для этого им предшествовали те, чтобы мы не смущались последними, приучив ум наш к прежним; и для того совершились новые чудеса, чтобы тем, сокрытым и давним, мы верили при помощи явных и бывших недавно. Так некогда и жезл Аарона произрастил, как теперь произрастили уста мученика. Но почему тогда произрастил жезл Аарона? Потому, что бесчестили священника. Почему же теперь произрастили уста мученика? Потому, что хулили великого архиерея, Иисуса Христа. Посмотри, какое сродство в чуде и превосходство. Как тот жезл, не будучи соединен с корнем и не извлекая влаги из земли, лишенный доставляемого ей питания и потерявший плодородную силу, вдруг показал плод, – так точно и здесь голос, лишившись корня и не имея силы от этого орудия, вдруг произрос в устах сухих и бесплодных. В этом сродство, а в другом превосходство, потому что великое различие между тем и другим плодом. Тот был чувственный, а этот духовный, и самые небеса открывал он тому, кто издавал тогда этот голос. Будем о всем этом радоваться вместе с мучеником, будем прославлять Бога, совершившего такие чудеса, будем подражать терпению подобного нам раба, возблагодарим Владыку за Его благодать, примем в сказанном достаточное утешение в искушениях и, изумляясь могуществу создавшего нас Бога и Его попечению, будем представлять все, нужное от нас, а потребное от Него непременно последует. Хотя бы люди, хотя бы бесы, хотя бы сам диавол поражал нас, – ни в чем не успеют враждующие против нас, только бы мы оказывали собственную ревность и представляли все, что должно представлять от нас. Таким образом мы и здесь приобретем помощь Божию и в будущей жизни получим великую славу и спасение, которого да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава, честь и держава, во веки веков. Аминь.

Слово второе о святом мученике Романе¹⁰.

Подобное буре гонение на Церковь; мужество св. Романа на различных мучениях; ребенок спрошенный признает истину христианства; св. Роману отрезан язык, но он и без языка продолжает говорить. Это чудо обличает Македония, доказывает возможность дара языков. Картина встречи св. Романом гонителя, молитва его ко Господу и речь к мучителю, не прерываемая и отсечением языка.

1. Гимнастические упражнения доставляют телам крепость и знание искусства атлетов; а воспоминания о мучениках вооружают души против ухищрений бесов и научают бороться с ними. Показывая силу подвижников и непреклонную борьбу с истязаниями, они придают благочестию смелость, представляя в повествованиях о мучениях, как бы на месте подвигов, пройденное каждым мучеником поприще. Таково и воспоминание о подвижнике, увенчанном сегодня. В самом деле, кто не выступит смело на поприще против диавола, наставив свою душу подвигами мученика, которого не поколебало множество таких опасностей? Тогда по миру водила хороводы великая тирания нечестия; жизнь уподоблялась морю, колеблемому с самой глубины; огромные морские волны переливались на землю, и сильная буря нечестия со всех сторон обливала корабль благочестия, так что среди нее много кормчих умерло, и пловцов не малое число потонуло, и все было исполнено горького страха и кораблекрушений. Цари дышали сильнее бури, тираны поднимали страшные волны, престолы правителей колебались, судьи провозглашали отречение от Христа, законодатели угрожали жестокими наказаниями, мужей похищали к бесовским жертвоприношениям, жен влекли к мерзости жертвенников, и дев тащили к этому безумию, священников предавали на изгнание и убиение, верных изгоняли из священных оград. Для столь великой битвы вооружился мученик, и таким опасностям он противопоставил свою душу, смеясь над этой борьбой, как над каким-то сражением с тенью, и точно пылью на ристалище

попирая судей верой, он возбудил душу тогдашнего судьи, остановив задуманный им против Церкви бег. За это доблестный муж тотчас был восхищен на казнь, и хотя употреблено было множество разнообразных мучений, но мученик уподоблялся цитре, кольцом истязаний движим будучи к изданию звуков; палачи, обступившие его, сокрушали ему тело, а он, как медь какая, получая удары, издавал песнь благочестия; повесив на дереве, они терзали его, а он приветствовал это дерево, как древо жизни; они раздирали щеки праведника, как ребра, а он проповедовал, как бы получив множество уст, и посрамлял противника новым поражением.

Когда он увидел, что судья призывает его к служению бесам, то просит привести дитя с торжища, чтобы сделать его судьей требований судьи, и приведенному дитяти предложил вопрос об этом предмете. Дитя, сказал он, Богу ли справедливо поклоняться, или называемым ими богам? Велико превосходство мудрости мученика: судьей судьи он ставит ребенка; а он тотчас подал голос за Христа, чтобы очевидно было, что и дети умнее нечестивых судей, или лучше, чтобы мученик явился не только мучеником, но и руководителем мучеников. Однако и это не ослабило неистовства судьи, но тотчас мученик, вместе с дитятей, был схвачен в колоду, за мучением в колоде следовала темница, а за ней приговор, назначивший подвижникам различные казни: дитя он присудил к смерти, а мученика к отсечению языка. Кто слышал о таком образе суда? Судьи бичуют подсудимых, принуждая их сознаться в том, что они знают за собой; а этот нечестивый судья отсекает язык, заставляя молчать о том, что он знает за собой. О, жестокое изобретение обмана! Я не мог, говорит, сразить мудрствующую о Христе душу; по крайней мере отсеку язык, говорящий о Христе. Отсеки язык, мучитель, чтобы тебе познать, что природа и без языка проповедует о Христе; исторгни язык из уст, чтобы тебе познать, что истинен Обещавший дары языков. Орудие языка было отсечено, а слово полилось еще сильнее, освободившись от языка, как бы от какого-нибудь препятствия. Новое и необыкновенное зрелище: телесный с телесными беседует бестелесно. Так приличествует

этому мученику песнь пророка: *«наполнились уста наши радостью и язык наш веселием»* (Пс.125:2); исполнились радости уста, принеши Христу новую жертву – язык, объят был великим веселием язык, явившись мучеником, предтечей мученика. О, язык, предваривший душу в сонмах мучеников! О, уста, породившие сокровенного мученика! О, язык, имевший жертвенником уста! О, уста, имевшие жертвой язык! Никто не знал, доблестный муж, что ты в устах твоих имеешь храм, храм, в котором ты заклал необычного агнца, – единокровный язык.

2. Какой же оратор достойно увенчает твои добродетели? Ты получил от природы язык, но ты воспитал из него мученика; ты получил уста, хранилище языка, но ты устроил из уст жертвенник для языка; ты получил кольцо, чтобы извлекать звуки, но ты показал его колосом отсекаемым; ты получил язык, служителя слов, но ты принес его в жертву Христу, как непорочную овцу. Каким же приличным названием я почту язык твой? Каким именем украшу язык твой? Палачи приложили к нему железо, а он, подобно связанному Исааку, не отскочил, но, лежа в устах, как на жертвеннике, с радостью принял удар, научая языки людей, что им должно не только говорить ради Христа, но и быть усекаемыми. Ты, доблестный муж, восхитил честь равную жертвоприношению патриарха, принеши единородную отрасль языка вместо единородного сына. Посему прекрасно Христос насадил тебе другой язык, потому что нашел тебя добрым возделывателем прежнего; прекрасно даровал Он тебе язык бестелесный, потому что ангельской душе не был приличен плотский; прекрасно воздал Он тебе воздаяние за язык: ты принес язык свой в жертву Владыке, а Он уплатил за него витийствующим голосом; и произошло между языком и Христом взаимное соглашение: язык отсекается за Христа, а Христос говорит вместо языка.

Где теперь у нас Македоний, сражающийся против Утешителя, подавшего дарование языков? А что я не лгу, прилагая Божеству Утешителя благодатные дары, свидетель нам блаженный Павел, который ныне взывает к вашему вниманию: *«Все же сие производит один и тот же Дух, разделяя каждому особо, как Ему угодно»* (1Кор.12:11); как Ему

угодно, говорит, а не как ему повелевается. Но, чтобы, делая какие-нибудь прибавления к этим словам, не завалить нам вашей памяти множеством, запомним одно это сильное изречение об Утешителе, и таким образом выйдем отсюда, презирая тех, но снисходя пока к заблуждающимся и поклоняясь Божеству Утешителя. Итак, пророческая труба, предуказывая вселенское согласие о Христе, говорила: *«яко познают Мя, от мала их даже и до великаго их»* (Иер.31:34), и *«исповестся всяк язык богу»* истинному (Ис.45:23). Пророк, как я сказал, объемлет сетью боговедения всякий язык; а мы сегодня послушаем и безъязычного оратора, защищающего благочестие, потому что он, как некоторая цитра, без кольца, прославляет Создателя. Итак, пусть скажет и блаженный Роман: *«язык мой – трость скорописца»* (Пс.44:2). Какой язык? Не тот, который отняло железо, но тот, который изваяла благодать Духа, потому что, когда исторгнут был язык, то благодать Духа заняла его место. Имели и апостолы языки, но, чтобы явилась сила Действующего, брение бездействовало, а говорил огонь небесный. Имело и Моисеево писание образ того, что выше слова: у него купина и огонь. Огонь апостольский в купине прообразовал звуки проповеди и голос дается бездушному, чтобы поверили ему, когда он коснется одушевленных орудий. Если прикосновение этого огня сделало и бездушное говорящим, то не должен ли он был, наполнив души разумные, своим прикосновением извлечь из них самую стройную песнь? Этой благодати был причастником и славный Роман, который, и по отсечении языка, обличал мучителя яснейшим голосом. Этот мучитель никак не поспешил бы отсечь язык, если бы не боялся токов обличений, если бы не страшился потока проповеди, если бы не надеялся усмирить волны евангельского красноречия. Но посмотрим, что заставило мучителя пойти на такую дерзость.

3. Некогда нечестивец, принеся жертву бесам, преисполненный дыма и смрада жертв и оскверненный каплями нечестия, поспешно шел к церкви и, неся перед собой окровавленную секиру, искал бескровного жертвенника для незаконного священнодействия. Но неистовство мучителя не утаилось от мученика: тотчас, выбежав в преддверие, он

удерживает уже несущийся разлив нечестия, и как искусный кормчий, видя, что море устремляется на нос корабля, не остается в бездействии, но быстро перебегает через весь корабль и, рулем приведши в движение корму, ставит судно прямо против волн и, приподняв часть его, находившуюся в опасности, рассекает громадную волну и с некоторым искусством бороздит взволнованное море, – так сделал и блаженный Роман. Когда море идолопоклонства ревело богохульством, и неистовствовало против корабля церковного, и изрыгало на жертвенники пену крови, он один вооружается против бушующего моря и, видя, что корабль находится в крайней опасности, пробуждает находящегося на корабле Владыку, пробуждает Его, уснувшего сном долготерпения. Он видит море, возмущаемое противными ветрами, и произносит слова бедствовавших учеников: *«наставниче, спаси, погибаем»* (Лк.8:24); морские разбойники окружают корабль, волки осаждают стадо, воры подкапывают чертог твой, блудные песни оглашают невесту твою, опять змий разрушает стену рая, основной камень Церкви колеблется; но Ты брось с неба евангельский якорь, и укрепи потрясаемый камень: *«наставниче, спаси, погибаем»*. Общая опасность разделяет мученика: он и к Господу взывает с дерзновением, и против мучителя устремляет поток языка своего. Останови, тиран, говорит он, этот бешеный бег; познай меру своего бессилия; чти пределы Распятого; а пределы Распятого – не стены церкви, но концы вселенной; стряхни мрак неистовства; взгляни на землю – и пойми слабость своей природы; взгляни на небо – и подумай о великости борьбы; отвергни бессильную помощь бесов; рассмотри, что бесы, пораженные крестом, выставляют тебя защитником своих жертвенников. Для чего ты гонишься за неуловимым? Для чего пускаешь стрелы в беспредельное? Разве Бог ограничивается стенами? Божество неограниченно. Разве Владыку нашего можно видеть очами? Он незрим и безвиден по существу, а изображается и бывает видимым по человечеству. Разве Он обитает в дереве и камне и продает свое промышление за быка и овцу? Разве жертвенник служит посредником в соглашениях с Ним? Это – жадное нищенство

твоих бесов. Мой Владыка, или – лучше, – Владыка всех – Христос обитает на небе и управляет миром, и жертва Ему – душа, обращающая к нему взоры, и одна для Него пища – спасение верующих. Перестань поднимать оружие против Церкви: стадо на земле, а пастырь на небе; ветви на земле, а виноградная лоза на небе; если отсечешь ветви, то поможешь разрастись лозе. Руки твои полны крови; меч твой обагрён бессловесными жертвами; пощади невинных животных, и обрати меч на нас, обличающих тебя; пощади бессловесных, которые молчат, и умерщвляй нас, осуждающих тебя. Я боюсь не столько меча, убивающего людей, сколько жертвенной секиры; меч, убивающий людей, рассекает тело, а жертвенная секира убивает душу; меч, убивающий людей, закаляет приносимое в жертву, а жертвенная секира погубляет вместе и приносимое в жертву и приносящего жертву. Режь мою шею, но не оскверняй жертвенника; ты имеешь добровольную жертву, – для чего же связываешь пленного вола, противящегося? Если ты хочешь принести жертву, то в преддверии церкви приноси жертву словесную.

Не выносит мучитель чрезмерного дерзновения мученика, но тотчас начинает жертвоприношение с его языка. Итак, он отсекает язык не потому, чтобы хотел истребить его, но потому, что враждовал на проповедь, не столько по ненависти к проповеднику, сколько по недоброжелательству к проповедуемому. Но *«запинаяй премудрым в коварстве их»* (1Кор.3:19) возвращает с неба отсеченное орудие голоса, невидимым языком подпирает охромевший звук и дарует голос безъязычному, самым делом показывая мучителю сотворение человека. И как выкапывающие колодезь, раскапывая жилы, дают воде более широкий исток, так и мучитель, перекопав железом корень языка, был облит сильнейшими потоками обличений. Хотел я до конца веселиться речью о мученике, но наступило соответствующее время и побуждает меня замолчать; впрочем сказанного достаточно для вашей пользы, а для довершения сказанного нужны наставления нашего отца. Сокроем же сказанное в недрах памяти, а для того, что будет сказано раскроем бразды души; и за все будем поклоняться

творящему чудеса Христу, потому что Ему слава со Отцом и Всесвятым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

О святом священномученике Вавиле*14

Св. Вавила – епископ Антиохии и мученик. Возможность для мученика подвигов и по смерти, удостоверяющая воскресение. Отступничество Юлиана, его усилия истребить христианство; невозможность этого, доказанная событиями. Перенесение мощей святого из предместья, по требованию оракула. Не мертвое тело есть скверна, а злая воля. Страх Юлиана перед мощами мученика. Сожжение капища Аполлона молнией. Похвала усердию антиохийцев и епископа их к мученику.

1. Хотел я сегодня отдать долг, который недавно, бывши здесь, я обещал вам; но что мне делать? Блаженный Вавила, явившийся тем временем, позвал нас к себе, не голос подавши, но блеском вида своего привлеки нас. Не гневайтесь поэтому на отсрочку уплаты; во всяком случае чем больше пройдет времени, тем более возрастет и прибыль для вас: мы уплатим серебро с лихвой, потому что и Владыка, вверивший нам его, так повелел ([Лк.19:23](#)). Итак, не сомневаясь касательно этого долга, так как и капитал и проценты вам остаются, не пропустим и сегодня случившейся прибыли, но насладимся подвигами блаженного Вавилы.

Впрочем, как управлял он нашей церковью, и спас этот священный корабль среди непогоды, бури и волн, какое показал дерзновение перед царем, как душу свою положил за овец и принял то блаженное заклятие, об этом и подобном говорить предоставим старейшим из учителей и общему нашему отцу (епископу). О древнейших событиях прекрасно могут рассказать вам старцы, а что случилось недавно и на нашем веку, это расскажу вам я, юный, – разумею происшедшее после кончины мученика, после погребения его, и в то время, когда он пребывал в предместьи города. Знаю, что язычники будут смеяться над этим нашим обещанием, когда мы обещаем говорить о славных делах, после кончины и погребения совершенных погребенным и обратившимся в прах; но из-за этого мы конечно не станем молчать, а по этой самой причине больше всего и будем говорить, чтобы, показав на самом деле

такое чудо, обратить смех на их голову. У человека вообще не бывает, конечно, подвигов после смерти; но у мученика может быть и много и великих, не для того, чтобы ему сделаться более славным (он нисколько не нуждается в одобрении народа), но чтобы ты, неверный, понял, что смерть мучеников не есть смерть, а начало лучшей жизни, вступление в жизнь более духовную, преставление от худшего к лучшему. Не на то гляди, что лежит пред тобой нагое тело мученика, лишенное душевной деятельности, а рассмотри то, что в нем присутствует иная, высшая самой души, сила, благодать Святого Духа, которая через свои чудотворения всем говорит в защиту воскресения. Если мертвым и обратившимся в прах телам Бог даровал силу большую, нежели у всех живых, то тем более Он дарует им жизнь лучшую прежней и блаженнейшую во время раздаяния венцов. Какие же подвиги этого мученика? Не смущайтесь, если мы поведем беседу несколько издалека. Ведь те, которые хотят хорошо показать картины, несколько отводят зрителей от доски и потом уже открывают их, на расстоянии давая им яснее видеть. Потерпите же и вы, пока мы отводим назад слово.

Когда превзошедший всех нечестием Юлиан вступил на царский престол и принял скипетр господства, он тотчас поднял руки на Создателя своего Бога, отрекся от Благодетеля, и снизу, от земли, смотря на небо, залаял подобно бешеным псам, которые одинаково поднимают лай и на тех, кто не кормит их, и на тех, кто кормит, или – лучше – стал неистовствовать хуже и их. Они одинаково отвращаются и ненавидят как своих, так и чужих, а он пред врагами спасения, бесами, вилял хвостом и оказывал им всякого рода служение, Благодетеля же и Спасителя, который не пощадил для него даже Единородного Своего, отвергся и возненавидел, и поносил Крест, ту вещь, которая восстановила лежавшую во прахе вселенную, прогнала отовсюду тьму и озарила нас светом, блистательным более лучей солнца. И на этом не остановился в своем неистовстве, но обещал истребить из среды вселенной род галилеян: так он обыкновенно называл нас, – хотя, если он считал имя христиан предметом отвращения и вполне постыдной вещью, то для чего пожелал бесчестить нас не этим самым, а чужим именем? Он

хорошо знал, что название, означающее близость ко Христу, служит великим украшением не только людям, но и ангелам и вышним силам. Поэтому он и употреблял все меры, чтобы отнять у нас это украшение и превратить проповедь. Но это было невозможно, жалкий и несчастный человек, как невозможно было разрушить небо, погасить солнце, поколебать и низвергнуть основания земли. Это предвозвестил и Христос, сказав так: *«небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут»* (Мф.24:35). Но ты не выносишь слов Христа: так послушай голос событий. Я, удостоившийся познать, что значит изречение Божие, как оно могущественно и необоримо, верую, что оно достовернее и порядка природы, и опыта всех событий; а ты, пресмыкающийся по земле и пристрастившийся к исследованию человеческих мнений, прими свидетельство событий, – я ни в чем не противоречу и не спорю.

2. Что же говорят события? Христос сказал, что легче погибнуть небу и земле, нежели пропасть какому-либо из слов Его; против этого стал говорить тот царь и угрожал истребить эти догматы. Где же царь, угрожавший так? Погиб, исчез, и теперь во аде ждет себе неизбежного наказания. А где Христос, изрекший те слова? На небесах, одесную Отца занимает высочайший престол славы. Где хульные речи царя и необузданный язык? Он сделался пеплом, прахом и пищей червей. А где изречение Христово? Оно сияет истиной дел, и следственно блистает в событии, как бы с золотого столба. Ничего не опустил тогда царь, намереваясь воздвигнуть против нас войну, но и волшебников призывал, и чародеев собирал, и все наполнено было демонами и злыми духами.

Какое же было воздаяние за это служение? Разрушение городов и голод, жесточайший из всех голодов. Вы конечно знаете и помните, как пусто было без товаров торжище, каких смут полны были мастерские, когда каждый старался прежде других схватить попавшееся на глаза и уйти. И что я говорю о голоде, когда самые источники оставались без воды, источники, которые затмевали реки обилием воды? Но так как я упомянул об источниках, то взойдем наконец в Дафну, и обратим речь к деяниям мученика. Вы, конечно, желаете еще выставить на

позор мерзости язычников, но и так, имея его при себе, принудим мы их отступить, потому что где память мучеников, там во всяком случае и позор язычников. Итак этот царь, взойдя в Дафну, непрестанно надоедал Аполлону, приставая с просьбами и мольбами, чтобы сказал ему что-нибудь о будущем. Что же прорицатель, великий бог язычников? Мертвые, сказал он, препятствуют мне говорить, но ты разрушь гробницы, выкопай кости, перенеси мертвых. Что может быть нечестивее этих повелений? Демон вводит странные законы раскапывания гробниц и выдумывает новые способы изгнания чужих. Кто слышал, чтобы мертвые были когда-нибудь изгоняемы? Кто видал, чтобы приказывалось переносить с одного места на другое бездушные тела, как он повелел, разрушая до основания общие законы природы? Общие законы природы у всех людей – покрывать умершего землей, предавать погребению и хоронить в недрах матери всех – земли. Этих законов не колебал никогда ни эллин, ни варвар, ни скиф, ни иной кто даже превосходящий их грубостью, но все чтут и соблюдают их: так они священны и почтенны для всех. Но демон, сняв маску, с открытой головой восстает против общих уставов природы: мертвые, говорит он, скверна. Не мертвые скверна, лукавейший демон, а злая воля есть мерзость. Если же надо сказать и нечто удивительное, то скорее тела живых исполнены зла, нежели тела умерших нечисты, потому что те служат велениям души, эти же лежат неподвижно, а неподвижное и не имеющее никакого чувства бывает свободно и от всякой вины. Впрочем я не говорю, чтобы и тела живых людей были по самой природе нечисты, но что везде за преступления всех ответственна злая и развращенная воля.

Нет, Аполлон, не мертвое тело есть скверна, но гнаться за девицею целомудренною, чтобы лишить ее девственной чести, и плакать, не получив удачи в бесстыдном деле, – это вот достойно и осуждения и наказания! Много было и у нас пророков дивных и великих, много предсказывавших о будущем и никогда не повелевали они вопрошавшим выкапывать кости умерших; а Иезекииль, стоя близ самых костей, не только не встретил в них себе никакого препятствия, но и возвратил их

опять к жизни, облекши их плотью, жилами и кожей. Великий же Моисей не только стоял подле мертвых костей, но даже целого мертвеца нес с собой – Иосифа – и при этом предсказывал будущее. И это вполне естественно, потому что их слова были благодатью Духа Святого, а слова тех – обман и ложь, которая ничем не может быть прикрыта. Что те слова были отговоркой и предлогом, и что боялся он блаженного Вавилы, ясно из того, что сделал царь: оставив всех остальных мертвецов, он перенес одного только этого мученика. И притом, если бы он делал это, гнушаясь им, а не боясь, то надо было приказать, чтобы гробницу разломали, потопили в море, удалили в пустое место, или уничтожили другим каким-нибудь образом: это свойственно было гнушающемуся. Так сделал Бог, когда говорил евреям о мерзостях язычников: Он повелел сокрушить столбы их, а не нести эти мерзости из предместий в города.

3. Итак, мученик был перенесен, но демон и после того не наслаждался безопасностью, а тотчас узнал, что кости-то мученика возможно перенести, но рук мученика избежать невозможно. Вместе с тем как гробницу эту с телом повезли в город, и молния свыше ударила в голову идола, и все попала. По крайней мере тогда, если уже не прежде, надлежало нечестивому царю разгневаться и излить гнев свой на храм мученика; но и тогда не дерзнул он: такой овладел им страх; и хотя видел он, что пожар нестерпим, и точно знал причину его, однако был тих. И не это только удивительно, что он не разрушил храма мученика, но и то, что не дерзнул опять покрыть кровлей капище. Он знал, точно знал, что этот удар был послан от Бога, и боялся, чтобы дальнейшими своими замыслами не призвать того же огня на собственную голову. Посему он терпеливо и смотрел на приведенный в запустение храм Аполлонов. И не было никакой другой причины, почему он не исправил случившегося, как только страх, по которому он невольно смирялся, даже и зная, сколько оставляет он бесчестия демону и сколько славы мученику. И ныне ведь стоят эти стены вместо трофеев, громче трубы издают звук и видом возвещают живущим в Дафне, в городе, приходящим издалека, настоящим и будущим, обо всем, – о борьбе, о сражении,

победе мученика. Живущему вдали от предместия, при виде и храма святого без гробницы, и капища Аполлонова лишенного кровли, естественно спросить о причине того и другого, и узнав таким образом всю историю, уходить отсюда. Таковы подвиги мученика, совершенные после кончины! Потому я и ублажаю ваш город, что вы показали много усердия к этому святому. В то время, когда он возвращался из Дафны, весь наш город потек на дорогу, и торжища запустили без мужчин, а дома запустили без женщин, внутренние же покои пусты стали без дев: так всякий возраст и всякий пол устремились из города, как бы для встречи отца, по истечении долгого времени возвращающегося из дальнего путешествия! Вы отдали его в хор равных ему по ревности; но благодать Божия не попустила ему остаться там навсегда, а опять переселила его на ту сторону реки, так что многие места исполнились благоухания мученика. И по прибытии сюда он не должен был быть одиноким, но скоро получил себе соседом и сожителем единомысленного¹¹. И этот имел одинаковую с ним власть, и равное показал дерзновение о благочестии, – поэтому не напрасно, кажется, получил и одно с ним жилище этот дивный приверженец мученика. Он столько времени трудился там, непрестанно посылая письма к царю, беспокоя начальников, принося мученику и телесное служение. Вы знаете наверное и помните, как он, летом, когда полуденные лучи раскаляли небо, с сотрудниками своими каждый день ходил туда, не как зритель только, но чтобы участвовать в работах. Он часто и носил камни, и тянул веревки, и усерднее работников прислуживал всякому, кто имел нужду в помощи при постройке. Знал он, верно знал, какие награды будут уготованы ему за это, – потому непрестанно и служил мученикам, не только прекрасными зданиями и непрерывными празднествами, но еще лучшим этого способом. Какой же это способ? Он подражает их жизни, соревнует их мужеству, всячески по возможности утверждает в себе самом образ мучеников. Смотри: они предали тела на заклятие, а он *«Умертвите уды ваша, яже на земли»* (Кол.3:5); они устояли против пламени огненного, а он погасил пламень похоти; они сражались с зубами зверей, но и он укротил самую жестокую из наших

страстей – гнев. За все это возблагодарим Бога, за то, что Он даровал нам и столь доблестных мучеников, и пастырей, достойных мучеников, «к совершению святых, в создании Тела Христова» (Еф.4:12), с Которым Отцу слава, честь, держава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Слово о блаженном Вавиле, а также против Юлиана, и к язычникам*15

Предсказание Господа о совершении чудес последователями Его, невозможное в язычестве. Приношение людей в жертву обличает происхождение язычества от демонов. Беспредельная благодать Спасителя. Деяния Апостолов свидетельствуют об исполнении предсказания Господа, а истинность их повествования удостоверяется и современным состоянием христианства и язычества, и первоначальным успехом проповеди апостолов. Гнусное убийство римским царем взятого в заложники мира царского сына. Бог не тотчас наказывает грешников, давая время и случай для покаяния. Св. Вавила не допускает этого царя войти в церковь. Правомерность этого подвига сравнительно с угодливостью языческих жрецов и хвастливой, но пустой смелостью иных философов. Необходимость охранять законы Божии и при вероятной безуспешности этого охранения. Развитие греха в душе при невнимании к нему. Заключение св. Вавилы в темницу, скорбь его о гибели нечестивого царя, кончина и завещание положить в гроб и узы в свидетельство того, что поношение за Христа – истинная слава. Возможность для мученика подвигов и по смерти, ибо Бог оставляет на земле мощи святых для возбуждения именно живых к добродетели. Перенесение мощей в Дафну, предместье, бывшее по самому мифу о Дафне обычным местом разгула, прекращает силой мученика этот разгул и принуждает к молчанию бывший здесь оракул Аполлона. Воцарение Юлиана, его языческий образ жизни; его приказ, по требованию оракула, удалить из Дафны гробницу мученика обличает страх перед мучеником и демона и Юлиана. Примеры наказания Богом гонителей. Молния сожигает капище Аполлона в Дафне при таких обстоятельствах, которые делают несомненным, что это было наказание от Бога. Речь Ливания по поводу этого события и разбор ее. Премудрость Божия проявилась в сохранении остатков капища в назидание потомкам, а благодать – в том, что удар направлен не на царя

прямо, которому даны и другие знамения для обращения его к истине. Неудачная попытка Юлиана восстановить Иерусалимский храм, старание вызвать внутренние раздоры в христианстве, бедствия похода персов и смерть Юлиана. Благость и премудрость Божия проявились в том, что крайние бедствия постигли Юлиана лишь в конце, когда он упорно оставался неисправимым, хотя Бог и предвидел эту неисправимость, и в том, что бесполезные для него самого бедствия эти дают урок всем остальным людям.

1. Господь наш Иисус Христос, готовясь уже идти на страдание и умереть животворной смертью, в самую последнюю ночь, призвав особо учеников Своих, о многом и ином беседовал наставляя их, и между прочим сказал им следующее: *«верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит»* (Ин.14:12). Было много и других учителей, и учеников имели они, и чудеса показывали, как хвалятся язычники, но ни один из них никогда не брал себе и в голову что-либо подобное, не дерзнул и сказать. И никто из язычников, как ни бесстыдны они во всем, не мог бы доказать, что у них находится такое предсказание, или изречение. Хотя многие рассказывают о разных у них чудотворцах, которые будто показывали призраки умерших и образы некоторых мертвых, и говорят, будто иные слышали какие-то голоса из гробниц; но чтобы кто-нибудь из людей, живших и почитаемых у них, или из тех, которых после смерти они признали богами, сказал ученикам своим что-нибудь подобное, этого никто из них не стал бы никогда утверждать. Если хотите, я скажу и причину, почему они, лгавшие обо всем другом не краснея и с открытой головой, ничего подобного никогда не смели выдумать. Не просто и не без основания удержались они от такой выдумки, но злодейски соображали эти губители, что намеревающийся обольстить должен составить нечто вероятное, полное всяких прикрас и, чтобы не быть обличенным, трудное для распознавания. Опытные рыболовы и птицеловы обыкновенно кладут не голые сети, но тщательно прикрывают их со всех сторон приманками и таким образом каждый из них овладевает той и другой добычей; а если они, открыв сети, оставят их

видными для тех, кого хотят ловить, то ни рыбы, ни птицы никогда не попадут в эти сети, и даже не станут подходить к ним, так что рыбак и охотник уйдут домой каждый с пустыми руками. Так как и языческие учителя хотели ловить людей, то и они не бросали голого обмана в море жизни, но выдумав и сочинив то, что могло уловить более неразумных, остереглись заходить далеко во лжи, опасаясь преувеличения и боясь, чтобы неумеренностью второго не уничтожить и первого. Если бы они сказали, что кто-либо у них возвестил нечто такое, что наш Спаситель сказал Своим ученикам, то и обманутые ими стали бы смеяться над ними, как над людьми, которые не смогли и солгать с вероятностью, потому что подобное предсказать и исполнить поистине свойственно одной только Его блаженной силе.

Если же демоны и могли некогда несколько обольщать обманутых ими, то это было, когда источник света еще не был известен большинству. Но и тогда само собой видно было, и при остальных обманах, и при самых жертвоприношениях, что совершавшееся было делом бесов. Приказывать, чтобы жертвенники их обагрлись человеческой кровью, и требовать, чтобы такие жертвы приносились им родителями, – какого не превышает это величайшего безумия? Никогда не насыщаясь нашими бедствиями и не зная никакого предела и конца борьбы с нами, но вечно неистовствуя, они, как будто не довольно было им насыщать ярость тем, что вместо овец и волков закалались на их жертвенниках женщины и дети, придумали необыкновенное преступление человекоубийства и ввели новейший род нечестия. Кому должно было оплакивать убиение погубляемых, тех самых они убедили приводить их на это несчастное убиение. И чтобы унижались не одни только людьми постановленные законы, они извратили в самом основании даже и законы природы, возбудив ее до неистовства против себя самой и введя в жизнь человеческую самое преступное из всех убийств. Никаких врагов, наконец, так не боялись все, как родителей; и, на кого больше всех должно было надеяться, этих-то больше всех и подозревали и отвращались. Так эти каратели посредством тех самых, через кого Бог приводил

(детей) к созерцанию этого мира, посредством тех же старались лишить их этого дара, делая виновниками смерти тех, которые послужили к жизни, как будто желая показать, что им не было никакой иной пользы от благодати Божией: не будут они нуждаться в других убийцах кроме родивших их. Так было бы и в том случае, если бы впоследствии какое-нибудь великое чудо (а из сказанного видно, что все тут маловажно, недостойно никакого внимания и исполнено великого обмана), но так же и в том случае, если бы совершилось великое что-нибудь, и тогда сказанного мной достаточно для того, чтобы доказать не совсем лишенным ума, каковы были делавшие это, как они полны скверны, и как все устроили для извращения и жизни и состояния нашего.

2. Господь же наш Иисус ничего такого не повелевал нам, но дивен будучи по Своим чудесам, а не менее чудес и по заповедям, справедливо от всех почитается поклонением и верой в Его божество. Он пришедши превратил это беззаконие и, что более удивительно, избавил от этого свирепого и жестокого насилия не только нас поклоняющихся Ему, но и тех, которые злословят Его, так как и из язычников никто уже не принуждается приносить такие жертвы своим демонам. С таким всегда человеколюбием относится Он к роду нашему; и больше сделал Бог врагам Своим добра, нежели демоны причинили друзьям своим зла. Демоны заставляли своих служителей и почитателей становиться убийцами собственных детей; а Христос отвращающихся от Него избавил от этих приказаний и свободу от этого зверского служения и дивный этот мир не ограничил одними только Своими, но ввел и среди чужих, показав, что те были мучителями, врагами и губителями нашего рода, а потому и поступали с преданными им, как с чужими, и были они чужды друг другу, Он же был Царь, Устроитель и Спаситель всего рода человеческого, почему и отчуждавшихся от Него щадил, как Своих. Да и все естество человеческое, – Его создание, как говорит и ученик Его: *«Пришел к своим, и свои Его не приняли»* (Ин.1:11). Но описывать все Его человеколюбие в настоящее время неуместно; и даже, если бы кто стал целые века говорить о Нем, и имел столько силы,

сколько подобает бесплотным силам, то и тогда он не дотронулся бы до Его достоинства. Как Он благ, это знает только Он один, потому что и благ так только Он один. Посмотри же, что говорит Он ученикам: *«Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит»* (Ин.14:12). Не сообщил бы Он им столь великой чести, если бы не был весьма и бесконечно благим. Если же кто с сомнением спросит у нас, когда исполнилось это предсказание, то взяв в руки книгу, которая называется Деяниями Апостолов, – она впрочем содержит не все деяния и не всех их, но только одного, или двух, и притом немногочисленные, – он увидит, что больные, лежавшие на одрах, получали здоровье, как скоро достигала до них только тень этих блаженных, а многим из бесноватых не нужно было ничего, кроме одежд Павла, для избавления их от мучившего их демона. Если же кто станет называть это хвастовством и рассказыванием невероятных вымыслов, то видимого ныне достаточно для того, чтобы заградить и пристыдить хульные уста и остановить необузданный язык. Нет в нашей вселенной ни страны, ни народа, ни города, где бы не воспевались эти чудеса, которые не возбудили бы никогда удивления, если бы были вымыслами. Засвидетельствовать это можете вы сами; и нам не нужно даже брать у других удостоверения на эти слова, когда вы, враги наши, доставляете его нам. Скажи мне, почему какого-нибудь Зороастра и Замолксиса и по имени большинство не знают, а вернее – никто не знает, кроме некоторых немногих? Не потому ли, что все, рассказываемое о них, было вымыслом? А между тем и они, и составившие рассказ о них были, говорят, способны – первые изобретать и совершать чародейства, последние – прикрывать ложь вероятностью рассказа. Но все бывает напрасным и тщетным, когда предмет рассказа гнил и ложен; равно как, когда он крепок и истинен, напрасным и тщетным бывает опять все придумываемое врагами для его опровержения, потому что сила истины не нуждается ни в какой помощи, и, хотя бы тысячи угашали ее, она не только не исчезает, но чрез тех самых, которые стараются повредить ей, выступает блистательнее и

возвышеннее, посмеиваясь над неистовствующими и тщетно изнуряющими самих себя.

События наши, которые вы называете вымыслом, старались опровергнуть и тираны, и цари, и непобедимые на словах софисты, даже философы, и чародеи, и волхвы, и демоны, – *"и ослабел, – по слову пророческому, – язык их, и раны от них – (то же, что) стрелы младенцев»* (Пс.63:8–9). Цари получили только ту выгоду от козней против нас, что приобрели себе у всех славу свирепости; в ярости против мучеников увлекшись до жестокости противоестественной, они бессознательно подвергли себя бесчисленным порицаниям. А философы и искусные риторы, пользовавшиеся у большинства великой славой, одни за (свою) почтенность, а другие за красноречие, после борьбы с нами сделались смешными и стали считаться нисколько не лучшими болтающих попросту детей. Из столь многих племен и народов они не смогли переубедить ни мудрого, ни глупого, ни мужчины, ни женщины, ни даже малого дитяти, а написанное ими так смешно, что и самые книги их давно уничтожились, большая же часть, как только появились, уже и исчезли. Если же где и находится что-нибудь сохранившимся, то находят это сохранившимся у христиан, – так далеки мы от того, чтобы опасаться вреда какого-либо от их козней, так посмеиваемся великой изысканности их ухищрений! Как не боялись бы мы – впрочем и показали мы это, – если бы у нас были тела адамантовые и нетленные, брать руками скорпионов, змей и огонь, так и теперь, когда Христос так настроил нам души и веру, мы не страшимся иметь при себе яды врагов. И если нам повелено попирать ногами змеев, скорпионов и всякую тиранию дьявола, то тем более червей и жуков, а таково различие между вредом от них и кознями лукавого демона.

3. Таковы наши дела; а что касается до ваших, то против них никто никогда не воевал, так как непозволительно христианам ниспровергать заблуждение принуждением и насилием, но (заповедано) – убеждением, словом и кротостью совершать спасение людей. Поэтому ни один царь из принявших учение Христово не издавал против вас таких

указов, какие выдумали против нас служившие учению демонов. Однако, наслаждавшееся таким спокойствием и никогда никем не тревожимое заблуждение языческого суеверия само собой угасло и само собой распалось, подобно тому, как тела, подвергшиеся продолжительной чахотке, не испытывая ни от кого вреда, сами собой тлеют и, разлагаясь, мало по малу уничтожаются. Так, хотя этот сатанинский смех еще не совсем истреблен с земли, но и то, что уже совершилось, достаточно для того, чтобы уверить вас и касательно будущего. Когда большая часть уже разрушена в такое короткое время, то никто не подымет спора об остальном. Когда город взят, и стены разрушены, и места совещаний, зрелищ и гуляний сожжены, и все взрослые умерщвлены, тогда никто, при виде полусожженных портиков и стоящих еще частей немногих зданий, со старухами и малыми детьми, не станет спорить с победителем, преодолевшим большее, что будто бы он не может сделать остального. А дела рыбарей не таковы, но процветают с каждым днем, хотя достигли они нашего времени не на свободе и в спокойствии, а среди скорби, преследований и борьбы. Язычество, распространенное по всей земле и владевшее душами всех людей, после такой силы и возрастания, так наконец разрушено силой Христовой; а наша проповедь не тогда стала иметь врагов, когда везде распространилась и утвердилась, но прежде, чем укрепилась и укоренялась в душах слушателей, с самого начала должна была противостоять всей вселенной, *«против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы»* (Еф.6:12), потому что, когда еще не разгорелась хорошо искра веры, потекли на нее реки и бездны со всех сторон. А вы знаете, что не все равно, вырывать ли растение, укоренившееся множеством лет, или только что посаженное в землю. Но и при таком положении дел, хотя, как я сказал, эту еще малую искру благочестия затопило море противников, она не только не погасла от него, но, становясь больше и светлее, скоро проникала всюду, легко разрушая и истребляя дела врагов, а дела своих возвышая и поднимая до неизреченной высоты, не смотря на то, что ей служили люди

незначительные и неизвестные. Причиной же этого были не речи и чудеса рыбарей тех, но действовавшая в них сила Христова. В числе совершавших это один был скинотворец – Павел, а Петр – рыбарь; таким простым и уничиженным людям никогда не пришло бы и выдумать что-нибудь подобное, разве только кто скажет, что они с ума сошли и безумствовали. Но что они не безумствовали, ясно как из того, что они совершили словами, так и из того, что еще и ныне верят им. Так никогда не лгали и так просто не хвалились. И, как я сказал вначале, кто хочет обмануть, тот конечно лжет, но лжет не так, чтобы это было явно для всех. Если и по совершении событий, когда свидетельствуют о достижении цели столь многие, частью уверовавши и в те времена, частью в последующее время повсюду прославляя это, не только у нас, но и у варваров, и у людей еще более диких, – находятся все-таки иные, которые после столь многих доказательств и после, так сказать, свидетельства целой вселенной, не верят этим событиям, и притом многие без всякого испытания и исследования – то кто вначале, не видев таких дел и не имея достоверных о них свидетельств, принял бы душой эту веру? Да что вообще и побудило бы апостолов выдумать и составить нечто подобное? Не полагались же они ни на силу слова (как и полагаться, если иной из них совсем не знал и грамоты?), ни на обилие богатства, так как они едва имели необходимую пищу и оба жили трудом рук своих. Не кстати им было высокоумствоваться и по знаменитости рода, так как об отце одного из них мы даже не знаем, кто он был, – до того он был незнатен и неизвестен, а Петров отец, хотя известен, но имеет только то преимущество пред другим, что Писание сделало лишь известным для нас его имя, и то ради сына. Если же кто захочет узнать страну и народ, то найдет, что один киликиянин, а другой гражданин незнатного города, или лучше не города, а последнего селения – Вифсаиды; так называется местечко в Галилее, из которого происходил этот блаженный. А кто услышит и об их ремеслах, то увидит, что и в них не было ничего великого и важного, так как хотя скинотворец почтеннее рыбаря, но ниже остальных ремесленников. Откуда же, скажи мне, откуда взяли они

смелости разыграть такую сцену? Какими воодушевлялись они надеждами? На что полагались? Не на удочку ли и крючок, или на нож и шило? Не удавитесь ли сами вы, где-либо вдали, или не броситесь ли в пропасть, навлекая на себя упрек в таком безумии?

4. Но, если хотите, положим по вашему, что и невозможность эта стала возможна, что один, пришедши с озера, говорит: тень моего тела воскрешает мертвых; а другой, убежав от кож скинотворческой швальни, хвастает тем же самым относительно своих одежд: кто из слушающих это был бы так безумен, чтобы в таких делах поверить голым словам? Почему же никто из художников того времени никогда не говорил о себе ничего подобного, или кто-нибудь другой об нем? А если бы наши чудеса были вымыслом, то естественно было ожидать, что жившие после апостолов легче стали бы лгать подобным же образом. Они не имели пред собой примера других, чтобы надеяться на успех вымысла; а жившие после них, глядя на них, скорее решались бы на вымысел, когда пример первых побуждал бы вторых действовать смело, как будто на земле нет никого имеющего ум, но все пришли исступление и безумие, и как будто всем желающим возможно и говорить о себе, что угодно, и находить этому веру. Пусты, смешны и свойственны языческой глупости такие речи. Как, если бы кто-нибудь вздумал стрелять в небо, чтобы рассечь его своими стрелами, или вычерпывать океан, чтобы опустошить его своими руками, то каждый из образованных стал бы смеяться над ним, а более степенные и оплакали бы его обильными слезами; так точно и когда язычники возражают нам, можно и смеяться над ними и плакать, потому что они берутся за дела гораздо более трудные, нежели тот, кто надеется ранить небо и исчерпать бездну. Свет никогда не будет мраком, пока он свет; и истина наших дел не будет опровергнута, потому что она – истина, а сильнее ее нет ничего. Итак, всякий не сошедший с ума и не безумный согласится, что и древнее, известное нам по слуху, достоверно не менее настоящего и видимого нами; а чтобы еще более возвысить нашу победу, я хочу рассказать об одном дивном событии, совершившемся при нашем поколении.

Но не смущайтесь, если я, обещаясь рассказать о чуде, бывшем при нас, начну рассказ повествованием из древней истории, потому что я не остановлюсь на нем только одном и не о таком древнем буду говорить, которое чуждо новейшему событию: оба они имеют отношение между собой и разрывать последовательность их нельзя, как вы сами хорошо узнаете, выслушав самые события.

5. При наших предках был один царь; я не могу говорить, каков был этот царь в остальном, но, услышав о злодеянии, на которое он дерзнул, вы поймете, как и в остальном был жесток нрав его. Какое же было это злодеяние? Один народ, воевавший с этим царем, решился прекратить войну, чтобы и других не убивать и самим больше не быть убиваемыми от других, освободиться от хлопот, опасностей и страха, довольствоваться своим состоянием и не искать ничего большего, так как лучше без опасения наслаждаться умеренным, нежели стремясь к большему, быть всегда в страхе и трепете, всю жизнь делать зло другим и себе получать (то же) от других. Итак, решившись прекратить войну и жить спокойно, они надумали скрепить это благо твердым договором и надежными условиями. И заключив договор и обменявшись клятвами, старались сверх того убедить своего царя, что если бы он отдал своего сына, совсем еще ребенка, надежным залогом мира, то внушил бы прежним врагам своим уверенность и доставил им доказательство собственного настроения, – что искренно он заключает мир с ними. Такими речами они убедили его и царь отдал своего сына, как думалось ему, друзьям и союзникам, но, как показал конец, свирепейшему из всех зверю. Взяв по закону дружбы и договора это царское дитя, враг все разом пограл и ниспроверг – и клятвы, и условия, и стыд пред людьми, и благоговение пред Богом, и жалость к возрасту; ни юность отрока не смягчила этого зверя, ни следующий за такими преступлениями суд не устрасил этого дикаря, не повлияли на него и слова отца, отдавшего сына, которыми тот, вручая сына, вероятно просил его, умоляя содержать его с великой заботливостью, называя его отцом дитяти и убеждая воспитывать и содержать его так, как бы он

сам родил его, и сделать его достойным благородства своих предков, и при этих словах вложив правую руку сына в правую руку убийцы, и потом расставшись со слезами. Ни о чем потом не думал этот злодей, но вдруг, выбросив все из души своей, совершает убийство, преступнейшее из всех убийств. Подлинно, такое злодеяние хуже и детоубийства; свидетелями вы сами, которые, – если только по моим чувствам можно заключать о ваших, – не столько скорбели бы, если бы услышали, что он убил собственного сына, так как тогда казались бы ниспровергнутыми вместе с общественными законами и законы природы, а здесь вместе сошлось многое, что своим множеством преодолевает и естественное влечение. Когда я представляю себе мальчика, не сделавшего другому никакого зла, отданного отцом, отторгнутого от прародительского царства, променявшего собственную роскошь, славу и честь на жизнь в чужой стране, для того чтобы злодею можно было быть уверену в твердости договора, и потом подвергшегося дурному от него обращению, лишившегося для него домашних удовольствий и наконец убитого им, то я испытываю противоположные чувствования, душевное томление и досаду, из которых одно происходит от гнева, а другое от скорби. А когда я представляю себе, как этот злодей вооружается, поднимает меч, берет юношу за шею, и той самой рукой, которой принял залог, вонзает в нее меч, то я рвусь и задыхаюсь от гнева. Опять же когда посмотрю на юношу, испугавшегося и трепещущего, испускающего последние вопли, призывающего своего отца и называющего его виновником этого, приписывающего убийство не тому, кто вонзает ему меч в горло, но своему родителю, не имеющего возможности ни убежать, ни отмстить за себя, но тщетно укоряющего своего отца, и наконец принимающего удар, от которого он содрогается, бьется на полу и обагрят землю потоками крови, тогда терзается моя внутренность, помрачается ум и какая-то густая мгла скорби разливается в глазах. Но этот зверь не чувствовал ничего такого, а как будто намеревался нарезать ягненка или теленка, так относился и к этому гнусному убийству. И когда мальчик, получив удар, лежал мертвым, убийца после

преступления вновь начинает борьбу, стараясь последующим затаить прежнее. Может быть, кто подумает, что я скажу о погребении, или о том, что после убийства он не дал убитому и клочка земли; нет, я скажу о другом, еще более дерзком. Обагрив незаконные свои руки такой кровью и совершив эту новую трагедию, этот бесстыдник, жестокий более самых камней, как будто не совершив вовсе никакой дерзости, пошел в церковь Божию. Быть может, некоторые удивляются, как столь дерзкий не был поражен ударом от Бога, как Бог не послал на него свыше гром, не сжег пред входом бесстыдное лицо молнией. Но если некоторые думают так, то я хвалю их и удивляюсь их горячности, однако говорю, что в этом удивлении и похвалах есть у них не малый недостаток. Они справедливо вознегодовали на незаконное убийство отрока и на столь дерзкое оскорбление божественных заповедей; но кипя гневом, не столько рассмотрели, сколько нужно увидеть. На небесах есть другой закон, много высший этого правосудия. Какой же это закон? Тот, чтобы на грешников не тотчас посылать наказание, но давать преступнику время и срок очиститься от грехов и посредством покаяния сравняться с теми, которые не совершили никакого зла, что именно и тогда показал Бог на этом злодее, хотя он не получил никакой пользы, но остался неисправимым. Человеколюбивый Господь, и это предвидевший, все-таки не презрел его, не оставил делать свое дело, а Сам и посетил больного и соделал, что было нужно для его выздоровления; но тот не захотел принять лекарство, а убил и врача, посланного к нему. Лекарство же и способ лечения были таковы.

6. В то время, когда дерзко совершалась эта бесчеловечная и жалкая драма, случилось, что нашей паствой управлял один великий и дивный человек, если только нужно называть его человеком; имя ему было Вавила. Этот человек, которому вверена была тогда здешняя Христова Церковь, благодатью Духа, не скажу – превосходил Илию и подражателя его Иоанна, чтобы не сказать слишком много, но достиг того, что нисколько не уступал в дерзновении этим доблестным мужам. Не тетрарха немногих городов, не царя одного народа, но того, который

владел большей частью всей вселенной, этого самого человекоубийцу, который обладал многими народами, многими городами и бесчисленным войском, и был страшен везде как по величию своей власти, так и по дерзости своего нрава, он отлучил от церкви, как низкого и недостойного вовсе уважения невольника с такой твердостью и с таким бесстрашием, с каким пастух отделил бы от стада паршивую и больную овцу, препятствуя переходу болезни от больной на прочих. Он сделал это, подтверждая на деле слово Спасителя, что раб только тот, кто совершает грех, хотя бы он имел на голове своей тысячи венцов, хотя бы казался владыкой всех людей на земле; а кто не сознает за собой ничего худого, тот, хотя бы считался в ряду подданных, царственнее всех царей. Таким образом подначальный распоряжался начальником, и подчиненный судил владеющего всеми и произносил осуждающий его приговор. А ты, слыша это, не пропускай сказанного без внимания: уже это известие, что царя изгнал из преддверия храма некто из подчиненных его власти, само по себе достаточно для того, чтобы возбудить и поразить душу слушателей. Если же хочешь в точности понять все это дивное событие, то не слова голые слушай, но представь себе копьеносцев, щитоносцев, военачальников, вельмож, живущих в царских чертогах и поставленных над городами, пышность предшествующих, множество сопровождающих, скороходов, всю остальную свиту; потом среди них самого (царя), идущего с великой надменностью и кажущегося еще более величественным от одежд, багряницы и драгоценных камней, покрывающих всю правую сторону и застежку хламиды и блистающих от диадемы на самой голове. Но не останавливай на этом свою картину, а представь далее себе и раба Божия, блаженного Вавилу, смиренный его вид, простую одежду, сокрушенную душу и ум чуждый дерзости. И тогда, нарисовав и противопоставив так их обоих, ты хорошо поймешь это дивное событие, или – лучше сказать – и тогда ты не во всей точности воспримешь его: этого дерзновения не может представить никакое слово, ни зрелище, но один только опыт и применение его. Твердость этой доблестной души может хорошо понять

только тот один, кто сам может достигать одинаковой с ним высоты дерзновения. Как подошел старец? Как он растолкал копыеносцев? Как открыл уста? Как говорил? Как обличал? Как положил правую руку на грудь, еще пламеневшую гневом и дышавшую убийством? Как отлучил человекоубийцу? Ничто из происшедшего тогда не устрашило его и не удержало от намерения. О, непреклонная душа и высокий ум! О, небесные помыслы и ангельская твердость! Как будто все то великолепие он видел только написанным на стене, – так невозмутимо совершал все это доблестный муж! Он наставлен был божественным учением, что все предметы мира суть тень и сновидение, и даже ничтожнее их. Посему ничто подобное не устрашило его, но еще более ободряло; то зрелище видимого переносило душу его к вышнему Царю, сидящему на херувимах и видящему бездны, к престолу славному и высокому, к воинству небесному, к мириадам ангелов, к тысячам архангелов, к седалищу страшному, к судилищу нелицеприятному, к реке огненной, к самому Судии. Поэтому, переселив всего себя с земли на небо, как бы предстоя тому Судии и слыша Его повеление изгнать из священной паствы преступника и злодея, – он изгнал его и отлучил от прочих овец и не обращал внимания ни на что видимое и кажущееся страшным, но, весьма мужественно и благородно отлучив его, защитил оскорбляемые им законы Божии. Какой же, должно ожидать, смелостью отличался он в отношении к остальным? Тот, кто с такой властью относился к царю, кого из прочих побоялся бы? Я предполагаю, или – лучше – не предполагаю, а уверен, что этот муж никогда ни делал, ни говорил ничего в угождение или по вражде, но и в отношении к страху, и в отношении к более сильному – к лести, и в отношении ко всему подобному, чего много между людьми, оставался доблестным и мужественным, и никогда ни мало не нарушал правого суда. И если *«одежда и ослабление зубов и походка человека показывают свойство его»* (Сир.19:27), то гораздо более подобные подвиги достаточно могут показать нам всю добродетель остальной жизни; и нужно удивляться в нем не только смелости, но и тому, что он простер смелость до такой

степени, и тому, что с другой стороны отнюдь не довел ее до излишества.

7. Такова мудрость Христова: она не позволяет ратоборствовать ни слишком мало, ни слишком много, но во всем соблюдает соразмерность. Между тем св. Вавила мог бы, если бы захотел, пройти и дальше. Тому, кто отказался от жизни (а он и не начинал бы дела, если бы не вооружился такими мыслями), – свободно можно было сделать все, и осыпать царя оскорблениями, и сорвать с его головы диадему, и нанести удары в лицо, когда уже положил свою руку на его грудь. Но он не сделал ничего такого: его душа была проникнута духовной солью, почему он и не делал ничего тщетно и напрасно, а все с правильным разумным суждением и здравым расположением, не так, как мудрецы языческие, которые никогда не бывают дерзновенными в меру, а всегда, так сказать, или больше или меньше надлежащего, так что никогда нельзя приписать им мужества, но всегда неразумные страсти: или робость, когда они недостаточно смелы, или, когда они преступают меру, то все замечают в них надменность и тщеславие. Но не так этот блаженный: он не просто пришедшее на ум делал, но, все тщательно разобрав и сообразив свои мысли с законами божественными, потом и приводил их в исполнение. Посему он не на поверхности только делал надрез, чтобы не осталась большая часть пораженного болезнью, но и не глубже надлежащего, чтобы излишеством разреза опять не повредить здоровья, но, сообразив разрез с болезнью, производил превосходное врачевание. Поэтому я смело могу сказать, что он был чист и от гнева, и робости, и гордости, и тщеславия, и вражды, и страха, и лести.

А если надо сказать и нечто странное, то я удивляюсь этому блаженному не столько за то, что он решился противостоять ярости властителя, сколько за то, что понял, в какой мере надо было это сделать, и ничего лишнего ни сделал, ни сказал. Что последнее удивительнее первого, можно видеть из того, что многие первого достигли, а последнего не могли сделать, так как просто быть дерзновенным свойственно часто и обыкновенным людям, но чтобы оказывать себя таким сколько

должно, в надлежащее время, с приличной соразмерностью и с благоразумием, для этого требуется душа весьма великая и дивная. Так и Семей весьма сильно порицал блаженного Давида и назвал его убийцей ([2Цар.16:7](#)); но я не могу назвать этого дерзновением, а – невоздержностью языка, дерзостью ума, необузданностью, неразумием, всем скорее, нежели дерзновением. Я думаю, тому, кто хочет быть обличителем, должно как можно дальше отклонять душу свою от дерзости и гордости и показывать силу свою только в сущности слов и дел. Так и питомцы врачей, когда им нужно разрезывать загноившиеся члены, или остановить в них воспаление, приступают к врачеванию, не приводя себя наперед в гнев, а напротив тогда особенно и стараются сохранить ум свой в надлежащем спокойствии, чтобы его смущение не повредило их искусству. Если же тот, кто хочет лечить тело, имеет нужду в таком спокойствии, то врачующего души, в какое, скажи мне, поставим мы состояние и какого потребуем от него любомудрия? Очевидно, гораздо большего, такого, какое показал этот доблестный мученик. Он, как бы полагая нам некоторые правила и законы, чтобы от них нам и в остальном заимствовать соразмерные указания, так отверг того несчастного от священной ограды. И по-видимому, один подвиг совершен был; но если кто вникнет в него и тщательно рассмотрит со всех сторон, то найдет в нем вместе еще и другое и третье доброе дело и великое сокровище пользы. Хотя изгнанник тогда был один, но пользу через него получили многие. В подвластной тирану области (а это была большая часть вселенной), – все неверующие были поражены и удивились, узнав, какое дерзновение сообщает Христос рабам Своим, осмеивали свое раболепство, неволю и унижение, видели, сколько различия между благородством христиан и постыдным состоянием язычников. У них те, которым вверено попечение о храмах, служат больше царям, нежели богам и идолам, и из страха к ним сидят при своих истуканах, так что злые демоны царям обязаны благодарностью за оказываемую им честь. Как скоро случится кому-нибудь, не разделяющему их образа мыслей, достигнуть этой власти, то всякий, входящий в

идольские храмы, увидит по стенам везде растянутые ткани пауков и пыль, лежащую на истукане в таком количестве, что не видно ни носа, ни глаза и никакой другой части лица; а из жертвенников от одних остаются только остатки, большая же часть разрушена, другие же со всех сторон окружает такая высокая трава, что незнающий может принять видимое им за кучу сора. Причиной же то, что прежде им можно было воровать, сколько хотели, и кормиться посредством служения истуканам, а теперь для чего они станут мучить себя? Сидя при идолах и изнуряясь, они не ожидают от них никакой награды, потому что это – дерево и камни, побуждение же оказывать идолам притворное служение, т. е. честь от властителей, уничтожилось, когда цари сделались благоразумными и стали поклоняться Сыну Божию.

8. Не так бывает у нас, а совершенно напротив. Когда восходит на царский престол кто-нибудь, согласный с нами в исповедании Бога, тогда христиане бывают более равнодушны к своим делам: так далеки они от того, чтобы укрепляться человеческими почестями; а когда получит власть человек нечестивый, везде преследующий нас и подвергающий бесчисленным бедствиям, тогда наше положение становится превосходным и более блистательным, тогда время доблестей и трофеев, тогда случай достижения венцов, похвал и всякого отличия. Если же кто-нибудь скажет, что и теперь есть города, оказывающие такое же суеверие в безумном почитании идолов, то во-первых насчитает немного и небольших, а кроме того и не ослабит этим наших слов. Предмет тот же, только вместо царя жители города воздают им такую же честь; и причина служения – пирушки, попойки вседневные и всенощные, флейты и тимпаны, срамные без всякого стыда речи, и еще более срамные дела, лопание от обжорства, неистовствование от пьянства и впадение в постыднейшее бешенство; этими позорными издержками поддерживается еще и сохраняется падающее заблуждение. Богатейшие, собирая людей, которые из-за бездельничания мучатся голодом, содержат их в виде паразитов и собак, питающихся от стола, набивают бесстыдное чрево их остатками от незаконных пирушек, и пользуются ими

так, как хотят. А мы, раз навсегда возненавидев ваше безумие и беззаконие, не кормим людей, живущих в праздности и потому необходимо страдающих от голода, но убеждаем их трудами доставлять содержание и себе и другим; тем, которые увечны телом, мы позволяем пользоваться только необходимой пищей от людей достаточных; а пирушки, попойки и всякое остальное безумие и бесстыдство у нас изгнаны, и вместо этого введено, *«что только честно, что чисто, что справедливо, что достославно, что только добродетель и похвала»* (Флп.4:8). И все прочее, что хвастливо рассказывают о бывших у них философах, доказывает их тщеславие, дерзость и свойства детского ума. У нас никто не заключал себя в бочку и не расхаживал по площади, одевши рубище. Такие действия, хотя кажутся удивительными и сопряжены с великим трудом и крайними страданиями, но не заслуживают никакой похвалы. Вот злоба дьявола: служащих ему он предаёт таким трудам, которые и мучат оболщенных и делают их смешными больше всех, так как труд, не приносящий никакой пользы, не заслуживает никакой похвалы.

И ныне есть люди испорченные и исполненные бесчисленных пороков, которые показывают гораздо больше того философа: одни из них глотают острые отточенные гвозди, другие жуют и проглатывают подошвы, иные решаются на дела и этих ещё худшие; но хотя подобное гораздо удивительнее бочки и рубища, мы не одобряем этого, равно как и того, а наравне с тем философом порицаем и оплакиваем и их и всех, понапрасну совершающих подобные прельщения. Но он показал великое дерзновение пред царем? Посмотрим и великое это дерзновение, не пустее ли и оно прельщения с бочкой. Какое же дерзновение? Когда, македонянин шел на персов и ставши пред ним побуждал объявить, не имеет ли он в чем нужды, то он отвечал: ни в чем, кроме того, чтобы царь не затенял его, так как философ грелся тогда на солнце. Вы не стыдитесь? Не закрываетесь? Не уходите зарыться где-нибудь в землю, превозносясь тем, чего следовало бы стыдиться? Не гораздо ли было бы лучше, надев на себя одежду взрослого, быть деятельным и попросить тогда у царя чего-нибудь полезного,

нежели сидеть в рубище и греться, подобно маленьким грудным детям, которых мамы, вымыв и намазав, кладут для того же, для чего сидел тогда и философ, прося себе милости, какой могла бы просить жалкая старуха? Но, может быть, удивительно его дерзновение? Напротив, ничего нет страннее его. Хорошему человеку нужно все делать для общей пользы и для исправления жизни других; а просьба о том, чтобы не заслоняли солнца, спасла ли какой город, какой дом, какого мужчину, какую женщину? Покажи пользу от этого дерзновения, как мы показали ее относительно мученика и в последующем покажем ее еще яснее.

9. Между тем (св. Вавила) наказал беззаконника, – настолько, насколько можно священнику наказать, – обуздал высокомерие начальствующих, охранил от колебания законы Божии, совершил отмщение за убитого злобно юношу, отмщение самое тяжелое из всех для имеющих ум. Вы, конечно, помните, как в то время, когда я говорил об убийстве, каждый из слушателей воспламенялся, желал взять злодея в свои руки. и молился, чтобы откуда-нибудь явился мститель за убийство. Это и сделал тот блаженный и наложил на него наказание, приличное и достаточное для его вразумления, если бы он не был совершенно бесчувственным; не просил он царя отступить и не заслонять согревавшее его солнце, но бесстыдно вторгавшегося в священную ограду и все приводившего в смятение отогнал от дворов Господних, как какого-нибудь пса и раба непотребного. Видишь ли, что не хвастаясь говорил я, доказывая, что дивные дела ваших философов – он обличил как дела детского ума? Но, скажешь, тот синопянин (Диоген) был и целомудрен, и жизнь проводил в воздержании, не вступал даже и в законный брак. Прибавь же: как и каким образом? Но ты не прибавишь этого, а охотнее лишишь его похвал за целомудрие, нежели скажешь, каково было его целомудрие: так оно было гнусно и полно великого срама. Я мог бы указать на болтовню и других, на их пустые и постыдные дела; в каком отношении полезно, скажи мне, питаться человеческим семенем, как делал стагирит (Аристотель)? Какая польза смешиваться с матерями и сестрами, как установил вождь

стоической философии (Зенон)? И о начальнике академии и его учителе и о других, которых еще более почитают, я доказал бы, что они постыднее и этих, и педерастию, которую они считают чем-то почтенным и относящимся к любомудрию, я раскрыл бы, сняв всякое иносказание, если бы наше слово не вышло слишком длинным, и не поспешало к другому предмету, и если бы не обличались достаточно и по одному смешные стороны всех их.

В самом деле, когда главный из них, которого философия была, по-видимому, строже и по свободе речи и по воздержанию, является столь постыдным, нелепым и неумеренным (говорил же он, что питаться человеческой плотью дело безразличное), то какие у нас будут еще разговоры с остальными, если стоявший во главе этого занятия и блиставший больше прочих оказался для всех столь смешным, незрелым и неразумным? Возвратимся поэтому к тому, от чего мы отступили, заведя речь об этом. Блаженный таким образом обуздал неверных, а верных сделал более благоговейными, не только частных людей, но и воинов, и военачальников, и градоначальников, показав, что и царь, и последний из всех у христиан суть только одни имена, и что носящий диадему будет ничем не лучше самого последнего, когда он должен быть обличен и наказан. Кроме того он заградил уста всем тем бесстыдникам, которые говорят, что у нас все хвастливые вымыслы, показав на деле апостольское дерзновение и научив, что и в древности без сомнения были такие же мужи, когда проявление знамений давало им еще большую власть. Есть и третий немаловажный подвиг: у имеющих впоследствии священствовать и царствовать – у последних он смирил умы, а у первых возвысил, показав, что получивший священство есть более властный блюститель над землей и над совершающимся на земле, нежели носящий багряницу, и что надобно не уменьшать величие этой власти, но скорее отказываться от жизни, нежели от прав, которые Бог свыше уделил в жребий этой власти. Умерший таким образом мог бы и по смерти приносить пользу всем, а покинувший свой пост не только по смерти не приносит никому пользы, но и при жизни делает

большую часть подвластных ему более слабыми, и у внешних становится предметом презрения и посмеяния. Отшедши же отсюда, он с великим стыдом и унижением предстанет престолу Христову, а оттуда опять повлекут его в печь приставленные к тому силы. Посему некое мудрое слово и увещевает: *«не будь лицеприятен против души твоей»* (Сир.4:26). Если же не безопасно лицемерить, когда обижают человека, то какого наказания не будет достоин тот, кто молчал и не обращал внимания, когда были оскорбляемы законы божественные? Вместе с этим он преподавал и еще иной добрый урок, не меньший тех, – что каждый должен делать свое дело, хотя бы никто не получал от того пользы. И он сам тогда не принес никакой пользы царю своим дерзновением, однако исполнил все свое дело и не опустил ничего.

Но больной по собственному безумию погубил искусство врача, с великим гневом отняв лекарство от раны. Точно для нечестия недостаточно было убить и бесстыдно вторгнуться в храм Божий, – он к убийству прибавил другое убийство, как бы стараясь превзойти первое вторым и вместе затмить предшествовавшие страдания чрезмерностью последующих (таково-то неистовство диавола, – что он соединяет и противоположное), и через это обоим этим убийствам он дал ту особенность, что между ними есть некоторое соответствие. Первое убийство, т. е. отрока, более второго жалко; а второе, т. е. блаженного Вавилы, более первого преступно. Душа, однажды вкушившая греха и пришедшая в бесчувственное состояние, более и более увеличивает свою болезнь. Как искра, упавшая в огромный лес, тотчас зажигает попавшееся ей, но не останавливается на одном только этом, а распространяется и на все прочее, и чем более обнимает своим пламенем, тем большую приобретает силу для истребления остального, так что множество объятых огнем деревьев бывает как бы засадой для имеющих быть объатыми, оттого что пламя в охваченном всегда находит оружие против остающегося еще, – такова и природа греха: когда он займет помыслы чьей-нибудь души и не будет никого, кто прекратил бы это зло, то, простираясь далее, он становится более тяжким и трудноистребимым; поэтому-то

грехи последующие часто бывают упорнее прежних, так как душа от прибавления последующих более и более надмевается гордостью и презрительностью, и через это собственную силу ослабляет, а силу греха питает. Так многие, сами того не замечая, впадали в грехи всякого рода, потому что не погашали начинавшегося пламени. Так и этот несчастливец прибавил к прежним грехам другие, более тяжкие. После того, как погубил того юношу, он от убийства устремился к оскорблению храма, а отсюда опять идя далее этим путем, вооружился безумно против священства, и связав святого железными узами и ввергнув в темницу, таким образом мстил ему, подвергая его наказанию за благодеяние, и за что должно было прославить его, увенчать и почитать более родителей, за то заставил его терпеть узы злодеев, подвергая страданию от этих уз.

10. Таким образом, как я сказал, грех, начавшись и не имея никого, кто препятствовал бы ему идти далее, становится неукротимым и неудержимым, подобно бешеным коням, которые, выкинув изо рта удила и сбросив всадника с хребта своего навзничь, бывают неудержимы для встречающихся, и, когда никто не останавливает их, в беспорядочном стремлении несутся в пропасть. Враг нашего спасения для того и приводит такие души в неистовство, чтобы, захватив их в отсутствие врачей, погубить и подвергнуть бесчисленным бедствиям. Так и больные телом, доколе позволяют врачам приходить к ним, имеют много надежды на выздоровление; но когда, впав в сумасшествие, начинают бить и кусать тех, которые хотят излечить их от болезни, тогда делаются неизлечимо больными, не по свойству болезни, а по отсутствию тех, которые могли бы избавить их от бешенства. В такое состояние привел себя и этот (царь): встретив врача, который хотел исцелить его рану, он тотчас прогнал его и отвел как можно дальше от своего дома. Здесь можно было событие с Иродом не только узнать по слуху, но и видеть глазами в большем объеме, так как диавол опять вывел его на зрелище жизни, только с большей торжественностью и обстановкой, на место тетрарха поставив царя и вместо одной вины давши делу двойное содержание, много более притом гнусное, сравнительно с первой, так что не

по числу только, но и по самому свойству действий эта трагедия стала более блестящей. Не брак здесь оскорблялся, как там, и не из незаконного смешения лукавый сплел это происшествие, но из преступнейшего осквернения детоубийством, из жесточайшего насилия и из беззакония, не в отношении к жене, но к самой святыне. Брошенный таким образом в темницу, блаженный радовался узам своим, но скорбел о гибели того, кто связал его. Ни отец, ни воспитатель, когда приобретают известность вследствие пороков и неудач – первый своего сына, а второй ученика, не испытывают от этой известности чуждого печали удовольствия. Поэтому и блаженный Павел говорил коринфянам: *«молим Бога, чтобы вы не делали никакого зла, не для того, чтобы нам показаться, чем должны быть; но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть»* (2Кор.13:7). Так и для этого дивного мужа вожденнее наград за узы было тогда спасение ученика и то, чтобы ученик, вразумившись, лишил его этих похвал, или лучше, чтобы он вовсе не впадал в такую развращенность. Святые не хотят, чтобы венцы им сплетались из чужих несчастий; если же не хотят из чужих, то тем более из несчастий, случающихся со своими. Потому и блаженный Давид после трофеев и победы сетовал и плакал, так как эта победа соединена была с несчастьем его сына; и отправлявшимся военачальникам заповедал многое в защиту этого мятежника, желавших убить его удерживал, говоря: *«сберегите отрока Авессалома»* (2Цар.18:5), и, когда тот пал, оплакивал его и с стонами и горькими слезами призывал своего врага.

Если же плотский отец так чадолюбив, то тем более духовный. А что духовные отцы попечительнее отцов плотских, послушай Павла, который говорит: *«Кто изнемогает, с кем бы и я не изнемогал? Кто соблазняется, за кого бы я не воспламенялся»* (2Кор.11:29)? Впрочем здесь представляется нам равенство; хотя (плотские) отцы едва ли могут произносить такие слова, но допустим, что они достигают и до этого, – а нам нужно доказать нечто большее. Чем же мы докажем это? Тем же опять сердцем и словами законодателя (Моисея). Что же говорил тот? *«Прости им грех их, а если нет, то изгладь и*

меня из книги Твоей, в которую Ты вписал» (Исх.32:32). Ни один отец, которому можно наслаждаться бесчисленными благами, не пожелал бы подвергнуться наказанию вместе с детьми; но апостол, как живший под благодатью, и такую любовь еще усиливает ради Христа. Он желал не вместе с другими подвергнуться наказанию, как тот, но молился о своей гибели ради того, чтобы другим удалось спастись, говоря: «я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих, родных мне по плоти» (Рим.9:3). Таково благосердие и сострадание в душах святых! Поэтому и св. Вавила более и более терзался в сердце, видя, что царь идет далее и далее к гибели. И что делал он, делал не только страдая за храм, но и по чувству любви к царю, потому что кто наносит оскорбление служению Божию, тот несколько не вредит ему, а на себя навлекает бесчисленные бедствия.

11. Посему этот чадолюбивый отец, видя, что наглец в ярости стремится в пропасть, старался удержать его безумное стремление, как какого-нибудь необузданного коня, поспешая укоризной оттолкнуть его назад. Но тот несчастный не допустил этого; а, закусив удила и сопротивляясь, предавшись гневу и бешенству вместо правых помыслов, бросился в бездну крайней гибели; выведя святого из темницы, он приказал отвести его связанным на смерть. Действительно совершавшееся было противоположно тому, что было видимо. Связанный разрешался разом от всех уз и железных и тех, которые еще крепче, т. е. от забот и трудов, и от всего прочего, окружающего нас в этой тленной жизни; а тот, кто казался свободным от железа и стали, облагался другими более тяжелыми узами, связываемый цепями грехов. Итак, готовясь быть убитым, блаженный завещал, чтобы тело его погребено было вместе с железными оковами, указывая, что и кажущееся позорным, когда оно ради Христа, бывает почтенно и славно, и что испытывающему это не только не нужно скрываться, но нужно еще хвалиться этим. И в этом он подражал блаженному Павлу, который со всех сторон показывал свои язвы, узы, цепь, хвалясь и величаясь тем, чего другие стыдились. А что стыдились, это сам он сделал ясным для нас своей

защитительной речью перед Агриппой. Когда тот сказал: *«вмале мя препираеши Христианина быти»*, то Павел отвечал: *«молил убо бых Бога, и вмале и во мнозе, не токмо тебе, но и всех окрест стоящих, быти христиан, кроме уз сих»* (Деян.26:28–29); этого он не прибавил бы, если бы вещь эта не казалась для многих позорной. А святые, любя Владыку, с великим усердием принимали страдания за Владыку и становились от них более радостными. Так один говорит: *«радуюсь в страданиях моих»* (Кол.1:24); а Лука говорит это же самое о прочем хоре апостолов: после многих бичеваний они ушли, говорит, *«радуящися, яко сподобиша за имя Господа Иисуса безчестие прияти»* (Деян.5:41). Итак, чтобы кто-нибудь из неверных не подумал, будто его подвиги были следствием необходимости и унижения, он велит погребсти с телом и самые знаки этих подвигов, выражая, что они ему весьма приятны и любезны, по сильной привязанности его к любви Христовой. И теперь лежат эти узы вместе с его прахом, внушая всем предстоятелям церквей, что хотя бы надлежало быть связанными, или быть убитыми, или потерпеть что бы то ни было, все они должны переносить охотно и с великим удовольствием, дабы не предать и не постыдить вверенной нам власти ни в малейшей части. Так блистательно кончил жизнь свою этот блаженный! Может быть кто подумает, что здесь и мы окончим слово, – потому что по окончании жизни не бывает поводов к подвигам и мужеству, подобно тому, как невозможно сплести венки борцам, когда кончились состязания. Но так думать естественно язычникам, которые надежду свою ограничили настоящей жизнью; а мы, для которых здешняя смерть бывает началом другой радостнейшей жизни, далеки от такого мнения и предположения. И что – справедливо, мы яснее докажем в другом слове; пока же и деяния, совершенные доблестным Вавилой после смерти, достаточны для того, чтобы дать много веры нашему слову. После того, как он до смерти подвизался за истину, и до крови противоборствовал греху, и чтобы не оставить места, которое назначил ему великий Царь, отдал свою душу, и умер блистательнее всякого героя, его приняло небо, а тело, которое послужило ему в борьбе, приняла земля,

и таким образом тварь разделила подвижника. Он мог бы быть преложен, подобно Еноху, или восхищен, подобно Илии, которым он подражал; но Бог, человеколюбивый и дающий нам бесчисленные случаи ко спасению, вместе с прочими путями проложил нам и этот, достаточно призывающий нас к добродетели, оставив пока у нас мощи святых. И подлинно, после силы слова второе место занимают гробы святых в деле возбуждения взирающих на них душ к такой же ревности; и когда кто предстанет где-нибудь пред такой гробницей, он тотчас начинает ясно чувствовать ее действие. Вид гробницы, проникая в душу, и поражает ее, и возбуждает, и приводит в такое состояние, как будто сам лежащий в ней молится вместе, стоит перед нами и мы видим его; и таким образом человек, испытывающий это, исполняется великой ревности и уходит отсюда, сделавшись иным человеком. Всякий может убедиться, что представление об умерших возбуждается в душах живых самыми местами (их погребения), если приведет себе на память людей плачущих, которые, как скоро приблизятся к гробницам умерших, то как будто видя стоящими вместо гроба самих лежащих в гробе, тотчас от входа начинают призывать их. А многие из одержимых невыносимой печалью поселялись навсегда при гробах умерших, чего они, конечно, не делали бы, если бы не получали некоторого утешения из созерцания самых мест. Но что я говорю о месте и гробе? Часто один взгляд на одежду умерших и одно слово их, пришедшее на ум, возбуждает душу и восстанавливает слабеющую о них память. Поэтому Бог и оставил нам мощи святых.

12. А что я теперь вовсе не хвастая говорю это, но сделал это для нашей пользы, в этом достаточно удостоверяют как чудеса, каждодневно совершаемые мучениками, так и множество стекающихся к ним людей, не менее же того и доблестные дела этого блаженного, совершенные по смерти. После того, как он был погребен, как сам завещал, и прошло уже много времени после его погребения, так что в гробе остались только кости и прах, одному из последующих царей угодно было перенести гробницу в это предместие – Дафну; угодно было потому, что Бог подвинул к тому душу царя. Он,

видя, что это место попало во власть распутных юношей и находится в опасности сделаться недоступным для более почтенных и желающих жить скромно, пожалел о бедственном его состоянии и послал ему защитника от оскорблений. Бог сделал это место прекрасным и привлекательным и по обилию вод, и по красоте, и по свойству земли, и по благорастворению воздуха, для того, чтобы мы не только отдыхали здесь, но чтобы и прославляли за это превосходного Художника; а враг нашего спасения, который всегда коварно обращает дары Божии во зло, наперед заняв это место толпой развратных юношей и жилищами демонов, разгласил о нем и некоторую постыдную басню, так что через нее приятное предместье было посвящено демону. А басня была следующая.

Дафна, говорят, была девица, дочь реки Ладона; представлять же реки рождающими и превращать существа рождающиеся в бесчувственные вещи и выдумывать много подобных небылиц всегда свойственно заблуждающимся. Это-то благообразную девицу, говорят, увидел некогда Аполлон, и увидевши, почувствовал страсть к ней и в страсти погнался за ней, чтобы схватить, а она побежала и, добежав до этого предместья, остановилась; мать защитила ее от такого оскорбления, отверзла тотчас свои объятия и приняла девицу, а вместо нее произвела соименное ей растение; необдуманый любовник, потеряв предмет любви, стал обнимать дерево, присвоил себе и растение и место, сидел потом постоянно в этой местности и полюбил его и пристрастился к нему более всех мест на земле; а потом тогдашний царь повелел построить для него храм и жертвенник, чтобы демон мог утешать этим местом свое неистовство. Это – басня; но вред, происшедший от басни, уже не был басней. Так как развратные юноши раньше уже, как я сказал, осквернили красоту предместья, проводя там время в пирушках и попойках, то, желая усилить такое зло, диавол и басню эту выдумал и демона поселил, чтобы такая повесть еще более разжигала их распутство и нечестие. Для уничтожения таких зол наш царь нашел самое мудрое средство – переселить святого и послать к больным врача. Если бы повелением и властью царской был огражден путь в

предместие жителям города, это показалось бы делом насилия, или – лучше – жестокости и великой грубости; а если бы прибавлено было, чтобы приходили сюда люди более скромные и воздержные, а невоздержных и распутных не пускали бы, то это повеление было бы невыполнимо, так как нужно было бы ежедневно производить суд, разбирая жизнь каждого; присутствие же блаженного оказалось единственным превосходным выходом из этих затруднений; (царь считал) мученика достаточно сильным для того, чтобы и разрушить силу дьявола, и исправить развратность юношей, – и не обманулся в надежде. Как скоро кто приходит в Дафну и в преддверии предместия видит храм мученика, тотчас становится сдержаннее, подобно какому-нибудь юноше, увидевшему на пирушке наставника, стоящего подле и взглядом приказывающего с надлежащим благочинием и пить, и есть, и говорить, и смеяться, остерегаясь, чтобы, преступив меру, не посрамить своей чести; а сделавшись более благоговейным от этого созерцания, и представляя себе блаженного, он тотчас поспешает к гробнице, и придя туда, проникается еще большим страхом и, отвергнув всякое легкомыслие, окрыляется, и таким образом уходит. Тех, которые идут из города, мученик, встречая на пути, посылает с таким целомудрием отдохнуть в Дафне, только что не восклицая к ним такими словами: *«радуйтесь Господу с трепетом»* (Пс.2:11), и прилагая апостольское слово: *«итак, едите ли, пьете ли, или иное что делаете, все делайте в славу Божию»* (1Кор.10:31). А тех, которые по принятии пищи возвращаются в город, если им случится по рассеянности сбросить с себя узду и впасть в опьянение или неуместное невоздержание, он, приняв опять в свое пристанище нетрезвыми, не отпускает уходить домой с вредом от опьянения, но, вразумив страхом, возвращает их в то состояние трезвости, какое они соблюдали прежде, чем впали в опьянение. Подлинно, как бы легкий ветерок какой веет отовсюду на присутствующих в храме мученика, ветерок не чувственный и укрепляющий тело, но могущий проникать в самую душу, благоустрояющий ее во всех отношениях и

свергающий с нее всякое земное бремя; он оживляет ее, обремененную и падающую, и делает более легкой.

13. Красота Дафны привлекает к себе и более ленивых; а мученик, как бы сидя на ловитве и подстерегая входящих, удерживает их некоторое время, и, приведя их сперва в порядок, отпускает так, что они после уже не распутно, а честно пользуются любимым местом. Так как одни из людей по нерадению, а другие по житейским заботам не хотят приходить к гробам мучеников, то Бог устроил, чтобы они были уловляемы таким способом и получали душевное врачевание; и бывает подобное тому, как если бы кто-нибудь больного, не принимающего полезных лекарств, перехитрил, примешав к лекарству какую-нибудь сладость. Таким образом с течением времени врачуемые приходят в такое состояние, что уже не одно только удовольствие, но и любовь к святому для многих делается побуждением к путешествию в это предместие; или – лучше сказать – более скромные приходят сюда только по одному этому побуждению, менее их скромные по тому и другому, а еще более этих несовершенные приходят только для одного удовольствия; но когда они придут, то призвавший их и угостивший своими благами мученик, хорошо вооружив их, не допускает им чувствовать ничего худого. И совершаемое здесь вразумление людей рассеянных и беспечных и как бы изъятие их из среды неистовства одинаково удивительно, как если бы кто-либо, попав в печь, не потерпел от огня ничего. Когда молодость и безрассудная смелость, вино и пресыщение сильнее пламени охватывают мысли, тогда роса от блаженного, нисходя через взоры в душу взирающих, погашает пламя, останавливает пожар и орошает ум великим благоговением. Так блаженный сокрушил насилие распутства; а как он угасил силу демона? Этим самым он прежде всего сделал бездейственным и его присутствие и вред от басни, а потом изгнал и самого демона. Но прежде, чем говорить о способе изгнания, прошу вас заметить то, что он не тотчас по прибытии своем изгнал его, а остававшегося его сделал недействующим, заградил ему уста и показал его безгласнее камней; преодолеть же его остававшегося было делом не менее важным, чем и изгнать его.

Тот, кто всех повсюду обольщал прежде, не смел взглянуть и на прах блаженного Вавилы; такова сила святых: при жизни их не выносят ни теней их, ни одежд, а по смерти трепещут и гробниц! И если кто не верит делам, совершенным апостолами, тот, видя настоящее, пусть отстанет от своего бесстыдства. Тот, кто искони побеждал все у язычников, получив запрещение от мученика, как от владыки, прекратил свой лай и не издавал ни звука. Сперва, конечно, казалось, что он делает это потому, что не стал получать жертв и прочего служения. Таково именно свойство демонов, что, когда служат им смрадом жертв, дымом и кровью, то они приходят лакать, как кровожадные и прожорливые псы; а когда никто не доставляет им этого, то они как бы погибают каким-то голодом. Когда совершаются жертвоприношения и постыдные посвящения в таинства, – а таинства их суть не что иное, как непристойные любовные связи, деторастления, нарушения браков, разрушения семейств, не говорю уже на сей раз о преступных способах убийства и более убийств незаконных вечерах, – когда совершается это, тогда они присутствуют и веселятся, хотя бы совершающие это были злодеи, или обманщики, или язва (сама); а лучше – другие никто и не совершают этого служения. Человек благоразумный, кроткий и честный не станет терпеть бесчинства и пьянства, и не будет ни сам говорить срамных слов, ни слушать какого-нибудь другого такого бесстыдника. В самом деле, если бы диавол заботился о человеческой добродетели и хотя мало внимания обращал на благоденствие прилепляющихся к нему, то, конечно, не искал бы ничего, кроме хорошей жизни и чистоты нравов, и оставил бы все постыдные пиршества; но так как для демонов нет ничего дороже гибели человеческой, то и понятно, что они и услаждаются, и почитаются тем, что обыкновенно извращает нашу жизнь и истребляет все доброе с самого основания.

14. Итак сначала казалось, что и этот (демон) потому же молчит, но впоследствии был он обличен, что связан был крепкой необходимостью. Сильный страх, напавший на него, как бы какая узда, препятствовал ему употреблять против людей обычное обольщение. Откуда это известно? Не смущайтесь; я

приступаю к самому доказательству, после которого и привыкшим к бесстыдству невозможно будет с тем же бесстыдством отвергать ни древних чудес, ни силы мученика, ни слабости демона. Я не имею нужды объяснять это какими-нибудь предположениями и вероятными доводами, но представлю свидетельство об этом самого демона. Он сам нанес вам смертельный удар и пресек всю вашу дерзость в речах. Но не гневайтесь на него; не добровольно разрушил он свои дела, но сделал это вынужденный высшей силой. Как же это было и каким образом? Когда умер царь, перенесший мученика, тогда преемником этой власти объявил брата его тот, кто и первому прежде дал эту честь; впрочем и этот получает царскую власть без диадемы, потому что такая же степень власти принадлежала и умершему брату. Будучи же обманщиком и нечестивцем, он¹² сначала притворялся мыслящим по-христиански ради давшего ему власть; а когда этот окончил жизнь, то, сбросив наконец маску, он с открытой головой объявил и всем сделал известным суеверие, которого он тайно держался издавна, и послал по всей вселенной повеления возобновлять храмы идолов, восстанавливать жертвенники, воздавать старинные почести демонам и доставлять им большие доходы из многих мест. Поэтому волхвы, колдуны, гадатели, наблюдатели полета птиц и ежемесячных перемен и производители всякого волшебства стеклись отовсюду с вселенной, и можно было видеть царские чертоги наполненными людьми бесчестными и беглыми. И давно томившиеся голодом, и те которые были пойманы в приготовлении ядов и в злодеяниях, и жившие в темницах, и работавшие в рудниках, и другие, которые едва могли жить постыдными промыслами, вдруг оказавшись жрецами и иерофантами, были в большой чести. Царь удалял и ни во что ставил военачальников и правителей, а мужчин развратных и женщин блудных, выведши из домов, где они прежде жили, водил с собой по всему городу и переулкам. Конь императорский и все оруженосцы следовали позади на большом расстоянии; а содержатели блудниц и сводницы, и весь хоровод развратников, окружив царя, находившегося

среди их, ходили по торжищу, произнося такие слова и так смеясь, как свойственно людям этого ремесла. Знаем, что потомкам нашим покажется это невероятным по чрезмерности и неуместности: ведь и частный человек из людей, ведущих низкую и постыдную жизнь, не захотел бы так бесчинствовать публично. Но тем, которые еще живут, мне ничего не нужно говорить; они присутствовали и видели эти события, они же и слушают теперь этот рассказ. Я потому и описываю это пред живыми свидетелями, чтобы кто не подумал, что я лгу с великой смелостью, рассказывая о древнем перед невидавшими того. Из видевших это еще находятся в живых и старики и юноши; их всех я прошу, если что-нибудь прибавлено мной, подойти и обличить меня. Но не в прибавках они могут обличить меня, а только в пропусках, потому что невозможно представить словом всю чрезмерность его безобразия. Тем же, которые после этого не будут верить, я сказал бы, что ваш демон, которого вы называете Афродитой, не стыдится иметь таких служителей; несколько поэтому не удивительно, что и этот несчастный, однажды предав себя на посмеяние демонам, не скрывал того, чем хвалятся почитаемые им боги. А что сказать о вызывании мертвых и убиении детей? Эти жертвы, которые дерзали приносить прежде пришествия Христова, а после Его явления прекратились, (язычники) опять возымели дерзость приносить, впрочем не явно, так как, хотя он был и царь и все делал своей властью, но чрезмерная преступность этих действий превышала и величие его власти; дерзали однако и на это.

15. Этот царь, постоянно ходивший в Дафну с множеством даров и множеством жертв и проливавший потоки крови от убиения животных, сильно налегал на демона, требуя предсказания и прося высказать, что у него на уме. Но тот мудрец, который, как говорят, знает число песка и объемы моря, понимает немного и слышит не говорящего, уклонился сказать прямо и открыто (на том основании), что он не мог говорить, так как уста его заграждены святым Вавилой и исходящей от соседей силой; боясь сделаться смешным у своих почитателей, но желая прикрыть свое поражение, он высказал такой предлог молчания, который более самого молчания сделал его

смешным. Тем он обнаружил бы только свою слабость, а теперь показал и слабость, и гнусность, и бесстыдство, стараясь затемнить незатемняемое. Какой же это предлог? Место Дафна, сказал он, наполнено мертвыми, и это препятствует предсказанию. Насколько лучше было бы, о, несчастный, исповедать силу мученика, нежели отговариваться так бесстыдно? Так поступил демон; а безрассудный царь, как бы забавляясь на сцене и разыгрывая представление, тотчас устремился на блаженного Вавилу. Но, гнусные и прегнусные, не обманывали ли вы намеренно друг друга и не притворствовали ли на погибель остальным? Для чего ты (демон) безымянно и неопределенно говоришь о мертвых, а ты (император), как бы выслушав определенное указание по имени, оставив прочих, беспокоишь одного только святого? По изречению демона следовало вырыть все гробы, находящиеся в Дафне, и отправить как можно дальше от взора богов это страшилище. – «Но он говорил не о всех мертвых». – Так почему же не высказал этого прямо? Вероятно тебе, разыгрывающему обманчивое представление, он задал эту загадку. Я, сказал он, говорю о мертвых, чтобы не стало очевидным мое поражение, и кроме того я боюсь назвать святого по имени; а ты понимай сказанное, и вместо всех подвинь мученика, потому что он заградил нам уста. Он знал, что безумие почитателей его так велико, что они не могли понять и столь явного обмана; если бы все пришли в исступление, если бы сошли с ума, и в таком случае не осталось бы непонятым это поражение: так оно ясно и очевидно для всех! Если мертвые тела людей, как говоришь ты, какая-то скверна и мерзость, то тем более трупы животных, насколько этот род презреннее рода человеческого; а близ храма зарыты были кости многих и собак, и обезьян, и ослов; их больше нужно было перенести, если только ты не считаешь людей более обезьян презренными. Где ныне те, которые оскорбляют прекрасное создание Божие – солнце, сотворенное для служения нам, приписывая это светило демону и даже называя его демоном? Солнце разливает свой свет по вселенной, хотя бесчисленные мертвецы лежат в земле, и нигде не скрывает ни лучей своих, ни силы их по причине

осквернений; а ваш бог не отвращается и не ненавидит срамной жизни, волхвований и убийств, напротив и любит их, и радуется, и благоволит о них, от наших же тел отвращается, между тем как всякий вид зла самим совершающим его кажется достойным бесконечного осуждения, а тело мертвое и неподвижное не подлежит никакой укоризне и вине. Но таково настроение ваших демонов, что они гнушаются тем, что не гнушно, а почитают и одобряют то, что достойно всякой ненависти и отвращения. Человек добрый не встретит препятствия от мертвого тела ни захотеть чего-нибудь полезного, ни сделать что-нибудь должное, но если он здоров душой, то, живя и у самых гробов, окажет и целомудрие, и справедливость, и всякую добродетель. И всякий художник беспрепятственно сделает все, что относится к его искусству, и предложит нуждающимся в нем, не только сидя близ мертвых, но даже если бы ему нужно было сооружать самые гробницы для умерших; также и живописец, и каменщик, и плотник, и медник, и все исполняют свои дела; один только из всех Аполлон говорит, что мертвые препятствуют ему провидеть будущее. И у нас были мужи великие и дивные, и предсказывали о будущем за четыреста и за тысячи лет и, предсказывая, ничего этого ни требовали, не порицали, не приказывали разрывать гробы мертвых и выбрасывать лежащих, не выдумывали странного и бесстыдного способа раскапывания гробниц; но одни из них, живя среди народов безбожных и нечестивых, а другие находясь среди варваров, где совершалось все, поистине достойное отвращения и омерзения, истинно предсказывали все, и нечистота других нисколько не препятствовала им в предсказании. Почему же это? Потому, что они, если что говорили, говорили по действию истинно божественной силы; а демон, как непричастный этому действию и лишенный его, не мог ничего предсказать; но чтобы не показаться беспомощным, он по необходимости представляет только вероятные, хотя и смешные предлоги. В самом деле, скажи мне, почему он в прежнее время никогда не говорил и не возглашал чего-либо подобного? Потому, что тогда он имел предлог в том, что его не почитают; а когда у него было отнято оправдание, то он прибег к мертвым, опасаясь, чтобы не

потерпеть чего-нибудь. Он не хотел быть посрамленным, но вы принудили его к тому, многим служением отняв у него оправдание и не оставив ему возможности укрываться недостатком жертв.

16. Услышав это, лицемер (Юлиан) повелел унести гробницу, чтобы поражение сделалось явным и известным для всех. Если бы тот сказал: по причине святого не могу я говорить, но ничего не трогайте и не тревожьте более, – то это было бы известно одним только его приверженцам, которые постыдились бы передать это другим; а теперь, как бы стараясь разгласить свою слабость, он заставил сделать все то, после чего и желающему невозможно было прикрыть происшедшего. Невозможно уже было поддержать обман, потому что никто из остальных мертвецов, а только один мученик был перенесен оттуда. И не только жители этого города, предместия и селений, но и вдали от этих мест находящиеся, не видя стоящей гробницы и потом спрашивая о причине, тотчас узнавали, что демон, упрашиваемый царем дать предсказание, отвечал, что он не может сделать этого, пока кто-нибудь не удалит от него блаженного Вавилу. Между тем ты, достойный посмеяния, мог бы прибегнуть и к другим уловкам, какие ты часто делаешь, всегда изобретая множество хитростей в затруднительных случаях: так, лидийцу (Крезу) ты сказал, что он, перешедши реку Алис, разрушит великое государство – и показал его на костре; и накануне Саламина ты употребил ту же самую хитрость, и сделал смешное прибавление, потому что изречение: погубишь ты детей жен, было подобно изречению для лидийца; а прибавление: или при посеве Димитры или при сборе ее – весьма смешно и похоже на то, что говорят шуты на перекрестках. Но ты не захотел этого. Можно было и прикрыть слово неясностью, потому что и это всегда свойственно твоему искусству; но опять стали бы настаивать все, не понявши и требуя разрешения. Также можно было тебе прибегнуть к звездам; и это ведь часто ты делаешь и не стыдишься и не краснеешь, так как речь у тебя не к мужам, обладающим умом, но к скотам и даже безумнейшим скотов; они были не мудрее эллинов, слушавших подобные изречения и не удалившихся от

обмана. – «Но они поняли бы ложь». – В таком случае следовало сказать правду одному только жрецу, а он лучше тебя сумел бы прикрыть поражение; а теперь кто убедил тебя, несчастный, ввергнуть себя в столь явное бесстыдство? Но, может быть, ты несколько не виноват, а царь худо перетолковал, так как, выслушав о мертвых неопределенно, устремился на одного только святого. Да, он обличил тебя и обнаружил обман, но конечно не намеренно, так как невозможно было, чтобы один и тот же и почтил такими жертвами, и с другой стороны оскорбил того же самого. Нет, всех вас вместе помрачила сила мученика и не допустила разуместь происходящее; и хотя все делалось как будто против христиан, но посмеяние обратилось не на терпящих насмешки, а на самих насмешников. Как сумасшедшие всегда представляют себе, что они мстят ближним, нанося удары стенам и угрожая присутствующим возможными и невозможными бедствиями, но срамят своими действиями не их, а самих себя, – так точно было и тогда. Гробница была влекома по всему пути, и мученик, как атлет какой, возвращался со вторым венцом в свой город, в котором он был увенчан и первым. Таким образом, если кто не допускает воскресения (мертвых), то пусть наконец устыдится, взирая на блистательные дела этого мученика после его кончины. Он, как бы какой герой, присоединял трофеи к трофеям, к великим большие и к удивительным удивительнейшие. В самом деле, тогда он боролся с одним только царем, а теперь и с царем и с демоном; тогда он от священной ограды отогнал властителя, а теперь от всей местности Дафны отвел губителя, не рукой действуя, как прежде, но невидимой силой побеждая невидимую. При жизни его человекоубийца не вынес его дерзновения, а по смерти не стерпел его праха ни царь, ни демон, побуждавший царя сделать это. А что он поразил большим страхом этих последних, нежели первого, видно из следующего: тот, взяв его, связал и убил, а эти только перенесли (его тело). Почему ни тот не повелел, ни этот не захотел потопить гробницу? Почему не сокрушил ее и не сжег? Почему не приказал отнести ее в пустыню и необитаемое место? Если это была мерзость и

скверна и если по отвращению, а не по страху, он двинул ее оттуда, то не в город следовало вносить эту мерзость, а удалить в горы и леса.

17. Но этот несчастный не хуже самого Аполлона знал силу блаженного и дерзновение его перед Богом, и боялся, чтобы, сделав это, не навлечь на себя молнии или какого-нибудь другого бедствия. Он имел много доказательств силы Христовой, явленной как на царствовавших прежде него, так и на управлявших тогда вместе с ним его государством. Из царствовавших прежде те, которые дерзали на подобное, после многих невыносимых несчастий оканчивали жизнь постыдно и жалко; так, например, у одного еще при жизни сами собою выскочили зрачки глаз, – это был Максимин; другой сошел с ума; третий подвергся иному подобному несчастью, и таким образом скончался. А из живших тогда с ним дядя его по отцу, который более легкомысленно неистовствовал против нас и дерзнул коснуться священных сосудов нечистыми руками, и, не довольствуясь и этим, зашел в поругании еще далее (он именно, переверотив их, поставив на полу и разложив, сел так на них), – тотчас подвергся наказанию за это преступное сидение. В загнивших срамных членах его зародились черви – и так, что явно было, что эта болезнь была ниспослана от Бога; врачи, закалая жирных и иностранных птиц и прикладывая их к зараженным членам, вызывали червей; но черви не уходили, а упорно держались в загнивших членах, и таким образом, истощая его в течение многих дней, жестоко погубили. А другой некто, поставленный хранителем царских сокровищ, прежде чем переступил порог царских чертогов, внезапно лопнул по середине, потерпев наказание за какое-то другое подобное преступление. Все это и большее того (перечислять же все теперь не время) представляя в уме своем, нечестивец боялся простирать дерзость свою далее. А что я говорю это теперь не от себя самого, очевидно будет для нас из того, что было совершено им после этого; но пока мы будем держаться порядка событий.

Что же было вслед за тем? Это – удивительное дело, показывающее не только силу, но и неизреченное

человеколюбие Божие. Святой мученик находился внутри священной ограды, в которой он был и прежде, нежели придти в Дафну, а лукавый демон тотчас понял, что он тщетно изобретал обольщения и что вел борьбу не с мертвым, а с живым и действующим, с тем, кто сильнее не только его, но и всех демонов (мучеником). Умолив Бога ниспослать огонь на капище, вместе сжег всю кровлю, и истребив идола до конца ног и показав, что он пепел и прах, стены все оставил стоять в целости. И если бы кто теперь пришел к тому месту, то не сказал бы, что это происшествие было делом огня; пожар был не беспорядочный и происходил точно и не от бездушного вещества, но как будто какая-нибудь рука водила огонь и указывала, что следовало пощадить, и что истребить, – так стройно и искусно раскрыто было капище, и стало оно подобным не просто сожженным зданиям, но таким, которых ограды в надлежащем виде, а не достает одной только кровли. Все прочее, и колонны, как поддерживающие кровлю, так и преддверие, все устояли, кроме одной в задней части здания; но и эта не просто была предана тогда разрушению, но по причине, о которой мы скажем после. Когда же это случилось, тотчас ведут жреца этого демона в судилище и заставляют назвать виновника; но так как он не мог, то, подвергнув его пыткам, нанесли ему много ударов; а потом, подняв его на воздух, скоблили ему бока, но не узнали ничего более, а произошло подобное бывшему при воскресении Христовом. И тогда были поставлены воины стеречь тело Иисусово, чтобы, как говорили, ученикам не удалось совершить покражу; но дело вышло так, что не осталось даже и бесстыдной отговорки у желающих повредить вере в воскресение. И здесь жрец был привлечен, чтобы он засвидетельствовал, что происшествие было делом не гнева Божия, а злоумышления человеческого; но, среди пыток и мучений не могли выдать никого, он засвидетельствовал, что огонь был послан от Бога, так что и желающим быть бесстыдными не осталось уже никакого основания. Но теперь благовременно сказать то, что я хотел сейчас пред этим сказать, но отложил. Что же именно? То, что мученик страхом поразил душу царя, так что он не смел

простирается далее. Наверное жреца, которому прежде оказывал такую честь, он не подверг бы за кровлю таким страданиям и не растерзал бы хуже кровожадного зверя, – а он, пожалуй, и поел бы плоти его, если бы только это не казалось гнусным для всех, – святого же, заградившего самые уста демона, опять не перенес бы в город, чтобы он был в большей чести. Если уже не прежде, когда демон признался в своем поражении, то после пожара он все ниспроверг бы и истребил, сожег бы и гробницу и оба храма мученика, как находящийся в Дафне, так и находящийся в городе, если бы страх не был больше гнева, и ужас не превышал досады. Ведь большинству людей свойственно, когда завладеет ими гнев и печаль, и если не схватят они виновников страданий, изливать гнев просто на попадающихся и подозрительных. А мученик не был далеко от этого подозрения, потому что вместе с тем как он прибыл в город, и огонь сошел на капище. Но, как я сказал, страсть боролась со страстью и боязнь превышала гнев. Представь, в каком состоянии был этот добряк, войдя в предместье, и видя храм мученика стоящим, а капище сожженным, и идола уничтоженным, и жертвы истребленными и всякую память о его собственной щедрости и сатанинской пышности изглаженной. Наверное, если бы при виде этого и не объял его ни гнев, ни досада, он все-таки не перенес бы стыда и великого посмеяния, но простер бы незаконные руки и на храм блаженного мученика, если бы то, о чем я сказал, не удерживало его. Подлинно, событие было не маловажное, но пресекло всю дерзость язычников, угасило всю радость их и навело на них такой мрак уныния, как будто погибли все капища.

18. А что я не хвастливо говорю это, в доказательство приведу самые слова плача и речи, которую тогда составил городской софист (Ливаний) об этом демоне. Начало плача таково: «мужи, глаза которых, равно как и мои, покрыл мрак, – не станем уже называть этого города ни прекрасным, ни великим». Потом, упомянув и сказав нечто о басне касательно Дафны (предлагать всю речь здесь не время, чтобы не сделать беседы слишком пространной), – он говорит, что некогда царь персидский, взявши город, пощадил капище; вот эти слова:

«ведший против нас войско почел за лучшее для себя сохранить храм, и красота статуи одержала верх над яростью варвара; а теперь, о, солнце и земля, кто или откуда этот враг, который и без тяжеловооруженных, и без всадников, и без легких войск, малой искрой истребил все»? Затем показывая, что его победил блаженный (Вавила) тогда, когда дела язычников особенно процветали жертвоприношениями и обрядами, говорит: «нашего храма и великий тот потоп не разрушил, а при ясной погоде, когда прошла уже туча, он низвергнут», – называя тучей и потопом время прежнего царя. И опять немного далее оплакивает то же самое еще горестнее, говоря: «потом, когда жертвенники твои жаждали крови, ты, Аполлон, и пренебрегаемый, оставался верным стражем Дафны; а иногда будучи и оскорбляем и лишаем внешнего украшения, ты переносил это; теперь же, после множества овец и множества волов, приняв к ноге своей священные уста царя, увидев того, о ком ты предсказывал, созерцаемый этим предвозвещенным, избавившись от злого соседства одного мертвеца, беспокоившего тебя вблизи, среди самого почитания ты быстро удалился; чем еще мы будем хвалиться перед людьми, помнящими твои священнодействия и статуи»? Что говоришь ты, плачевный певец? Подвергаясь бесчестию и оскорблениям, он оставался непоколебимо стражем Дафны; а принимая почести и служение, не имел силы сохранить и собственный храм, и притом зная, что после его падения подвергнется еще большему бесчестию, чем прежде? Кто же, софист, мертвец-то, беспокоивший твоего бога? Какое это злое соседство? Здесь он, дойдя до подвигов блаженного Вавилы и не имея возможности умолчать о своем посрамлении, закрылся просто и пробежал мимо. Что демон испытывал беспокойство и стеснение от мученика, сказал, но не прибавил того, как демон, стараясь прикрыть свое поражение, еще более обнаружил его, – потому и говорит просто: «избавившись от злого соседства». Почему же ты, пустослов, не говоришь о мертвеце, кто он был, почему он один беспокоил твоего бога и почему он один был перенесен? И почему, скажи мне, ты называешь его злым соседством? Не потому ли, что он обличил обман демона? Но

это дело не какого-нибудь злого соседства, равно как и не мертвого, но живого, действующего, доброго, покровительствующего, заботящегося и принимающего все меры к вашему спасению, если бы только вы захотели. И дабы вам больше невозможно было обольщать самих себя и говорить, будто демон, гневаясь и жалуясь на недостаток жертв и оставаясь недоволен прочим служением, удалился добровольно, для того мученик и прогнал его со всего этого места, которое больше всех было любезно ему и которое он так предпочитал остальным, что и подвергаясь бесчестию сидел в нем. Ты сам предупредил об этом, сказав: «и в такое время, когда множество овец и множество волов закалал ему царь», – так что со всех сторон становится ясно, что Дафну он оставил, вынужденный и гонимый большей силой. Можно было прогнать его, и оставив идола в целости, но вы не поверили бы, как не верили и прежде, когда он был связан мучеником, упорно продолжая служить. Посему св. мученик, оставив прежде идола стоять, тогда низверг его, когда пламя нечестия высоко поднялось, показывая этим, что победителю нужно так побеждать, не усмиренных преодолевая врагов, но надмевающихся и ликующих. Почему сам он не повелел тогда царю, введившему его в Дафну, разрушить капище и перенести идола, как перенесли его гробницу? Потому, что он не терпел вреда от него, не имел и нужды в телесной помощи, но и тогда и теперь низверг его без руки человеческой. Первой победы своей он и не открыл нам, но только заградил (Аполлону) уста, и успокоился. Таковы святые: они желают только исполнить нужное для спасения людей, а не объявлять еще о себе народу, что это – их подвиги, разве когда заставит какая-нибудь необходимость; необходимостью же я опять называю попечение о спасаемых, как и было тогда. Так как зло обольщения усиливалось, то наконец открывается нам и победа, но открывается не победителем, а самим побежденным. Так это свидетельство стало несомненным и для врагов, когда святой и при наставшей необходимости уклонялся говорить о самом себе; а так как заблуждение и таким образом не прекращалось, но бесчувственнейшие камней еще продолжали упорно

призывать побежденного и оставались слепыми к столь явной истине, то по необходимости ниспослан был огонь на идола, чтобы через этот пожар погасить другой пожар – идолослужения.

19. Итак, для чего ты упрекаешь демона, говоря: «среди самого почитания ты быстро удалился»? Не добровольно он удалился, но прогнан и извержен против воли и по принуждению тогда, когда особенно хотел оставаться и ради дыма и ради жертв. Действительно, тогдашний властитель, как будто для того и царствовавший, чтобы истребить животных всей вселенной, так нещадно закалал овец и волов при жертвенниках и дошел до такого неистовства, что многие и из почитаемых у них философами называли его поваром, мясником и тому подобными названиями. От столь обильной трапезы, и смрада жертв, и дыма, и потоков крови не удалился бы добровольно демон, который и без этого, как говоришь ты, оставался там по безумной страсти к возлюбленной. Впрочем, остановив пока наше слово, послушаем затем плача софиста. Оставив Аполлона, к Зевсу обращается он опять с воплями, говоря: «какого, о, Зевс, лишились мы пристанища для страждущей души; как свободна от шума местность Дафна, а еще свободнее – храм, как бы пристань в пристани, устроенная самой природой; оба они свободны от треволнений, но еще больше спокойствия доставляет второй; кто не избавлялся там от болезни, кто – от страха, кто – от скорби, кто пожелал бы островов блаженных»? Какого же пристанища лишились мы, нечестивый? Более ли свободно от шума это капище и какая неволнуемая пристань там, где флейты, тимпаны, бесчинства, пирушки и попойки? Кто не избавлялся там, говорит он, от болезни? Но кто из приверженных к тебе не получал там болезни, хотя прежде был и здоров, и притом болезни самой тяжелой из всех? Кто поклоняется демону и слушает басню о Дафне и видит такое неистовство бога, что он и по исчезновении его возлюбленной еще сидит на том месте и при том же дереве, тот какого не получит отсюда пламени неистовства, какой бури, какого смятения, какой болезни, какой страсти? Это ли называешь ты пристанищем души и

неволнуемой пристанью? Это ли – избавлением от болезней? И удивительно ли, что ты прилагаешь противоречия к противоречиям? Ведь находящиеся в исступлении не понимают свойства ни одного из предметов, как он есть, но произносят суждения противоположные действительности. «Олимпийские игры не очень далеко», – я опять перейду к его плачу, дабы показать, какой удар получили тогда все язычники, живущие в городе, и как царь не перенес бы этого с кротостью, но излил бы весь гнев свой на гробницу мученика, если бы не удерживал его более сильный страх. Что же говорит тот? «Олимпийские игры не очень далеко; созовет этот праздник города, которые придут, приводя волов в жертву Аполлону. Что же мы будем делать? Куда скроемся? Кто из богов разверзет нам землю? Какой глашатай, какая труба не будет вызывать слезы? Кто назовет праздником эти олимпийские игры, когда недавно такое несчастье поразило (нас) горем? Дай мне лук и хлеба на день, говорит трагедия; а я говорю: и немного прозрения, чтобы одним уловить, а другим застрелить сделавшего это. О, нечестивая дерзость! О, нечистая душа! О, наглая рука! Это – какой-нибудь другой Титий, или Идас, брат Линкея, но не великий, как тот, и не стрелок, как этот, а знающий только одно – безумствовать против богов. Сыновей Алая, только еще замышлявших козни против богов, ты удержал смертью, Аполлон; а этого, издалека несшего огонь, не встретила стрела, попав ему в самое сердце. О, яростная десница! О, несправедливый огонь! Куда он упал прежде всего? Что было началом зла? С кровли ли начав, он перешел на прочее, на голову ту, на лицо, на чашу, на диадему, на одежду, простиравшуюся до пят? Ифест, хранитель огня, не пригрозил истреблявшему огню, хотя должен бы воздать благодарностью этому богу за древнее указание; но и Зевс, управляющий дождями, не послал воды на пламя, хотя он некогда погасил костер для царя лидийцев, находившегося в несчастье. Что прежде всего сказал себе предпринявший эту войну? Откуда такая дерзость? Как он сохранил свое возбуждение? Как не оставил своего намерения, постыдившись красоты бога»? Доколе ты, несчастный и жалкий, не разглядишь сути, называя

это делом руки человеческой и подобно сумасшедшим противореча себе и противоборствуя? Если у царя персидского, ведшего огромное войско, взявшего город, сжегшего прочие храмы, державшего в руках факел и уже намеревавшегося поднести его к этому капищу, демон изменил намерение (ведь и это говорил ты в начале плачевной речи, сказав так: «у царя персидского, предка того, что воюет с нами, предательством взявшего город и сжегшего, прибывшего в Дафну, чтобы сделать то же, этот бог изменил намерение, и он, бросив факел, поклонился Аполлону; так он укротил его и изменил своим видом»), – если он преодолел ярость варварскую и такое войско, как говоришь ты, и был в состоянии тогда избежать опасности (а ты еще говоришь, что и сыновей Алоя, замышлявших козни против богов, он удержал смертью), – как же он, имевший столько силы, не сделал теперь ничего подобного? Между тем, если ни над кем иным, то над жрецом, мучимым несправедливо, следовало сжалиться и открыть виновника. И если тогда при пожаре убежал он, то, когда тот несчастный висел и терпел скобление боков и допрашиваемый о том, кто сделал, не мог сказать, тогда надлежало представить и выдать виновника, или по крайней мере только указать, если уже не было силы выдать; а теперь он, неблагодарный и нерассудительный, оставляет без внимания своего служителя, несправедливо терзаемого, оставляет без внимания и царя, подвергающегося посмеянию после столь многих жертв. Подлинно, все смеялись над ним, как над бешеным и сумасшедшим, когда он изливал гнев на того несчастного. Как же тот, который предсказал о прибытии царя, еще бывшего далеко (а и это говорил ты выше в своем плаче), не видал стоявшего близко и сожигавшего его? Вы говорите, что он предсказатель, разделяя другие искусства между другими богами вашими, точно между людьми; этому вы приписали искусство прорицания, и однако ты не просишь его уделить тебе этого искусства. Как же он не узнал собственных несчастий, хотя это не скрылось бы и от человека? Не спал ли он в то время, когда зажигался огонь? Но нет никого столь бесчувственного, чтобы тотчас не встать, когда подносится к

нему пламень, и не задержать подносящего. Поистине, эллины всегда дети, а старца у эллинов ни одного. Надлежало бы оплакивать собственное безумие, именно, что и тогда, когда самые дела вопиют об обмане демонов, вы не отстаёте, но, предавая самих себя гибели и теряя ваше спасение, стремитесь подобно животным, куда приказывают вам стремиться, и сидите, оплакивая гибель истуканов; а ты ещё требуешь лука, нисколько не отличаясь от того, кто говорит это в трагедии. Не ясное ли и очевидное безумие – ожидать какого-нибудь успеха от того оружия, которое имевшему его не принесло никакой пользы? Если же ты сам говоришь, что у тебя больше чем у демона и искусства и опытности, то не следовало почитать его, как менее сведущего и слабейшего в том, в чем вы считаете его сильнее всех. А если ты уступаешь ему первенство и в стрельбе и в предсказывании, то как ты с частью знания надеялся сделать то, чего не смог обладающий целым знанием?

20. Смешно это и вздорно. Не имел он нисколько дара предсказаний и если бы и имел, не получил бы успеха. Не человек, не человек сделал это, но некоторая божественная сила. Причину я скажу после; а пока неизлишне узнать, за что он обвиняет Ифеста в неблагодарности, такими словами: «Ифест, хранитель огня, не пригрозил истреблявшему огню, хотя должен был воздать благодарность этому богу за древнее указание». Какую благодарность? Какое древнее указание? Скажи. Для чего скрываешь ты почтенные деяния богов твоих? Ведь если бы ты и об услуге самой сказал, то ещё более показал бы неблагодарность Ифеста. Но ты стыдишься и краснеешь, – так мы смело скажем за тебя. Какая же это услуга? Говорят, что некогда Арей, влюбившись в Афродиту, но боясь Ифеста (который был её мужем), подстерег его отсутствие и пришел к ней. Аполлон же, увидев их совокупившимися, пошел к Ифесту и донес о прелюбодеянии, а этот, пришедши и нашедши обоих их на ложе, связал их так, как они были, и призвал богов на постыдное зрелище, и таким образом наказал их за прелюбодеяние. Будучи за это, говорит он, обязан благодарностью, Ифест не воздал благодарности,

когда обстоятельства требовали. А что Зевс, прекрасный человек? И его ты также обвиняешь в жестокости. «И Зевс, управляющий дождями, – говоришь ты, – не послал воды на пламя, хотя он некогда погасил костер для царя лидийцев, находившагося в несчастьи». Хорошо ты сделал, напомнив нам и о лидийце, так как и его этот нечистый демон обманул, возбудив гордость пустыми надеждами и ввергнув в явную гибель. И если бы Кир не был человеколюбив, то несколько не помог бы тому царю и Зевс, так что напрасно ты обвиняешь Зевса, будто он предпочел лидийца своему сыну; он и себе-то самому не мог помочь, будучи поражен молнией там, где был почитаем более всех городов, т. е. в городе Ромула. Но выслушаем и остальные слова плача: таким образом мы хорошо узнаем скорбь, которая объяла их души. «Мужи, я влекусь душой к образу бога, и мысль представляет глазам моим его образ, мягкость вида, нежность кожи, и притом в камне, пояс, около груди стягивающий золотую одежду, так что одни части ее скрываются, а другие выставляются. Весь же облик его чьего не укрощал кипучего гнева? Он уподоблялся поющему стройную песнь, а некто и слышал его, как говорят, в полдень играющим на цитре. Счастливые уши! А эта песнь, быть может, была хвалой земле, на которую, кажется мне, он делал и возлияние из золотой чаши за то, что она скрыла девицу, разверзшись и опять сомкнувшись». Потом, погоревав несколько о пожаре, он говорит: «взывал путник при виде поднимавшегося пламени; смутилась живущая в роще Дафны жрица бога; удары в грудь и пронзительный вопль, сильный и страшный, пройдя по лесистой местности, достигает до города; глаза властителя, только что вкусившие сон, восстали от ложа при горестном слове. Бешено гнал он, требуя крыльев Ермия, сам отправился отыскивать корень зла, пламенея внутри не менее храма; между тем балки с потолка летели вниз, унося с собой огонь, истребляя все, к чему приближались, Аполлона тотчас же, как стоявшего не далеко от кровли, а потом и прочие украшения, статуи бывших там Муз, блестящие камни, красивые колонны. Толпа же стояла вокруг, испуская вопли, но не имея возможности помочь, как случается с теми, которые видят

кораблекрушение с земли, от которых помощь – оплакивание случившегося. Великий, конечно, подняли плач вышедшие из источников нимфы, великий (плач) – и Зевс, находящийся вблизи, как и следовало при разрушении знаков почитания его сына, великий (плач) – и толпа бесчисленных демонов. живущих в роще, нисколько не меньший плач подняла среди города Каллиопа, когда распорядитель хора Муз терпел от огня». Затем к концу говорит: «будь же и теперь, Аполлон, таким, каким сделал тебя Хрис, проклинавший ахеян, исполненным гнева и подобным ночи, – потому что, когда мы возвращали тебе украшения и восстанавливали все, что было отнято, тогда предвосхищено то, что мы почитали, как будто какой-нибудь жених удалился, когда уже сплетались венки».

21. Таков плач, или – лучше – немногие части этого плача. А во мне рождается удивление, как он думает возвеличить бога тем, чего следовало бы стыдиться, представляя его в полдень играющим на цитре нисколько не лучше невоздержного и развратного юноши, говоря, что предметом песни была возлюбленная, и называя счастливым и уши, внимавшие постыдной песни. Что некоторые из жителей Дафны и соседи их плакали, и начальник города воспламенился и ничего больше плача не сделал, это нисколько не удивительно; а что и сами боги были в такой же беспомощности и только плакали подобно им, и ни Зевс, ни Каллиопа, ни великая толпа демонов, ни самые нимфы не могли ничего сделать с пожаром, а все только поднимали вопли и стоны, – это весьма смешно. Итак, сказанное достаточно доказывает, что они получили великий удар, – потому что среди плачевной речи он прямо признался, что они таким образом поражены были смертельно. Посему царь не перенес бы этого с кротостью, если бы не удерживал его более сильный страх и трепет. Теперь время указать и причину, почему Бог излил гнев свой не на царя, а на демона, и почему огонь истребил не весь храм, но, истребив кровлю, уничтожил вместе и идола. Не просто и не без причины сделалось это, но все совершено Божиим человеколюбием к заблуждающимся. Он, знающий все прежде бытия его, между прочим знал и то, что, если бы молния устремилась на царя, то

присутствующие и видевшие удар устрашились бы на время, а по прошествии второго и третьего года и память о событии прошла бы и многие не стали бы верить чуду. А если капище будет захвачено огнем, то оно яснее всякого глашатая не только жившим тогда, но и всем последующим будет возвещать гнев Божий, так что и у желающих быть бесстыдными и скрывать это событие будет отнят всякий предлог. Каждый, прибывший на это место, получает такое впечатление, как будто пожар случился недавно, и какой-то ужас находит на него, и, возрев на небо, он тотчас прославляет силу Совершившего это. Подобно тому, как если кто-нибудь, разорив пещеру и убежище какого-либо предводителя разбойников, выведет связанным жившего там, и, взяв все его имущество, оставит то место в прибежище диким зверям и воронам, тогда каждый из подходящих к этому убежищу, взглянув на место, воображает и представляет себе набеги и разбои, и наружность прежде жившего в нем, – так бывает и здесь. Издали увидев колонны, потом подошедши и переступив порог, представляют себе отвратительность демона, обольщение и козни его, и отходят, изумляясь гневу и силе Божией, – так что прежние жилище заблуждения и богохульства теперь становится поводом к славословию: так премудр наш Бог! И такие дивные чудеса Он совершает не в первый раз теперь, но издревле и от первых родов. Исчислять все теперь не время, но я напомню о том, что кажется вполне подобным этому. Во время войны, возникшей некогда в Палестине у иудеев с некоторыми иноплеменниками, враги, оставшись победителями и взяв кивот Божий, как военную добычу и лучшую часть ее, посвятили его одному из туземных идолов, – имя ему было Дагон. Когда кивот был внесен, то сперва истукан упал и лежал лицом вниз; но так как они не поняли могущества силы Божией по этому падению, но поднявши опять поставили идола на своем месте, то, пришедши на следующий день утром, увидели его уже не упавшим только, но совершенно разломанным. Руки его, оторванные от плеч, были брошены на порог капища вместе с ногами, а остальная часть истукана растерзанная разбросана была в другое место (1Цар.5). Также и у содомлян, – если можно сравнить малое с великим, – для того

вместе с жителями и земля сожженная огнем погибла и стала бесплодной, чтобы не только жившие тогда, но и все, после них, вразумлялись теми местами (Быт.19). Если бы наказание ограничилось людьми, то после не стали бы верить событию; поэтому получает удар и место, которое может существовать долгое время и напоминает каждому из наступающих поколений, что совершающим такие дела положено законом терпеть такие бедствия, хотя бы и не тотчас потерпели они наказание. Вот уже двадцатый год с того времени, и ничто более из здания, пощаженного огнем, не погибло, но твердо и крепко стоят части его, избежавшие огня, и так они крепки, что выдержат и сто лет, и еще дважды столько, и даже гораздо большее того время. И удивительно ли, что ни одна из колонн, отделившаяся от другой, не упала на землю? Одна из колонн, у задней стороны здания, тогда только разбитая, и та не упала, но сдвинувшись с своего места и припав к стене, так и осталась; и одна часть ее, от основания до излома, косо оперлась на стену, а другая, от излома до вершины, стоит ровно поддерживаемая нижней частью. Хотя и ветры часто сильно налетали на это место и землетрясения были и земля колебалась, но не поколебались остатки от пламени, а стоят твердо, только что не крича, что они сохранены для вразумления будущих поколений.

22. Это, можно сказать, было причиной, почему не все капище было истреблено огнем; а почему молния не царя поразила, на это можно исследующему найти и другую причину, происходящую из того же источника, т. е. от благодати и человеколюбия Христова. Потому Он отклонил огонь от головы царя и низверг его на кровлю, чтобы царь, наученный несчастьями других, избежал назначенного ему наказания, переменявшись и освободившись от заблуждения. Не одно только это и не первое знамение Своей силы дал ему Христос, но кроме того давал и много других не меньших этого. Так, и дядя его и хранитель сокровищ – оба лишились жизни, и голод случился в городе тотчас с ним вместе, и недостаток воды, какого никогда не случалось прежде, чем он стал приносить жертвы при источниках, и многое кроме этого другое, случившееся как в войске, так и в городах, достаточно для того,

чтобы смягчить и каменную душу, не только своим множеством и тем, что все происходило вместе и одно за другим и вслед за дерзостями, как некогда при царе египетском, но и сами по себе показанные чудеса были таковы, что одно не нуждалось в другом для обращения видящих, но каждое из них и само по себе в состоянии было произвести это. Не говоря о прочих, кого из людей, не слишком бесчувственных, не поразило бы знамение, показанное на основаниях древнего храма иерусалимского? Что же это было? Этот тиран, видя, что вера Христова распространилась по всей подвластной ему области, достигла уже и персов и других дальнейших варваров, делает опять успехи далее внутри их и заняла, так сказать, всю подсолнечную, терзался и досадовал и готовился к войне против церквей; но не разумел, несчастный, что он прал против рожна. И во-первых, он пытался восстановить храм в Иерусалиме, который сила Христова разрушила до основания, язычник служил делу иудеев, желая через это испытать силу Христову. Он призвал некоторых из иудеев и приказал им приносить жертвы. потому что предки их, говорил он, совершали богослужение таким образом; но так как они прибегли к той отговорке, что им не позволительно после падения храма совершать это вне древней столицы, то он велит им, взяв деньги из царского казнохранилища и все прочее, что нужно было доставить на постройку, идти и восстановить храм и возвратиться к древнему обычаю жертвоприношений. Те безумные, заблуждающиеся от рождения и до старости имеющие нужду в учении, отправились содействовать царю; но как скоро начали вырывать землю, то огонь вырвавшийся из оснований, тотчас истребил всех их. Когда об этом донесено было царю, то он не решился потом простирать далее свою дерзость, потому что удерживал его страх; но не хотел отстать и от заблуждения демонов, однажды подчинившись им, – однако успокоился пока.

Когда же прошло немного времени, он принялся за тот же тщетный труд, храм-то уже не осмеливаясь строить, но с других сторон бросая в нас стрелы; пуститься в войну открыто он пока медлил, во-первых и больше всего по убеждению, что взялся

бы за очевидно невозможное, а во-вторых потому, что не хотел доставить нам никакого повода – увенчаться венцом мученичества. Подлинно, для него было невыносимо и хуже всякого несчастья; если кто-нибудь, выведенный публично, до смерти переносил мучения за истину; такую душевную показывал он вражду к нам. Он знал, верно знал, что, если бы он дерзнул на это, все отдали бы души свои за Христа; но, будучи злобен и коварен, он везде отпускал на свободу всех, наказанных предстоятелями церквей за какие-нибудь проступки и лишенных власти, давая таким образом власть людям нечестивейшим, низвращая церковные законы и вооружая всех друг против друга, так как надеялся, что их легко будет наконец уловить, если они наперед изнурят себя войной друг с другом. Так одного, лишённого церковной власти и за извращение учения и за порочную жизнь (имя ему был Стефан), он велит опять возвести на престол учителя; и имя Господне старался истребить, сколько это зависело от него, называя галилеянами вместо христиан и сам в своих указах и начальникам повелевая делать тоже. Среди тех знамений, о которых я говорил, обнаружившихся в голоде и засухе, он оставался при том же бесстыдстве и жестокосердии. Затем, предпринимая поход против персов и выступая с такой гордостью, как будто истребит он весь народ варварский, он угрожал нам бесчисленными угрозами, говоря, что по возвращении оттуда он совершенно истребит всех. Война с нами, думал он, тяжелее персидской, и должно наперед окончить ту меньшую, и тогда приступить к этой, большей. Это сообщили нам те, которые участвовали в его намерении. Однако, кипя гневом против нас и с каждым днем предаваясь большему неистовству, он никогда не останавливался на одной и той же мысли, но, отложив прежнее намерение, опять стал угрожать нам гонением. Но Бог, желая удержать и усмирить его горячее воодушевление, опять показал знамение, ниспослав огонь на капище в Дафне.

23. Он же и при этом не укротил своей ярости. но терзаясь желанием нашей гибели, даже не дожидая времени, которым угрожал, а, готовясь перейти Евфрат, стал делать опыт над воинами и, совратив некоторых немногих лестью,

воспротивившихся однако не отпустил из войска, боясь, чтобы, отпустив их, не ослабить войска против персов.

Кто расскажет нам последующее за тем, гораздо ужаснейшее всего, что происходило и в пустыне, и на море, и в Египте, когда был наказываем бесчувственный фараон и все (египтяне) потонули? Как тогда египтянин за то, что не хотел покориться и сделаться лучшим ни при одном из таких бедствий, погиб наконец с самим войском, так и теперь, когда царь стоял бесстыдно перед всеми дивными делами Божиими и не хотел ничем от них воспользоваться, но оставался неисправимым, Бог окружил его наконец крайними бедствиями, дабы, если он не хотел образумиться бедствиями других, то другие сделались лучшими от его страданий. Уведя с собой столько десятков тысяч воинов, сколько не водил никогда никто из царей, и надеясь взять всю Персию одним набегом и без труда, он действовал так несчастно жалко, как будто он имел с собой войско из женщин больше и малых детей, а не из мужей. И во-первых, он по собственному неблагоприятию привел их в такую нужду, что они питались конским мясом и умирали, погибая одни от голода, а другие от жажды. Как бы предводительствуя персами и стараясь не их захватить, но предать им своих, он заключил этих последних в места непроходимые и, только что не связавши, предал врагам. Впрочем всех бывших там бедствий не может пересказать никто из тех, которые видели и испытали их: так они превышают всякое вероятие. Кратко сказать: когда он пал постыдным и жалким образом, – одни говорят, что он умер, застреленный кем-то из обозной прислуги, негодовавшим на положение дел, а другие говорят, что они не знают его убийцы, но что только он был ранен и просил погребсти его в земле киликийской, где и лежит теперь, – когда он пал постыдным образом, то воины, видя себя в крайнем положении, обратились с просьбой к врагам и, дав им клятву – очистить самую твердую из всех крепость, которая была как бы несокрушимой стеной всей нашей страны, – благодаря человеколюбию варваров, спаслись таким образом бегством и возвратились из многих немногие, и притом изнуренные телом, стыдясь заключенного ими договора,

но вынуждаемые клятвой отступить от своего отеческого достояния. И можно было видеть зрелище, плачевнейшее всякого плена: жители того города от тех самых, от кого они надеялись получить благодарность за то, что подобно ограде доставляли безопасность всем живущим внутри (государства) и за всех подвергались сами постоянно всем опасностям, – от тех потерпели действия враждебные, будучи переселяемы в чужую землю, оставив свои дома и поля и лишившись всего прародительского достояния, и все это потерпев от своих. Такие блага мы получили от доблестного царя! Это сказано не без причины, но чтобы разрешить недоумение спрашивающих, почему Бог не наказал царя с самого начала? Потому, что хотел удержать его, часто неистовствовавшего, от дальнейшего увлечения, и исправить бедствиями других; но так как он противился, то предал его крайним бедствиям, оставляя истинное воздаяние за его дерзости до великого дня, настоящим же наказанием возбуждая ленивейших и делая их более благоразумными. Таково долготерпение Божие: тех, которые не надлежащим образом пользуются им, оно подвергает, наконец, жесточайшему наказанию, и как для кающихся оно полезно, так для непокорных и упорных бывает поводом к большим наказаниям. Если же кто скажет: что же, – разве Бог не предвидел, что этот тиран будет неисправим? – то мы скажем, что предвидел, но Он никогда не перестает, по предведению нашей злобы, делать Свое дело, и, хотя бы мы и не принимали внушения, Он оказывает собственное человеколюбие. А если мы предаемся большему злу; то уже это не от Него, Который долготерпел не для того, чтобы нам погибнуть, а чтобы нам спастись, но от нас, возгордившихся против неизреченного Его долготерпения. Так является беспредельность Его человеколюбия. Когда мы не захотим сами воспользоваться великим Его долготерпением, тогда Он обращает его в пользу других, повсюду являя вместе и человеколюбие и премудрость, как было и тогда. Тиран таким образом окончил жизнь, а памятниками его неистовства и силы блаженного Вавилы, стоят и капище и храм мученика, первое в запустении, а последний с той же силой, какую имел и прежде.

Рака же мученика опять не переносится по устройению и в этом случае Божию, для того, чтобы приходящим были яснее известны славные дела святого. Каждый из приходящих с чужой стороны, приблизившись к этому месту и отыскивая мученика, и потом не видя его там, тотчас идет спрашивать о причине, и выслушав таким образом всю историю, уходит, получив больше пользы, нежели прежде; таким образом, и приходя в Дафну и опять оставляя ее, он делает величайшее приобретение.

Такова сила мучеников живых и умерших, и остающихся на местах и опять оставляющих их. Подлинно, от начала до конца славные дела этого мученика следовали в непрерывной связи. Посмотри, он вступился за оскорбляемые законы Божии, и за убитого подверг наказанию, какому следовало; показал, какое различие между священством и царской властью, укротил всю мирскую гордость и попрали житейское тщеславие, научил царей не простираť своей власти далее данной им от Бога меры, показал и священным лицам, как должно им пользоваться своей властью. Это и больше этого он сделал, когда был во плоти; а когда преставился и отошел, то разрушил силу демона, обличил заблуждение язычников, раскрыл пустословие гадания, сокрушил его маску и показал в наготу все лицемерие его, заградив уста бывшему, по-видимому, господствующим в этом деле и захватив его с великой силой. И теперь стоят стены капища, возвещая всем посрамление, посмеяние и бессилие демона, венцы, победу и силу мученика. Таково могущество святых; так оно непобедимо и страшно – и для царей, и для демонов, и для самого предводителя демонов.

Похвальная беседа о святых мученицах Вернике и Просдоке девах и о матери их Домнине*16

Дерзновение мучениц – плод смерти Христовой, упраздлившей страх смерти. Авраам, страшась смерти, называл в Египте Сарру сестрой, а не женой. Несправедливость упрека, будто бы Авраам при этом жертвовал целомудрием жены ради спасения своей жизни. Иаков и Илия также боялись смерти, а ныне жены презирают ее, потому что тогда смерть была грозным наказанием, ныне же она – переход к лучшей жизни, ко Христу. По умершим ныне не плачут, а поют – символ радости. Св. мученицы во время жестокого гонения покидают родной город, жертвуя всем ради спасения веры, и Бог охраняет их в пути; жизнь их в Едессе, усиление гонения согласно с предсказанием Христа; цель этого предсказания. Муж и отец их является гонителем и схватывает их, но по пути они уходят ночью от воинов и бросаются в реку, принимая истинное крещение. Тяжесть такого подвига, особенно для их матери; не пыток боялась она, но желала охранить дочерей от поруганий, а эти оказали высшую степень послушания матери.

1. Не прошло еще и двадцати дней, как мы совершали память креста, и вот уже совершаем память мучениц. Видишь ли, как скоро явился плод смерти Христовой? Ради той Овцы потерпели заклятие эти юницы, ради того Агнца эти жертвы, ради той Жертвы эти приношения. Не прошло еще двадцати дней, и уже древо креста произрастило прекрасные отрасли мучеников; таковы действия Христовой смерти. Итак, смотри доказательство сказанного тогда, оправдавшееся сегодня самыми делами. Тогда я говорил: *«Он сокрушил врата медные и вереи железные сломил»* (Пс.106:16); сегодня это открылось на самом деле. Если бы Он не сокрушил врат медных, то жены не дерзнули бы войти так легко, при заключенных вратах; если бы Он не сломил железной вереи, то девы не смогли бы снять ее; если бы Он не сделал темницу непригодной, то мученицы не вошли бы с таким бесстрашием. Благословен Бог, – жена смело

восстает на смерть, – жена, введшая смерть в нашу жизнь, (жена) – древнее орудие дьявола, это (орудие) низложило силу дьявола; сосуд немощный и удобосокрушимый стал оружием непобедимым; жены смело восстают на смерть: кто не изумился бы? Да посрамятся язычники, да постыдятся иудеи, неверующие воскресению Христову. Для чего, скажи мне, ищешь ты большего знамения этого воскресения, когда видишь совершившейся такую перемену в делах? Жены смело восстают на смерть, на то, что прежде и для святых мужей было страшно и ужасно.

Узнай же прежний страх пред ней, чтобы, видя нынешнее презрение к ней, дивился ты виновнику этой перемены – Богу; узнай прежнюю ее силу, чтобы, убедившись в настоящем ее бессилии, ты благодарил Христа, Который сделал ее совершенно бессильной. Прежде, возлюбленный, не было ничего сильнее смерти и ничего слабее нас, а теперь нет ничего слабее ее и ничего сильнее нас. Видишь ли, какая превосходная произошла перемена, как Бог сделал сильное слабым, а слабое сильным, явив нам в том и другом свое могущество? Но чтобы сказанное не было только одним выражением личного мнения, я приведу и доказательство. И во-первых, если угодно, мы покажем, как прежде боялись смерти не только грешники, но и святые люди, имевшие великое дерзновение пред Богом, отличавшиеся доблестными делами и достигшие всякой добродетели. Впрочем я показываю это не для того, чтобы осуждать нам святых, но чтобы подивиться силе Божией. Итак, откуда видно, что лик смерти прежде был страшен и все ужасались ее и трепетали? Из примера первого патриарха. Авраам, патриарх, праведник, друг Божий, оставивший отечество, и дом, и родных, и друзей, и презревший все настоящее ради повеления Божия, так боялся и страшился смерти, что, намереваясь войти в Египет, сказал жене своей следующее: *«вем, яко жена добролична еси: будет убо, егда увидят тя Египтяне, тебе снабдят, мне же убьют. Что же? Рцы, яко сестра ему есмь, да добро мне будет тебе ради, и будет жива душа моя тебе ради»* (Быт.12:11–13). Что это, святой и патриарх? Ты пренебрегаешь бесчестием жены,

оскорблением брачного ложа, разрушением брака? Так боишься ты, скажи мне, смерти? И не только пренебрегаешь этим, но и сплетаешь обман вместе с женой, разыгрываешь вместе с ней постыдную драму, и чтобы царь египетский, покушаясь на прелюбодеяние, не сделал этого явно, надеваешь ей маску сестры, снимая с нее имя жены? Впрочем я боюсь, чтобы стараясь ослабить силу смерти, нам не показаться осуждающими праведника; поэтому, я постараюсь сделать то и другое, и показать бессилие смерти и исхитить его от такого осуждения. Но прежде необходимо доказать, что он боялся смерти, и тогда избавить его от нареканий. Посмотрим же, какое страшное и невыносимое дело испытал он, – потому что видеть свою жену посрамляемой и смотреть, как с ней совершают прелюбодеяние, это невыносимее и тысяч смертей. Но что я говорю: как с ней совершают прелюбодеяние? Даже, если муж имеет в душе простую мысль подозрительную касательно ее, и тогда для него вся жизнь становится не в жизнь. Страсть ревности составляет для него огонь и пламень неукротимый, которого мучительную и непреодолимую силу выражая, некто сказал: *«исполнена бо ревности ярость мужа ея: не изменит ни единою ценою вражды, не пощадит в день суда, ниже разрешится многими дарми»* (Прит.6:34–35); и еще в другом месте: *«жестока яко ад ревность»* (Песн.8:6). Как невозможно, говорит он, склонить ад деньгами, так и ревнивого успокоить и примирить. Многие часто отдали бы душу свою, чтобы найти прелюбодея, и охотно стали бы пить самую кровь человека, оскорбившего жену, и решились бы сделать и потерпеть все для этого; а праведник однако перенес эту невыносимую, мучительную и непреодолимую страсть с величайшим терпением и пренебрег оскорблением жены своей по страху смерти и кончины.

2. Итак, отсюда видно, что он боялся смерти; теперь же время избавить его от нареканий и обвинения за это, сказав наперед самое обвинение. Какое же это обвинение? Ему, говорят, должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорблением жены; за это и обвиняют его некоторые, что он решился лучше спасти свою жизнь, нежели целомудрие жены.

Что говоришь ты? Ему должно было лучше умереть, нежели пренебречь оскорблением жены? Но какая была бы польза? Если бы он умирая мог исхитить этим жену от оскорбления, то вы говорите это прекрасно; но если умерши он не приносил никакой пользы жене для спасения от оскорбления, то для чего ему тщетно и напрасно жертвовать своей жизнью? А дабы тебе убедиться, что он и умерши не мог бы исхитить ее от прелюбодеяния, послушай, что говорит он: *«будет, егда увидят тя Египтяне, тебе снабдят, мне же убьют»* (Быт.12:12). Таким образом имели произойти два преступления, прелюбодеяние и убийство; делом не малого благоразумия было из этих двух предотвратить по крайней мере одно. Если бы он (опять скажу то же), предав душу свою, спас жену от оскорбления, и египтяне, убив праведника, не коснулись бы Сарры, то ты обвиняешь справедливо; но если и по смерти его жена одинаково имела подвергнуться оскорблению, то для чего ты осуждаешь праведника за то, что когда имели случиться два преступления, прелюбодеяние и убийство, он своей мудростью предотвратил одно из них, т. е. человекоубийство? За это, напротив, должно было хвалить его, что именно он сохранил руку прелюбодея чистой от крови. Ты не можешь сказать, что она самыми словами «я сестра его» увлекла египтянина к оскорблению, потому что, если бы она и сказала «я жена его», и в таком случае он не отстал бы. Это объяснил и сам Авраам, сказав: *«егда увидят тя, рекут яко жена его сия, и убьют мя, тебе же снабдят»*. Так, если бы она сказала, что она была женою его, то совершилось бы и прелюбодеяние и убийство; но когда она сказала, что сестра, то убийство предотвращалось. Видишь, как из двух имевших совершиться преступлений, он своей мудростью устранил одно?

Хочешь ли узнать, как он, по возможности с своей стороны, уничтожил также и вину прелюбодеяния, так что не допустил египтянина сделаться и совершенным прелюбодеем? Выслушай опять внимательно самые слова его: *«рци, – говорит, – яко сестра ему есмь»*. Что говорит он? Взавший сестру его не прелюбодей, потому что прелюбодей судится по намерению. Так и Иуда, вошедший к невестке своей Фамари, не считался

прелюбодеем, потому что вошел к ней не как к невестке, но как к блуднице (Быт.38:15). Так и здесь египтянин, имевший взять ее не как жену Авраама, но как сестру, не стал бы считаться прелюбодеем. Но, скажут, как это относится к Аврааму, который знал, что отдавал жену свою, а не сестру? И в этом он не виновен. Если бы египтянин, услышав, что она жена Авраама, удержался бы от оскорбления, то ты справедливо осуждал бы праведника, а если имя жены несколько не могло помочь Сарре в отражении оскорбления, как и сам он сказал: *«рекут, яко жена его есть сия, и снабдят тебе»*, то тем более надо хвалить праведника за то, что в таких затруднительных обстоятельствах он мог и сохранить египтянина чистым от крови и, по своей возможности, уменьшить вину оскорбления.

Обратим теперь слово и к внуку его – Иакову, и ты увидишь, что и он боялся и страшился смерти, человек с юного возраста показавший апостольское любомудрие. Как Павел дал закон ученикам, говоря: *«имея пропитание и одежду, будем довольны тем»* (1Тим.6:8), так и он просил у Бога следующего: *«аще даст ми Господь хлеб ясти, и ризу облекши»*, то довольно нам (Быт.28:20). Однако и он, не искавший ничего более необходимого, презревший дом свой, получивший благословения, повиновавшийся матери, друг Божий, мудростью пересиливший природу (так как он, будучи вторым по природе, стал первым по благословениям), он, имевший такую силу, бывший столь любомудрым, показавший такое благочестие, – после бесчисленных трудов, после бесчисленных состязаний, после бесчисленных подвигов и многих венцов, возвращаясь в отечество и готовясь встретиться с братом, как бы ожидая увидеть дикого зверя и боясь его злопамятства, припадает к Богу и взывает: *«изми мя от руки Исава брата моего: яко боюся аз его, да не когда пришед убьет мя и мать с чады»* (Быт.32:11). Видишь ли, как и он боялся смерти, как трепетал и взывал к Богу об этом? Хочешь ли, я покажу опять тебе и другого великого человека, испытавшего то же самое? Представь себе Илию, душу, достигавшую до небес и божественную. Тот, который заключил небо и опять отверз его, низвел огонь свыше, принес дивную жертву, ревновал по Боге,

показал ангельскую жизнь в человеческом теле, не имел ничего, кроме милоти, был выше всего человеческого, – так трепетал и боялся смерти, что после всего этого, после неба и жертвоприношения, после милоти и пустыни, после такого любомудрия и дерзновения, убоился слабой женщины и вследствие того обратился в бегство. Когда Иезавель сказала: *«сия да сотворят ми бози, и сия да приложат, аще на утро душу твою положу, яко же душу единаго от них, и убоюся Илия, – говорится в Писании, – и бежа путь чотыредесяти дний»* (3Цар.19:2–8).

3. Видишь, как страшна смерть? Прославим же Владыку, что страшное для пророков Он сделал презренным для жен. Илия убегал от смерти, жены прибежали на смерть; он отскочил от смерти, а они стремились к смерти. Видишь, какая вдруг совершилась перемена? Мужи, подобные Аврааму и Илие, боятся смерти, а жены попрали смерть, как грязь, своими ногами. Но не будем осуждать и тех святых; это не их вина, это была немощь природы, а не вина воли. Бог хотел, чтобы тогда смерть была страшна, дабы после открылось величие благодати; хотел, чтобы она была страшна, так как она была наказанием; потому не хотел Он, чтобы угроза наказания ослабела, дабы люди после того не сделались более беспечными. Пусть остается, говорил Он, этот приговор, устрашая и вразумляя их, будет, будет время, когда они освободятся и от этого страха, что действительно и случилось. А что Он освободил нас от этого страха, это показывают мученики, прежде же мучеников показывает Павел. Ты слышал, как в Ветхом Завете говорил Авраам: *«тебе снабдят, мене же убьют»*? Слышал, как говорит Иаков: *«изми мя, Господи, от рук Исава брата моего, яко боюся аз его»*?

Видел, как Илия бежал от женской угрозы ради смерти? Послушай же, как относится к этому делу Павел, считает ли он смерть страшной, как они, печалится ли при ее наступлении и боится ли. Напротив, он считает ее даже вождеделенной, и потому говорит: *«разрешиться и быть со Христом, потому что это несравненно лучше»* (Флп.1:23); для тех страшно, а для него лучше; для тех неприятно, а для него приятно; и весьма

естественно, потому что прежде смерть низводила в ад, а теперь смерть препровождает во Христу. Поэтому Иаков говорит: *«сведете вы седину мою с печалью во гроб»* (Быт.42:38); а Павел говорил: *«разрешиться и быть со Христом мне несравненно лучше»*. Впрочем, он говорил это не осуждая настоящей жизни, (да не будет, остережемся, чтобы не дать места нападениям еретиков), и не избегая ее, как зла, но стремясь к будущей, как к лучшей. Он не сказал: разрешиться и со Христом быть хорошо просто, но лучше, а лучшее бывает лучше чего-либо хорошего. Как в словах: *«выдающий замуж свою девицу поступает хорошо; а не выдающий поступает лучше»* (1Кор.7:38), он показывает, что брак хорош, но девство лучше, так точно и здесь: хороша, говорит, настоящая жизнь, но будущая гораздо лучше. И в другом месте, рассуждая об этом же самом, он говорил: *«если я и соделываюсь жертвою за жертву и служение веры вашей, то радуюсь и сорадуюсь всем вам. О сем самом и вы радуйтесь и сорадуйтесь мне»* (Флп.2:17–18). Что говоришь ты? Ты умираешь, Павел, и призываешь людей к участию в радости? Что, скажи мне, случилось с тобою? Я не умираю, говорит он, но восхожу к лучшей жизни. Как люди, получающие власть, приглашают многих участвовать в их радости, так и Павел, идя на смерть, призывал других сочувствовать ему, потому что смерть есть отдых и избавление от трудов, воздаяние за подвиги, награда за борьбу и венец. Поэтому вначале по умершим бывали рыдания и плач, а теперь – псалмы и песнопения. Так Иакова оплакивали сорок дней, столько же дней и Моисея оплакивали, и иудеи сетовали, потому что смерть тогда была смертью, а теперь не так, но бывают песнопения, молитвы и псалмы; все это показывает, что смерть заключает в себе удовольствие – ведь псалмы символ радости: *«благошествует ли кто в вас, – говорится, – да поет»* (Иак.5:13). Так как мы исполнены радости, то и поем по умершим псалмы, которые убеждают нас не бояться смерти. *«Обратися душе моя в покой твой, – говорится, – яко Господь благодетельствова тя»* (Пс.114:7). Видишь, что смерть есть благодеяние и отдых? Вошедший в этот покой почил от дел своих, как Бог – от Своих.

4. Это о смерти; теперь же обратимся к похвале мученицам, если вы не утомились слушать, потому что сказанное заимствовало для себя повод от похвалы мученицам; но необходимо обратить речь немного выше. Некогда возбуждена была против Церкви тяжелая война, жесточайшая из всех войн; это была война двоякая – внутренняя и внешняя; одна с домашними, другая с врагами, одна с чужими, другая с близкими. Если бы она была и простой войной, зло было бы невыносимо, и если бы она наступала только отвне, и тогда размеры бедствий были бы велики; но теперь она была двоякой, и та, которая велась с домашними, была тяжелее внешней. Открытого врага легко можно остеречься; но тот, кто имеет маску друга, а скрывает в себе враждебные чувства, трудно уловим для подвергающихся его козням. Итак, тогда была двоякая война, одна междоусобная, другая надвигалась от внешних, или – лучше – если нужно сказать правду, та и другая война была междоусобной. И нападающие отвне, судьи и начальники и воины, были не иноплеменники какие-нибудь и варвары, или люди иного правления и царства, но управлялись одними и теми же законами, жили в одном и том же отечестве, участвовали в одной и той же общественной жизни. Итак, междоусобной была война и с судьями, но более жестокая была война с родными, необыкновенная, странная и исполненная великой свирепости. Братья предавали братьев, отцы детей, мужья жен, все права родства были попираемы, вся вселенная была в смятении, и никто тогда никого не признавал, потому что диавол владычествовал с чрезмерной силой. Итак, среди такого смятения и войны эти жены, если только можно называть их женами, – так как в женском теле они показали дух мужей, или – лучше – не только показали дух мужей, но и превзошли самую природу и состязались с бестелесными силами, – итак эти жены, оставив город и дом и родных, переселились в чужую страну. Когда Христос, говорили они, подвергается бесчестию, то не должно быть для нас ничего драгоценного и нужного; поэтому, оставив все, они ушли. Подобно тому, как в загоревшемся среди ночи доме спящие внутри, услышав смятение, тотчас вскакивают с постели и убегают из дверей

дома, не взяв с собой ничего из находящегося внутри, потому что заботятся только об одном, как бы скорее унести свое тело от пламени и опередить течение огня, распространяющегося с великой скоростью, – так точно сделали и эти жены. Видя всю вселенную в пламени, они тотчас вскочили и выскочили из ворот города, заботясь только об одном, чтобы всеми мерами соблюсти спасение своей души. Подлинно, тогда был сильный пожар и господствовал глубокий мрак, мрак темнее ночного, и потому, как бы во мраке, друзья не узнавали друзей и мужья предавали жен, мимо врагов проходили, а на друзей и на домашних нападали, – было жестокое ночное сражение, и все полно было великого смятения.

Тогда они вышли, оставив отечество и подражая патриарху Аврааму, которому было сказано: *«пойди из земли твоей, от родства твоего»* (Быт.12:1). Время гонения побудило и их уйти от земли и от сродников, чтобы унаследовать небо. И вот вышла из дома жена, имея при себе двух дочерей. Не пропусти этого без внимания, слыша, что вышли женщины, благородно воспитанные и никогда не испытывавшие таких бедствий, но представь в уме своем, каково было это несчастье, сколько трудностей заключало в себе это дело. Если люди, предпринимающие умеренное путешествие, запасшиеся лошадьми, имеющие слуг, путешествующие с безопасностью, имеющие возможность возвратиться, когда им угодно, испытывают много трудностей, переносят много неприятностей, – то, когда отправляется женщина и девы, когда нет слуг, а есть предательство друзей, и смятение, и беспорядок, и невыносимый страх, и разнообразные для них опасности, и бегство ради души, и враги со всех сторон, какое слово может представить подвиги этих жен, мужество, великодушие, веру? Если бы вышла одна мать, то подвиг не был бы столь невыносимым; но теперь она повела и дочерей, и притом двух дев, так что опасность была двойная и забота много увеличивалась, потому что чем больше имущества, тем труднее охрана. Итак она вышла, имея при себе дев, и не имея возможности скрывать их во внутренних покоях. Вы знаете, что для сохранения цвета девства употребляются и внутренние

покои, и женские отделения в доме, и двери, и запоры, и стражи, и наблюдатели, и служанки, и воспитательницы, и постоянное присутствие матери, и попечение отца, и множество забот со стороны родителей, и при всем том он едва сохраняется; а она была лишена всякой подобной охраны: как же она могла сохранить их? Через соблюдение божественных законов. Она не имела вокруг себя стен жилища, но имела крепкую руку, покрывающую свыше; она не имела ни двери, ни запора, но имела истинную дверь, ограждающую от козней. И как дом Лота, хотя и был осаждаем среди Содома, но не потерпел никакого вреда, потому что внутри его находились ангелы, – так точно и эти мученицы, находясь между содомлянами и всякими врагами и осаждаемые со всех сторон, не потерпели никакого вреда, потому что в их душах обитал Владыка ангелов; и проходя пустынным путем, они нисколько не пострадали, потому что держали истинный путь, ведущий их на небо. Поэтому среди такой войны и смятения, объятые волнами, они шли с безопасностью; и удивительно, что овцы были ведены среди волков, агнцы проходили среди львов, и однако никто не смотрел на них нескромными глазами, но как содомлянам, стоявшим близ двери, Бог не попустил видеть входа (Быт.19:10), так и тогда Он ослепил взоры всех, чтобы не были оскорблены девственные тела.

5. Итак, они отправляются в город, называемый Едессой, в город, который был грубее многих, но и благочестивее, так как что, по мнению их, могло сравниться с этим городом, чтобы найти убежище среди такого волнения и иметь пристань среди такой бури? И город принимает странниц, странниц земли, но гражданок неба; и, приняв, сохранил этот залог. Впрочем пусть никто не обвиняет этих жен в слабости за то, что они убежали; они исполняли повеление Господа, которое говорит: *«когда будут гнать вас в одном городе, бегите в другой»* (Мф.10:23). Слышав это, и они убежали, и пока сплетен был им один венец; какой же это? Венец за презрение всего настоящего: *«всякий, кто оставит братьев, или сестер, или отечество, или дом, или друзей, или родных, получит во сто крат, – сказано, – и наследует жизнь вечную»* (Мф.19:29). И были они там, имея

сожителем Христа, – «где двое или трое собраны, там Он посреди них» (Мф.18:20); а когда они были не только собраны, но и бежали ради имени Его, то не гораздо ли более привлекли себе Его помощь? Когда эти жены проживали там, вдруг везде стали рассылаться лукавые повеления, исполненные великого насилия и варварской жестокости; в них говорилось: пусть домашние предадут домашних, мужа – жен, отцы – детей, дети – отцов, братья – братьев, друзья – друзей. Ты же припомни здесь слова Христовы и подивись Его предсказанию, – все это Он предсказал раньше: *“предаст, – сказал Он, – брат брата, и отец – сына; и восстанут дети на родителей”* (Мф.10:21). А предсказал Он это тогда для следующих трех целей: во-первых, для того, чтобы мы познали Его силу и то, что Он есть истинный Бог, провидящий издали еще не случившееся; а что действительно ради этого Он предсказывал будущее, послушай, как Он сам говорит: *«И вот, Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется»*, что это Я (Ин.14:29). Во-вторых же, чтобы никто из врагов не говорил, что это происходит по Его неведению или немощи; ранее предвидевший мог и воспрепятствовать, но не воспрепятствовал, чтобы венцы были более блистательными, поэтому Он предсказывал это. И ради иной – третьей цели Он предсказывал. Какая же это именно? Та, чтобы сделать подвиг более легким для находящихся на арене, так как неожиданные бедствия, каковы бы они ни были, кажутся тяжелыми и невыносимыми, а ожидавшиеся и наперед обдуманное бывает легкими и удобными. Таким образом тогда враги, издавая такие повеления, и обнаруживали свою жестокость, и невольно подтверждали пророчество Христово; братья предавали братьев и отцы детей; самая природа восставала на саму себя, родство разделялось между собой, все законы извращались до основания, и все было исполнено некоторого смятения и беспорядка, и бесы наполняли тогда дома кровью родных. Отец, предавший сына, конечно и убивал его; хотя он и не вонзал меча и не совершал убийства своей рукой, но намерением совершал все, потому что кто предал убийце имеющего быть убитым, тот сам совершил убийство. Сделаем

же их детоубийцами, говорили бесы, сделаем детей отцеубийцами посредством предательства: а в древности приносились им такие жертвы, и отцы закалали детей. Об этом взывал пророк, говоря: *«приносили сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам»* (Пс.105:37); и такой они жаждали крови!

Так как Христос прекратил эти нечестивые и отвратительные жертвоприношения, то они старались опять возобновить их, но не смели бесстыдно и открыто сказать: закалайте детей ваших, – потому что никто не стал бы слушаться, – а иным путем они проводят это повеление и хитро выдумывают этот закон, приказав через судей отцам предавать детей. Для нас, говорят они, нет разницы, заколет ли кто сам, или предаст на заклятие сына, потому что и тот и этот – детоубийца. Итак, можно было видеть отцеубийц, детоубийц, братоубийц, и все исполненным смятения и беспорядка; но эти жены наслаждались глубоким миром, потому что их со всех сторон ограждала надежда на будущее. Находясь и в чужой стране, они не были на чужбине: они имели истинное отечество – веру, имели свой город – исповедание, и, питаясь благими надеждами, не чувствовали ничего настоящего, потому что взирали только на будущее. Когда дела были в таком положении, останавливается в том городе отец, имея при себе воинов для ловли добычи, останавливается отец и муж, отец этих дочерей и муж этой жены, если только можно назвать отцом или мужем того, кто служит таким делам. Впрочем, лучше пощадим его, сколько возможно, так как он был отцом мучениц и мужем мученицы, – не станем нашими обвинениями делать рану его более тяжкой.

6. Посмотри на благоразумие этих жен: когда должно было бежать, они убежали, а когда нужно было вступить в состязания, они остановились и, будучи схвачены, следовали любви Христовой, потому что как не должно навлекать на себя искушений, так нужно бороться с ними, когда они наступят, чтобы там показать кротость, а здесь мужество. Это именно и они тогда сделали: и возвратились, и стали подвизаться, потому что и поприще открылось и время призывало к подвигам, – а подвизались они следующим образом.

Пришли они в город, называемый Иераподем, а оттуда взошли в город, поистине священный, таким способом. Около той дороги, по которой они возвращались, протекала река, и они скрылись от воинов, когда эти обедали и пьянствовали, а некоторые говорят, что и отец содействовал им обмануть воинов, чему я и верю: может быть, он сделал это для того, чтобы через такое предательство можно было ему в день суда представить хотя малое оправдание в свою пользу, то именно, что он содействовал, помогал и сделал более легким шествие их к мученичеству. Приняв, таким образом, его в помощники и нашедши через него возможность обмануть воинов, они вошли в середину реки и опустились в ее волны. Вошла мать с двумя дочерьми, – пусть слушают и матери и девы, и пусть одни так повинуются матерям, а другие так воспитывают дочерей, так любят детей своих. Итак, вошла мать в середине, держа по обе стороны дочерей, замужняя среди незамужних; и было супружество среди девства, а посреди их Христос. Как корень дерева, имеющий по обе стороны две стоящие ветви, так и эта блаженная вошла тогда, имея по обе стороны этих дев, и опустила их в воду; и таким образом они утонули, или – лучше – не утонули, но крестились новым и необыкновенным крещением. И если ты хочешь убедиться, что это событие было несомненным Крещением, послушай, как Христос называет смерть Свою крещением. Так, беседуя с сынами Зеведеевыми, Он говорит: *«чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься»* (Мф.20:23). А каким крещением крестился Христос, после крещения Иоаннова, кроме смерти и креста? Как Иаков, не распятый, но усеченный в голову мечем, крестился крещением Христовым, так и эти, хотя и не были распяты, но скончавшись от воды, крестились крещением Христовым; а крестила их мать. Что говоришь ты? Женщина крестит? Да, таким крещением и женщины крестят как именно и она тогда крестила и была священником; она привела разумные жертвы, и произволение было для нее рукоположением; и то удивительно, что, принося жертву, она не имела нужды ни в жертвеннике, ни в дровах, ни в огне, ни в ноже, так как стала всем, и жертвенником, и дровами, и ножом,

и огнем; и одно и то же было жертвоприношением и крещением, несомненным более обыкновенного крещения. Об этом говорит Павел: «соединены с Ним подобием смерти Его» (Рим.6:5); а о крещении мучеников уже не говорит: «подобием смерти Его», но: «сообразуясь смерти Его» (Флп.3:10). Итак, мать ввела дочерей в реку, как бы не в реку намереваясь ввести их, но как бы вводя в самые чертоги священные, ввела их, держа по обе стороны и говоря: «Вот я и дети, которых дал мне Господь» (Ис.8:18); Ты мне дал их, Тебе я вручаю их, достояние мое и саму себя. Таким образом мученичество этой жены было двоякое или лучше троякое: через саму себя однажды, и чрез двух дочерей дважды она потерпела мученичество. И как намереваясь броситься сама, она имела нужду в великом терпении, так и увлекая за собой детей, нуждалась в другом таком же терпении, или лучше, в гораздо большем, – потому что жены обыкновенно не так скорбят тогда, когда сами готовятся умереть, как, когда дочери их должны потерпеть это. И она большее потерпела мученичество через дочерей, – она сопротивлялась силе самой природы, устояла против пламени материнских мук, против невыносимого смятения сердца и против возмущения утробы. Если при виде одной умирающей дочери жизнь считают не в жизнь, то эта, не умирающими у ней вдруг видя двух дочерей, но собственной рукой увлекая их на смерть, представь, какие показала на себе мучения, на самом деле потерпев то, что для других невыносимо даже слышать. Воины, ничего не зная об этом, оставались в надежде взять их опять, а они уже были с воинами Христовыми, с небесными ангелами; но стражи не видали этого потому, что не имели очей веры. Павел говорит о матери, что она «спасется через чадородие» (1Тим.2:15); а здесь дочери спаслись посредством матери. Так матерям должно рождать детей. Подлинно, эти болезни рождения лучше первых; хотя в них сильнее страдания, но больше пользы. Об этих муках рождения знают те, которые были матерями; они знают, каковы муки – видеть умирающими дочерей своих; но самой собственноручно стать причиной их смерти, это невыразимо большая степень.

7. Но почему эта жена не пошла в судилище? Она хотела прежде сражения получить трофей, прежде подвигов схватить венец, прежде борьбы получить награды, боясь не мучений, а наглых взоров неверных; она не боялась того, чтобы кто-нибудь не стал терзать ее ребер, но боялась, чтобы кто-нибудь не растлил девства дочерей. А что она боялась этим страхом, а не тем, и поэтому не пошла в судилище, – видно из следующего: в реке она испытала гораздо большие мучения, потому что гораздо тяжелее и болезненнее, как я прежде сказал, потоплять своей рукой собственную утробу, т. е. дочерей, и видеть их утопающими, нежели видеть свою плоть терзаемой; и гораздо больше любомудрия нужно было ей для того, чтобы быть в состоянии держать руки детей и увлекать их с собой в речные волны, нежели для того, чтобы переносить пытки; не одинаково мучительно – видеть дочерей страждущими от других, или самой содействовать их смерти, самой стать орудием кончины, самой заменять для них палачей: последнее гораздо тяжелее и невыносимее первого. Слова мои засвидетельствуете все вы, которые были матерями, испытывали болезни рождения, имели дочерей. Как она схватила за руку детей своих? Как не оцепенела рука ее? Как не ослабли жилы? Как не изменил рассудок? Как ум мог служить тому, что делалось? Подлинно, происходившее было горше тысячи пыток, потому что у нее вместо тела была терзаема душа. Впрочем доколе мы будем усиливаться достигнуть недостижимого? Никакое слово не сможет представить величие этого страдания; но одна только испытавшая это и подвизавшаяся жена знает, каковы эти подвиги. Пусть слушают это матери, пусть слушают девы: матери для того, чтобы так воспитывать дочерей, а девы для того, чтобы так повиноваться матерям. Нужно не только хвалить мать, повелевшую это, но удивляться и дочерям, которые послушались ее в этом; ни мать не имела нужды в узах для этих жертв и приношений, ни юницы не отскочили, но с одинаковым духом и усердием влекли ярмо мученичества, и таким образом вошли в реку, оставив обувь на берегу; сделали же они это из жалости к стражам, – такова была предусмотрительность этих святых! Они постарались оставить

им способ оправдаться в судилище, чтобы жестокий и суровый судья не мог обвинить их в измене и в том, что они, взяв серебро, отпустили этих женщин; поэтому они и оставили обувь, которая подтверждала сознание воинов, что не с ведома их, но без ведома, они сами бросились в реку. Может быть, велика стала у вас любовь к этим святым: будем же с этим пламенем припадать к их останкам; будем обнимать их гробницы, потому что и гробницы мучеников могут иметь великую силу, равно как и кости мучеников имеют великую силу. И не только в день этого праздника, но и в другие дни будем постоянно при них, будем призывать их, будем просить, чтобы они были нашими предстательницами; они имеют великое дерзновение не только при жизни, но и по смерти, и гораздо более по смерти, потому что ныне они носят язвы Христовы, а показывая эти язвы, они могут о всем умолить Царя. Итак, если у них такая сила и близость к Богу, то мы, поставив себя в близость к ним непрерывным посещением их и постоянным пребыванием с ними, будем снискивать себе через них человеколюбие Божие, которого да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Похвала святому мученику Юлиану*17

Слава мучеников на земле и несомненность большей еще славы на небе. Награда за земные подвиги отложена Богом для того, чтобы она была вечной и чтобы ожидание ее облегчало и самые подвиги. История св. Юлиана: его происхождение, продолжительность исповедничества и добрые последствия от этого для самого мученика и для других христиан; последние мучения и смерть, уподобившая Юлиана Даниилу во рве львином и Ною в ковчеге. Тела святых оставлены на земле в научение нам. Увещание слушателям воздержаться от участия на другой день в разгульном празднестве в Дафне; превосходство настоящего праздника перед завтрашним и по роду удовольствий, и по результатам. Увещание тем, кто сам не пойдет завтра в Дафну, позаботиться, не боясь ложного стыда, остановить и идущих туда на дороге еще и привести их в храм мученика.

1. Если на земле таковы почести мученикам, то по отшествии отсюда какие венцы сплетаются на небесах святым их главам? Если прежде воскресения такова слава их, то каково будет сияние их после воскресения? Если от подобных себе рабов они получают такое почитание, то какого благоволения сподобятся от Господа? Если мы, лукавые, умеем так почитать подвижников из подобных нам рабов и благоговеть перед ними, потому что они подвизались за Христа, то насколько более Отец наш Небесный даст бесчисленные блага потрудившимся для Него (Мф.7:11)? Подлинно, щедр и человеколюбив Он; но не поэтому только ожидают их великие почести, а и потому, что Он – должник их. Не за нас были закалаемы мученики, и однако мы стекаемся в честь их. Если же мы, за которых они не были закалаемы, стекаемся, то чего не сделает Христос, за Которого они положили свои головы? Если тем, кому Он ничего не был должен, дал Он столь великие блага, то каких даров не воздаст Он тем, перед кем Он – должник? Ничего Он не был прежде должен вселенной: *«потому что все, – говорит Павел, – согрешили и лишены славы Божией»* (Рим.3:23); или – лучше –

за Ним в долгу были казнь и мучения, и однако, будучи должен воздать нам казни и мучения, Он даровал жизнь вечную. Итак, если тем, кому Он должен был казнями, дал Он царство, то чего не даст тем, кому должен жизнью вечной? Какими почестями не почитит Он их? Если за ненавидевших Его Он распялся и пролил кровь, то чего не сделает для тех, которые пролили кровь свою за Его исповедание? Если отвращающихся и удаляющихся Он возлюбил так, что даже умер за них, то возлюбивших Его в высочайшей степени, ибо *«нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих»* (Ин.15:13), – с каким примет Он благоволением и почитанием? Подвижники внешних состязаний на одном и том же ристалище и ратоборствуют, и побеждают, и провозглашаются победителями, и увенчиваются; но с подвижниками благочестия бывает не так: ратоборствовали они в настоящем веке, а увенчиваются в будущем; борются с диаволом и побеждают здесь, а провозглашаются победителями там. И дабы вам убедиться, что это справедливо, что не здесь даются им венцы, но там ожидают их все дары, послушайте Павла, который говорит: *«подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится мне венец правды; где и когда? который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный»* (2Тим.4:7–8). Здесь он состязался, а там увенчивается; здесь победил, а там провозглашается. Послушайте, что и сегодня он взывает и говорит: *«все сии умерли в вере, не получив обетований, а только издали видели оные, и радовались»* (Евр.11:13). Для чего же у подвижников внешних вместе и победы и венцы, а у подвижников благочестия победы и венцы не вместе, но на таком расстоянии времени? Они подвизались, трудились здесь, потерпели бесчисленное множество ран, и Господь не тотчас увенчивает их? Не тотчас, говорит (апостол), – потому что настоящая жизнь по природе своей не вмещает величия той чести; настоящий век скоропреходящ и краток, а тот беспределен, бессмертен и бесконечен.

Посему Господь и уделил труды веку краткому и временному, а венцы сохранил для нестареющего и

бесконечного, чтобы и тяжесть трудов облегчалась, ограничиваясь краткостью времени, и наслаждение венцами было постоянно и нескончаемо, простираясь на вечность тех беспредельных веков. Таким образом Он отложил дар, желая больше почтить их; и не только для этого, но и для того, чтобы они имели удовольствие уже чистое. Как тот, кто прежде наслаждается и пользуется удовольствиями, а после того страдает, не чувствует настоящего наслаждения по причине ожидания будущих бедствий; так тот, кто прежде борется, подвизается, терпит бесчисленные бедствия, а после того увенчивается, не чувствует настоящих зол, ободряемый надеждой будущих благ. И не только надеждой в будущем Он облегчил им настоящий труд, но и тем, что устроил быть скорби по порядку прежде наслаждения, чтобы они, взирая на него, не очень были угнетаемы настоящими бедствиями. Так и бойцы охотно принимают раны, взирая не на боль, а на венец; так и мореплаватели, перенося бесчисленные опасности, бури и тяжкую какую-то войну, будучи готовы к бою и с дикими зверями и с морскими разбойниками, не думают ни о чем подобном, а смотрят на пристани и обогащение торговлей. Так и мученики, претерпевая бесчисленные страдания и испытывая терзание тела различными мучениями, не смотрели ни на что подобное, но устремляли взор к небу и к тамошним благам. А дабы вам убедиться, что тяжкое по природе и невыносимое становится легким и весьма удобным от надежды на будущее, послушайте первостоятеля таких благ: *"Ибо, – говорит он, – кратковременное легкое страдание наше производит в безмерном преизбытке вечную славу, – каким, скажи мне, образом? – когда мы смотрим не на видимое, но на невидимое»* (2Кор.4:17–18).

2. Все это сказано мной не попросту, но для вас, чтобы вы, когда увидите кого-нибудь наслаждающимся и пользующимся удовольствиями в этой жизни, а там имеющего подвергнуться наказанию, не ублажали его за настоящие наслаждения, а пожалели по причине будущего наказания. И с другой стороны, когда кого-нибудь из имеющих там наслаждаться великой честью увидите в скорби, в тесноте и среди бесчисленных

бедствий в этой временной жизни, то не оплакивайте его за настоящие бедствия, но убожайте и считайте достойным ревнования ради назначенных ему венцов в тех беспредельных веках. Празднуемого ныне святого произвел киликийский народ, который произвел и Павла; он был согражданин апостола, и оба служителя Церкви оттуда предложены нам.

Когда открылось поприще благочестия, и время призывало его к подвигам, то он попадает к жестокому зверю, бывшему тогда судьей. И посмотрите, какова хитрость! Видя твердое убеждение святого и невозможность сокрушить силу его решимости жестокостью казни, судья употребляет против него медленность и отсрочки, постоянно то вызывая мученика, то отсылая назад. Он не в один день, выслушав, отсек ему голову, чтобы скорость казни не сделала для него подвиг более легким, но ежедневно вызывал его и отсылал назад, делал допросы, угрожал бесчисленными пытками, соблазнял льстивыми речами, пуская в ход все хитрости, стараясь поколебать это непоколебимое основание, – и водил его целый год по всей Киликии, желал посрамить его, а лучше сказать, чего не предполагал он, делая его более славным; сам же мученик восклицал и воспевал с Павлом: *«благодарение Богу, Который всегда дает нам торжествовать во Христе Иисусе, и благоухание познания о Себе распространяет нами во всяком месте»* (2Кор.2:14). Как миро, пока лежит в одном месте, в нем только наполняет воздух благоуханием, а когда будет пронесено по многим местам, то все их наполняет своей добротой, – так точно случилось тогда и с этим мучеником. Его водили, намереваясь посрамить, но вышло противное: через такие проводы подвижник становился славнейшим и всех жителей страны киликийской делал соребнователями своей добродетели. Его водили везде, чтобы не только по слуху знали о его подвигах, но и собственными глазами видели бы зрители самого венценосца; и чем дальнейшие расстояния (мучитель) устраивал ему, тем славнее становились все его шествия, чем большие полагал ему препятствия, тем более удивительными являлись подвиги, чем долговременнее растягивал ему скорбь, тем виднее делал его терпение. Золото, чем более времени

подвергается действию огня, тем становится чище; так и душа этого святого, мучимая тогда, от времени более просиявала, и мучитель водил в мученике не что иное, как трофеей победы над самим собой и дьяволом, обличение жестокости язычников, доказательство благочестия христиан, величайшее знамение силы Христовой, назидание и внушение верным, чтобы и они охотно выдерживали такие же подвиги, проповедника славы Божией, учителя в искусстве таких подвигов. Подлинно, он призывал всех последовать его ревности, не голосом только советуя, но и самыми делами своими издавая звук громче трубы. Как *«небеса проповедуют славу Божию»* (Пс.18:2), не голос издавая, но великолепием вида своего приводя зрителя в удивление перед Создателем, так точно поведал славу Божию и этот мученик, будучи и сам небом, и притом гораздо блистательнейшим этого видимого, потому что не столько хоры звезд придают блеска небу, сколько струи ран умножали блеск тела мученика. А дабы вам убедиться, что раны мученика блистательнее утвержденных на небе звезд, посмотрите.

На то небо и на звезды смотрят и люди, и бесы, а на раны мученика люди верные смотрят, но бесы не смеют прямо смотреть; если же и пытаются взглянуть, то тотчас ослепляются взоры их, не имея силы вынести исходящего оттуда блеска. Я докажу это не только давними случаями, но бывающими еще и ныне. Взяв кого-нибудь, одержимого бесом и беснующегося, приведи к этому святому гробу, где останки мученика, и ты увидишь, что он непременно отскочит и убежит. Как будто ему предстоит идти по горячим угольям, так он выскакивает тотчас из самого преддверия, не осмеливаясь взглянуть даже на самую раку. Если же теперь, спустя столь долгое время, когда мученик стал прахом и пеплом, бесы не смеют взглянуть на памятник и на обнаженные кости святого, то явно, что и тогда, когда они видели его обгаренным кровью со всех сторон, блиставшим ранами более, нежели солнце лучами, они были поражаемы и с пораженными взорами убегали.

3. Видишь, как раны мучеников блистательнее и удивительнее звезд небесных и большую имеют силу? Таким образом святой выведен был на средину, и горькие муки

оказывали его отовсюду, – страх будущего, тяжесть настоящего, боль от наступившего, томление от ожидаемого. Палачи, окружавшие тело его, подобно диким зверям, терзали ребра его, скоблили плоть, обнажали кости, доходили до самых внутренностей; но, хотя переискали все, не смогли однако похитить сокровище веры. В царских сокровищницах, где хранится золото и другое неоцененное богатство, как только разломаешь стены, или отворишь двери тотчас увидишь лежащее сокровище; а здесь, с этим святым и христоносным храмом, произошло противное: палачи разломали стены, расторгли грудь, однакож лежавшего в ней богатства не видали и не могли взять; но что испытали жители Содома, которые стояли у самой двери Лотова жилища, и не нашли входа (Быт.19:11), тоже и они, – переискали везде тело мученика, но овладеть сокровищем и опустошить богатство веры не могли. Таковы душевные доблести святых: неотъемлемые и непреодолимые, они заключены в непоколебимости души их, как бы в каком-нибудь недоступном убежище, и ни взоры мучителей не увидят их, ни руки палачей не в состоянии отнять их, но, хотя бы они растерзали самое сердце, которому преимущественно вверено душевное мужество, хотя бы рассекли его на мелкие части, – и таким образом не опустошили бы они этого богатства, а еще более увеличили бы его; причиной же то, что в таких душах обитает Бог, а воюющему с Богом никогда не возможно одержать победы, но неизбежно должно удалиться посрамленным и потерпевшим постыдное поражение. Поэтому и в то время произошло прямо противное обычному. Везде дела одерживают верх над словами; а тогда слова одержали верх над делами. Каким образом? Мучители употребляли в действие огонь, железо, пытки; употребляли истязания, мучения, бичевания; совершенно истерзали ребра его; но страдалец остался неодолим: он только говорил, издавал один только голос – и слово одержало верх над делами. Из уст мученика исходил святой голос – и вместе с ним изливался свет блистательнее луча солнечного. Свет этого луча таков, каково расстояние от неба до земли, или лучше, даже и этого всего расстояния он не может пройти, когда посреди

встретится или кровля, или стена, или облако, или какое-нибудь другое тело, но отражается и дальнейшее движение его преграждается этими препятствиями; а голос мученика, исшедши из святых уст его, воснесся на самое небо. Он прошел небо небес; увидели его ангелы, и отступили, – архангелы, и посторонились; херувимы и прочие силы повели его вверх, и не прежде остановились, как когда привели его к самому Престолу царскому.

После этого голоса, когда тогдашний судья увидел, что все средства употреблены тщетно и напрасно, что он идет против рожна и разбивает адамант, что он делает? Он приступает наконец к явному своему поражению, и лишает мученика настоящей жизни, – так как смерть мучеников есть явное поражение убивающих и блистательная победа убиваемых. Но посмотри, какой ужасный и жестокий придумал он род смерти, достаточно показывающий жестокость мучителя и мужество мученика. Какой же именно род казни? Принесши мешок и наполнив его песком, он сажает туда скорпионов, змей, ехидн и драконов, сажает вместе с ними и святого, и бросает в море. И вот был мученик вместе с зверями, и заключен опять праведный человек вместе с зверями; я сказал: опять, чтобы вы вспомнили древнее повествование о Данииле. Того заключили в ров, а этого посадили в мешок; тогда привалили камень, а здесь зашили мешок, сделав для праведника еще теснейшую темницу. Но звери везде уважают тела святых, в посрамление и осуждение тех, которые почтены даром слова и удостоены быть людьми, но чрезмерной лютостью своей затмевают свирепость диких зверей, – каков, конечно, был и этот мучитель. И можно было видеть дивное чудо, не меньшее чуда с Даниилом. Как тогда удивились вавилоняне, увидев его через много дней вышедшим из рва львиного, так удивились ангелы, видя душу Юлиана из мешка и волн восходящей на небо. Даниил поразил и победил двух львов, впрочем телесных; этот поразил и победил одного льва, но мысленного, врага нашего дьявола, который, говорится, *«ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»* (1Пет.5:8); но и он был побежден мужеством

мученика, который сложил с себя яд греха, а потому его он и не поглотил, потому и не боялся ни льва, ни ярости зверей.

4. Хотите, я расскажу еще другое древнее повествование, где праведник и звери? Вспомните о потопе при Ное и о ковчеге. И тогда праведник и звери вместе; но Ной вошел человеком, и вышел человеком, а Юлиан вошел человеком, и вышел ангелом; тот вошел с земли, и вышел опять на землю, а этот вошел в мешок с земли, и из мешка отошел на небо. Море взяло его не для того, чтобы умертвить, но чтобы увенчать, и, увенчав, возвратило нам тело мученика, этот святой ковчег; его мы храним до настоящего дня, как сокровищницу бесчисленных благ. Бог разделил с нами мучеников: Сам взяв душу их, тела Он как бы дал нам, чтобы святые кости их были у нас постоянным напоминанием об их добродетели. В самом деле, если тот, кто смотрит на окровавленное оружие бойца, на его щит, копье и латы, тотчас, хотя бы это был ленивейший из всех, вскакивает, горячится и стремится к войне, видом этого оружия побуждаясь к совершению таких же подвигов, – то мы, взирая не на оружие, а на самое тело святого, удостоившееся быть окровавленным за исповедание Христово, хотя бы мы были боязливее всех, можем ли не возыметь великой ревности, когда это зрелище, как бы какой огонь, проникает в нашу душу и призывает нас на такой же подвиг? Для того Бог и оставил нам тела святых до времени воскресения, чтобы мы имели в них урок величайшего любомудрия. Впрочем, немощью нашего языка да не уменьшаются похвалы мученика, но да ожидают распорядителя подвигов – Бога. Кто дает им венцы, тот и восхвалит их; похвала им не от людей, но от Бога; и то, что мы сказали, сказали не для того, чтобы показать мученика более светлым, но чтобы вас сделать более ревностными. Оставив же похвалы ему, обратим всю речь к вам, – а лучше сказать, похвалы мученикам невозможно прекратить, когда кто беседует в церкви о предметах полезных. Будьте же внимательны; я хочу сегодня истребить дурной старинный обычай, чтобы нам не только приходило к мученикам, но и подражать мученикам, так как чествование мучеников не только в том, чтобы приходило к ним, но еще прежде этого в том, чтобы соревновать их

мужеству. Поэтому прежде всего надобно указать дурной обычай, потому что, не зная болезни, неудобно применять и врачество; и я раскрою прежде рану, а потом приложу лекарство. Какой же это дурной обычай? Некоторые из собравшихся здесь сегодня (я не стану обвинять в этой вине всю церковь), по беспечности и простоте, оставив нас, завтра устремятся в Дафну – расточать завтра то, что мы собрали сегодня, и разрушать то, что мы создали. Итак, чтобы присутствие здесь не осталось для них бесплодным, скажем немного об этом, и окончим речь. Зачем, скажи мне, спешишь ты в это предместье города? Вот здесь – предместье горнего Иерусалима; вот здесь – духовная Дафна! Там источники вод, здесь источники мучеников; там кипарисы, бесплодные деревья, здесь останки святых, корни насаждения на земле, и простирающиеся до неба ветви. Хочешь видеть и плод этих ветвей? Открой очи веры, и я тотчас покажу тебе естество этих дивных плодов. Плод этих ветвей не яблоки, не орехи, и не другое что-нибудь тленное и погибающее, но исцеление увечных тел, отпущение грехов, истребление порока, уврачевание душевных болезней, непрестанная молитва, дерзновение перед Богом, все – духовное и преисполненное небесных благ. Эти плоды, постоянно срываемые, всегда остаются в изобилии, и никогда не бывает в них недостатка у тех, кто их возделывает. Притом деревья, растущие на земле, приносят плоды однажды в год, и если не сорвешь их, то с наступлением зимнего времени и деревья теряют свое благолепие, когда плоды портятся и опадают; а эти не знают ни зимы, ни лета, не подлежат влиянию времен года, и никогда нельзя видеть их обнаженными от их плодов, но всегда они стоят в одинаковом благолепии; не касается их ни тление, ни перемена времен. Так, сколь многие с тех пор, как это тело насаждено на земле, собирали бесчисленные исцеления от этой святой гробницы, и однако плодов не убавилось, – жатвы пожинали, а колосья не оскудели, черпали из источника, а потоки не опустели, напротив происходит некоторый постоянный прилив, никогда не иссякающий, но в замен почерпаемого всегда производящий еще обильнейшее чудо. Впрочем не только совершаются

чудеса, но и преподаются уроки любомудрия. Если ты богат, и гордишься, и имеешь надменную душу, то, пришедши сюда, увидев мученика и обдумав разность между твоим богатством и его изобилием, ты тотчас смиришь гордость и, отложив надменность, уйдешь отсюда с полным здоровьем в душе; если же ты беден, и считаешь себя презираемым, то, пришедши, увидев богатство мученика и посмеявшись над внешним богатством, выйдешь отсюда, исполнившись великого любомудрия, и хотя бы нанесены были тебе оскорбления, или убытки, или раны, увидев, что ты еще не столько пострадал, сколько этот святой мученик, ты также получишь отсюда достаточное утешение. Видишь, каковы плоды этих корней, как они неиссякаемы, как духовны, как они касаются самой души? Я не запрещаю ходить в предместье, но запрещаю – идти завтра. Для чего? Для того, чтобы наслаждение было безукоризненным, чтобы удовольствие было чистым, чтобы не приходило осуждение. В иной день можно и насладиться удовольствием, и избежать греха. Если же ты хочешь и ныне наслаждаться удовольствием, то что приятнее этого собрания, что прелестнее этого духовного зрелища, собрания сочленов твоих, твоих братьев? Но ты хочешь участвовать и в телесной трапезе? Можно, по окончании собрания, здесь подле храма мучеников, расположившись под смоковницей, или под виноградником, и телу дать отдых, и совесть избавить от осуждения. Мученик, видимый вблизи, находящийся подле и предстоящий самой трапезе, не допустит удовольствию разлиться в грех; но, как бы какой наставник, или превосходный отец, созерцаемый очами веры, он сдерживает смех, отсекает непристойные удовольствия, уничтожает все порывы плоти, которых там невозможно избежать. Почему? Потому, что завтра захватят предместье хороводы людей; а вид таких людей часто и желающего быть благоразумным невольно приведет к подражанию подобному бесстыдству, и особенно, когда среди их присутствует и диавол, – а он бывает там вызываемый блудными песнями, срамными речами, бесовским ликованием. Но ты отрекся от всего этого ликования и определил себя на

служение Христу в тот день, в который удостоился Священных Таин. Помни же те слова и тот обет, и избегай их нарушения.

5. Я хочу побеседовать и с теми, которые присутствуют здесь и не пойдут туда, и поручить им спасение прочих. Так и врач, пришедши к больному, не много говорит с лежащим, но, призвав приближенных к нему, им дает все наставления касательно лекарств, кушанья и остального ухода. Почему? Потому, что больной не сейчас принимает совет, а здоровый с полной готовностью выслушивает, что говорится. Поэтому и я, после них, хочу побеседовать и с вами. Заранее захватим завтра ворота, займем дороги, снимем с повозок мужчины мужчин, а женщины женщин, приведем их сюда, не будем стыдиться. Где спасение брата, там нет стыда. Если они не стыдятся, отправляясь на незаконное ликование, то гораздо более нам не должно стыдиться, намереваясь возвратить их к этому священному торжеству. Когда предстоит спасение брата, не будем отказываться ни от чего. Если Христос умер за нас, то нам должно терпеть все за них; хотя бы они стали наносить удары, хотя бы стали браниться, ты держи и не прежде отставай, пока приведешь их к святому мученику; хотя бы пришлось устроить суд из прохожих, желающие пусть слушают: я хочу, скажи, спасти брата, вижу погибающую душу и не могу пренебречь родством. Кто хочет, пусть осуждает; кто хочет, пусть обвиняет; но, вернее, никто не осудит, напротив, все похвалят, все одобряют. Не за деньги, не в отмщение за личную обиду, и не за иное что-нибудь житейское я спорю и сражаюсь, а за спасение брата: кто не одобрит этого, кто не подивится? Нас, ничем не связанных друг с другом по родству плотскому, родство духовное связало любовью сильнее родителей. Если хотите, возьмем с собою и мученика, – он не постыдится пойти и спасти братьев. Представим его очам их, пусть устрашатся его присутствия, пусть постыдятся его увещания и просьбы, – а он не постыдится и просить. Если Владыка его умоляет естество наше: *«мы – посланники от имени Христова, – говорит Павел, – как бы Сам Бог увещевает через нас: примиритесь с Богом»* (2Кор.5:20), – то тем более сделает это раб Его. Одно только печалит его – гибель наша, одно радуется – спасение наше, и

потому он не откажется сделать ничего для этого. Не будем же и мы стыдиться и не будем считать этого излишним. Если охотники ходят по стремнинам, горам, пропастям и по всякому непроходимому месту, желая поймать зайца, или серну, или что-нибудь другое подобное, или часто даже каких-нибудь диких птиц, – то как ты, имея в виду отвести от гибели не ничтожное бессловесное, но духовного брата, за которого умер Христос, отказываешься и стыдишься не горы и леса проходить, а только выйти к воротам? Какое, скажи мне, будешь ты иметь оправдание? Разве ты не слышишь, как один мудрый увещевает и говорит: *«есть стыд, ведущий ко греху»* (Сир.4:25)? Но ты боишься, чтобы кто-нибудь не осудил тебя? Сложи вину на меня, сказавшего это; скажи, что так велел учитель; я готов судиться с осуждающими и представить оправдание. Но, лучше сказать, ни вас, ни нас не осудит никто, хотя бы был и очень бесстыден; напротив, одобряют все, не только жители нашего отечественного города, но и соседних городов, и подивятся нам за попечительность, за то, что такова у нас сила любви, такова ревность взаимной привязанности. Но что я говорю о людях? Сам Владыка ангелов одобрит нас. Итак, зная награду, не презрим этой охоты, возвратимся завтра сюда не одни, но пусть каждый придет, ведя с собой добычу. Если только ты придешь в тот час, когда выходящий из дома отправляется в дорогу, и отвлечешь его на путешествие сюда, то потом не будет никакого затруднения; напротив, по прошествии некоторого времени, и он принесет тебе великую благодарность, и все прочие похвалят вас и подивятся; а что всего важнее, небесный Владыка даст вам за это великие награды, умножит и эту прибыль и эту хвалу. Таким образом представляя себе прибыль, какая произойдет для нас отсюда, рассеемся все перед городом, схватим наших братьев и приведем сюда, чтобы и завтра у нас было полное зрелище и всецелое торжество, чтобы святой мученик, за здешнее усердие, принял нас в вечные обители с великим дерзновением, которого да сподобимся все мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, со Святым и Животворящим Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Похвала всем святым, во всем мире пострадавшим^{*18}

Мученики равны ангелам; через мученичество смерть стала для человека приобретением и величайшее зло, нанесенное диаволом, премудрость Божия обратила в добро людям. Мученичество – и ликование, и битва, более обычных сражений ужасная, при беззащитности мучеников. Победа в нем безоружных над вооруженными. Мученичество – лестница на небо; тяжесть мучений, несравнимая, однако, с величием награды за них: они и сами награда – общение в страданиях Христа, награждаются еще и в будущем веке. Восхождение мучеников на небеса, к престолу Господа, принимающего их, как друзей. Способы приготовления к мученичеству в мирное время. Подвиги добродетели облегчаются мыслью о награде и сами – награда. Сладость ночной молитвы. Увещание всегда помнить о мучениках и украшать этим душу свою, как жилище Царя Небесного.

Способы приготовления к мученичеству в мирное время

1. Еще не прошло семи дней после того, как мы совершали священное торжество Пятидесятницы, и вот опять настиг нас лик мучеников, или – лучше – ополчение и воинство мучеников, ничем не уступающее ополчению ангелов, которое видел патриарх Иаков (Быт.32:2), но подобное ему и равное. Мученики и ангелы различаются только именами, а делами соединены: ангелы обитают на небе, и мученики также; первые не причастны старости и бессмертны, и мученики будут иметь то же. Но те получили бестелесное естество. Что же? И мученики, хотя облечены телом, бессмертны, или, еще лучше, прежде бессмертия смерть за Христа украшает тела их больше бессмертия. Не так светло небо, украшаемое хором звезд, как тела мучеников, украшаемые светлой кровью ран, так что, умерши, они сделали величайшее приобретение, и еще прежде бессмертия восприняли награды, получив от смерти венцы. *«Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его»*, говорит Давид о естестве человеческом вообще (Пс.8:6); но и это **малое** Христос, пришедши, восполнил, осудив смертью смерть. Впрочем, я не это доказываю, но то, что и этот недостаток – смерть, сделался приобретением, так как, если бы они не были смертными, то не сделались бы мучениками; если бы не было смерти, то не было бы и венца; если бы не было кончины, то не было бы мученичества; если бы не было смерти, то Павел не мог бы говорить: *«я каждый день умираю: свидетельствуюсь в том похвалю вашу, которую я имею во Христе Иисусе»* (1Кор.15:31); если бы не было смерти и тления, то он также не мог бы говорить: *«радуюсь в страданиях моих за вас и восполняю недостаток в плоти моей скорбей Христовых»* (Кол.1:24). Итак, не будем скорбеть, что мы стали смертными, но будем благодарить, что смертью открыто нам поприще мученичества; через тленность мы получили возможность наград, отсюда имеем мы повод к подвигам. Видишь ли премудрость Божию, как Он величайшее из зол, верх

нашего бедствия, введенный дьяволом, т. е. смерть, обратил нам в честь и славу, ведя через нее подвижников к наградам мученичества? Что же? Будем благодарить дьявола за смерть? Да не будет: не по его мысли – это добро, но дар премудрости Божией; он ввел, чтобы погубить людей и, возвратив в землю, отнять у них всякую надежду спасения, но Христос, взяв это, изменил, и через смерть опять возвел нас на небо. Поэтому никто да не осуждает нас, если я назвал весь сонм мучеников ликом и воинством, приписав одному предмету два противоположные названия; лик и воинство – названия противоположные, но здесь оба они соединились вместе: (мученики) шли на мучения с удовольствием, как ликующие, и вместе, как воинствующие, оказали всякое мужество и терпение и победили противников. Если посмотришь на существо событий, то эти события – сражение, война и ополчение, а если исследуешь смысл событий, то совершившееся – ликования, празднества, торжества и величайшее удовольствие.

Хочешь узнать насколько эти подвиги, т. е. подвиги мучеников, ужаснее войны? Что ужасного в войне? С той и другой стороны стоят огражденные станы, блещущие оружием и озаряющие землю; со всех сторон пускаются тучи стрел, множеством своим помрачающие воздух, потоки крови льются по земле, везде в великом множестве, как колосья во время жатвы, падают воины, поражаемые друг другом. Теперь от них я переведу тебя к этому сражению. И здесь два ополчения: одно – мучеников, а другое – мучителей, но мучители вооружены, а мученики сражаются с обнаженным телом, и победа остается за обнаженными, а не вооруженными. Кто не изумится, что бичуемый побеждает бичующего, связанный – несвязанного, сожигаемый – сожигающего, умирающий – умерщвляющего? Видишь ли, как эти подвиги страшнее тех? Те, хотя и страшны, но происходят естественно, а эти превосходят всякое естество и всякий порядок вещей, чтобы ты убедился, что это – дела благодати Божией. Притом, что несправедливее этой борьбы? Что беззаконнее этих сражений? На войнах обе сражающиеся стороны бывают вооружены, а здесь не так, но один наг, а другой вооружен; также в борьбе обоим противникам

позволяется действовать руками, но здесь один связан, а другой свободно наносит удары. Выбравши себе, как бы по тирании, право делать зло, а праведным мученикам предоставив терпеть зло, судьи таким образом нападают на святых, но даже и так не побеждают их, но после такой неравной битвы отходят пораженными; и бывает то же, как если бы кто вывел воина на сражение и, отломив острие копья его и сняв с него броню, приказал ему так сражаться с обнаженным телом, а он, подвергаясь нападениям и ударам и получая бесчисленные раны, поставил бы трофеи. Таким же образом и эти, выведя мучеников нагими, связав им руки назад и со всех сторон нанося им удары и язвы, были побеждаемы, а они, получая раны, ставили трофеей победы над дьяволом. Как алмаз, поражаемый ударами, не поддается и не смягчается, а напротив сокрушает ударяющее железо, – так точно и души святых, при столь многих наносимых им мучениях, сами не терпели никакого вреда, а силу тех, которые били их, сокрушали и заставляли их удаляться с борьбы побежденными со стыдом и бесчестьем после многих и нестерпимых ударов. Их привязывали к дереву и строгали бока их, проводя глубокие борозды, как бы распахивая землю, а не тело раздирая, так что можно было видеть открытые внутренности, обнаженные ребра, расторгнутые груди; и здесь не останавливались в неистовстве те кровожадные звери, но, сняв с дерева, растягивали их на железной решетке над горячими угольями, и можно было видеть опять зрелища, ужаснейшие прежних: двоякие капли падали из тел, льющейся крови и растопляемой плоти, – но святые, возлежа на угольях, как на розах, с радостью смотрели на совершавшееся.

2. Ты же, слыша о железной решетке (имеющей вид лестницы) вспомни о мысленной **лестнице**, виденной патриархом Иаковом, которая простиралась от земли до неба; по той нисходили ангелы, а по этой восходят мученики; на той и другой *«Господь стоит»* (Быт.28:13). Не перенесли бы страданий эти святые, если бы не имели такой опоры. По той восходят и нисходят ангелы, а по этой, как всякому известно, восходят и мученики. Почему? Потому, что те *«посылаемые на*

служение для тех, которые имеют наследовать спасение» (Евр.1:14); а эти, как ратоборцы и венценосцы, окончив подвиги, отходят наконец к Распорядителю подвигов. Впрочем, не будем просто слушать, когда говорится, что горячие уголья были подкладываемы под истерзанные тела, но представим, каково бывает нам, когда мы впадаем в горячку; тогда мы самую жизнь не считаем жизнью, досадуем, негодуем, раздражаемся, как малые дети, считая этот огонь нисколько не меньшим огня геенского; а они, не горячкой будучи объаты, но когда пламень со всех сторон осаждал их, и искры вторгались в их раны и терзали язвы их свирепее всякого зверя, тогда, как бы алмазные и как бы видя это совершающимся в чужих телах, доблестно и с свойственным им мужеством стояли в словах исповедания, и оставались непреклонными во всяких бедствиях, блистательно обнаруживая и свое мужество и Божию благодать. Вы часто видите на рассвете солнце восходящим и бросающим багряновидные лучи? Таковы были тела святых, когда со всех сторон обливали их потоки крови, как бы багряновидные лучи, и озаряли тела их гораздо больше, нежели небо озаряется солнцем. Видя эту кровь, ангелы радовались, а бесы ужасались и сам диавол трепетал: то была не просто видимая кровь, но кровь спасительная, кровь святая, кровь достойная небес, кровь постоянно напаяющая добрые растения Церкви. Видел эту кровь и ужасался диавол, потому что вспоминал о другой крови – Владычней; ради той текла и эта кровь, потому что с тех пор, как прободено ребро Владыки, ты видишь тысячи прободенных ребер. И кто не пойдет на эти подвиги с великой радостью, имея в виду приобщиться страданий Господних и сделаться сообразным смерти Христовой? Это – достаточное воздаяние, честь большая, награда превышающая труды, еще прежде Царства Небесного. Итак, не будем страшиться, слыша, что такой-то потерпел мученичество, но будем страшиться, слыша, что такой-то оказался слабым и пал, когда предстояли ему такие награды.

Если же хочешь слышать и о наградах будущих, то никакое слово не может представить их, – потому что *«не видел того глаз, – говорится, – не слышало ухо, и не приходило то на*

*сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1Кор.2:9); а никто из людей не возлюбил Его так, как мученики. Впрочем, потому что величие назначенных благ превышает и слово и ум наш, мы не будем молчать о них, но, сколько возможно нам сказать и вам выслушать, постараемся, хотя неясно, изобразить вам блаженство, которое примет там мучеников, а ясно познают его только те, которые наслаждаются им на самом деле. Здешние жестокие и невыносимые страдания мученики терпят в течение краткого времени, а по отшествии отсюда они восходят на небеса, причем ангелы предшествуют им и архангелы сопровождают их, потому что не стыдятся подобных себе рабов и решились все сделать для них, как и те решились потерпеть все для Христа, своего Владыки. По восшествии на небо, сретают их все святые силы. Если тогда, когда приходят в город чужие ратоборцы, стекается весь народ отсюда и, окружив их, рассматривает стройность их членов, – то гораздо больше тогда, когда восходят на небеса подвижники благочестия, ангелы сретают и все вышние силы стекаются отсюда – видеть их раны, и, как некоторых героев, возвратившихся с войны и сражения с великими трофеями и после многих побед, радостно принимают всех их и приветствуют, потом ведут их с великим торжеством к Царю Небесному, к тому престолу, исполненному великой славы, где херувимы и серафимы. Прибыв туда и поклонившись Седящему на престоле, мученики удостоиваются от Владыки гораздо большего благоволения, нежели от подобных себе рабов, потому что Он принимает их не как рабов (хотя и это величайшая честь, равной которой нельзя найти), но как друзей Своих: *«вы, – говорит Он, – друзья Мои» (Ин.15:14); и весьма справедливо, потому что сам Он сказал еще: «нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин.15:13).* Так как они показали величайшую любовь, то Он дружески и принимает их, и наслаждаются они тамошней славой, соединяются с ликами (ангельскими), участвуют в таинственных песнопениях. Если они, еще находясь в теле, через общение в таинствах принадлежали к тамошнему лику, воспевая трисвятую песнь вместе с херувимами, как известно*

вам, посвященным в тайны, – то гораздо больше тогда, наслаждаясь сотоварищами по лику, они с великим дерзновением участвуют в тамошнем славословии. Не страшились ли вы мученичества прежде? А теперь не желаете ли мученичества? Теперь не сожалеете ли, что ныне уже не время мучений? Но будем и мы упражняться как во время мученичества. Они презирали жизнь, – ты презирай удовольствия. Они ввергали тела свои в огонь, – ты ввергай теперь деньги в руки бедных. Они попирали уголья, – ты погашай пламень похоти. Трудно это, но и полезно. Смотри не на прискорбное настоящее, а на приятное будущее, не на бедствия присущие, а на блага уповаемые, не на страдания, а на награды, не на труды, а на венцы, не на усилия, а на плату, не на скорби, а на воздаяния, не на горящий огонь, а на царство предстоящее, не на окружающих палачей, а на увенчивающего Христа.

3. Это лучший способ и удобнейший путь к добродетели – взирать не на труды только, но и на награды после трудов, – впрочем и не на них только самих по себе. Так, когда ты намереваешься подать милостыню, то обращай внимание не на издержки денежные, а на приобретение правды: *«расточил, роздал нищим; правда его пребывает во веки»* (Пс.111:9); не смотри на оскудение богатства, но взирай на умножение сокровища. Когда постишься, то думай не об изнурении от поста, но о легкости, происходящей от этого изнурения. Когда бодрствуешь в молитве, то помышляй не об усталости, причиняемой бодрствованием, а о дерзновении, доставляемом молитвой. Так делают и воины: они смотрят не на раны, а на награды, не на поражения, а на победы, не на падающих мертвыми, а на увенчиваемых героев. Так и кормчие прежде волн видят пристани, прежде кораблекрушений – торговые выгоды, прежде бедствий на море – благополучие после мореплавания. Так делай и ты: представь, сколь великое дело – среди глубокой ночи, когда спят все люди, звери и скот, когда господствует глубочайшая тишина, тебе одному бодрствовать и дерзновенно беседовать с общим всех Владыкой. Сладок сон? Но нет ничего слаще молитвы. Беседа с Богом наедине, когда

никто не беспокоит тебя и не отвлекает тебя от молитвы, ты можешь во многом иметь успех; само время – союзник твой для получения того, чего желаешь. Но ты поворачиваешься, лежа на мягкой постели, и медлишь встать? Представь сегодняшних мучеников, которые лежали на железной решетке, где не постель была подостлана, но подложены горячие уголья. Здесь я хочу закончить речь, чтобы вы ушли с живым и свежим воспоминанием об этой решетке и памятовали о ней ночью и днем; хотя бы удерживали нас тысячи уз, мы в состоянии будем легко разорвать все и восстать для молитвы, если будем постоянно представлять себе эту решетку. Впрочем не только решетку, но и прочие страдания мучеников начертает на широте нашего сердца. Как, делающие свои дома великолепными, украшают их со всех сторон разноцветной живописью, – так и мы на стенах души нашей нарисуем казни мучеников. Та живопись бесполезна, а эта приносит пользу; для этой живописи не нужно ни богатства, ни издержек, ни какого-нибудь искусства, но вместо всего достаточно приложить усердие и ум мужественный и бодрственный, чтобы посредством него, как бы посредством искусной какой руки, изобразить их мучения. Итак, нарисуем в душе одних лежащими на сковородах, других растянутыми на угольях, иных вверженными в котлы, других брошенными в море, иных скоблимыми, иных сгибаемыми на колесе, иных разбиваемыми об утес, иных борющимися с дикими зверями, иных низвергаемыми в пропасть, иных так, как каждому из них случилось окончить жизнь, чтобы, сделав разнообразием такой живописи жилище наше светлым, приготовить приличное пристанище для Царя Небесного. Если Он увидит такие изображения в душе, то придет с Отцом и сотворит у нас обитель с Духом Святым; и будет, наконец, наша душа царским домом, и никакой непристойный помысл не сможет войти в нее, потому что воспоминание о мучениках, как бы какая живопись, постоянно будет сохраняться в нас и производить великий блеск, и Царь всего, Бог, будет непрестанно обитать в нас. Таким образом, приняв Христа здесь, мы по отшествии отсюда сможем быть принятыми в вечные обители, чего да сподобимся

все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым слава Отцу, со Святым и Животворящим Духом, во веки веков. Аминь.

Похвала святому мученику Варлааму*20

Похвала истинная мученикам – подражание им. Можно и без гонения подражать им – бороться с огнем страстей. Дьявол медленностью мучений и необычностью их пытается победить мучеников. На руку св. Варлаама кладут горячие уголья и ладан над жертвенником идола. Уронить ладан на жертвенник при этом не было бы отречением от Христа, но мученик, при помощи Божией, не уронил. Увещание всем всегда сохранять в памяти образ мучеников, как оружие в житейской борьбе с увлечениями чем-либо видимым, и таким образом подражать мученикам.

1. К этому священному празднику и торжеству созвал нас блаженный Варлаам, не для того, чтобы мы прославляли его, но чтобы подражали ему, не для того, чтобы нам быть слушателями похвал, но чтобы быть подражателями его подвигов. В делах житейских люди, достигающие высокой власти, никогда не захотят видеть других участниками одной с ними чести, потому что там зависть и ненависть нарушают любовь; а в делах духовных не так, но совершенно напротив: мученики тогда особенно и чувствуют свою честь, когда видят подобных себе рабов достигшими участия в их благах, так что кто хочет хвалить мучеников, пусть подражает мученикам, кто хочет превозносить похвалами подвижников благочестия, пусть подражает трудам их, – это принесет мученикам удовольствие не меньше собственных их доблестей. А чтобы убедиться тебе, что действительно они тогда особенно чувствуют собственные блага, когда видят нас в безопасности, и считают это величайшей для себя честью, послушай Павла, который говорит: *«ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе»* (1Фес.3:8). И Моисей прежде него говорил Богу: *«прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал»* (Исх.32:32); я не чувствую, говорит, вышней почести по причине их несчастья. Общество верных есть связанное тело: какая же польза голове быть увенчанной, когда ноги подвергаются мучению?

А как можно, скажешь, подражать теперь мученикам? Теперь не время гонения. Знаю это и я; не время гонения, но время мученичества; не время таких подвигов, но время венцов; не преследуют люди, но преследуют бесы; не гонит мучитель, но гонит диавол, который тяжелее всех мучителей; ты не видишь перед собой угольев, но видишь разженный пламень похоти. Они попирали уголья, а ты попирай огонь естества; они боролись с зверями, а ты обуздывай гнев, этого дикого и неукротимого зверя; они устояли против невыносимых мук, а ты преодолевай непристойные и порочные помыслы, изобилующие в твоём сердце, – так подражай мученикам. Ныне бо *«наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных»* (Еф.6:12). Похоть естества есть огонь, огонь неугасимый и постоянный, есть пес бешеный и неистовый; хотя бы тысячи раз ты отгонял его, он тысячи раз нападает и не отстает; жесток пламень угольев, но этот пламень похоти еще хуже; мы никогда не имеем перемирия в этой войне, никогда не имеем отдыха в настоящей жизни, но борьба постоянная, чтобы и венец был светел. Поэтому Павел всегда и вооружает нас, так как всегда время войны, так как враг всегда бодрствует. Хочешь знать, что похоть жжет не меньше огня? Послушай Соломона, который говорит: *«Может ли кто ходить по горящим угольям, чтобы не обжечь ног своих? То же бывает и с тем, кто входит к жене ближнего своего: кто прикоснется к ней, не останется без вины»* (Прит.6:28–29). Видишь, что похоть по естеству своему соперничает с естеством огня? Как невозможно прикасающемуся к огню не получить обжога, так взгляд на красивые лица быстрее огня охватывает невоздержную на взгляды душу; и чем служит для огня горючее какое-нибудь вещество, тем красота телесная для глаз людей похотливых. Посему не должно давать огню похоти пищи – внешнего созерцания, но всячески прикрывать его и погашать благочестивыми мыслями, обуздывая дальнейшее распространение пламени и не позволяя ему сокрушать твердость нашего духа. И всякое удовольствие, во время преобладания страстей, обыкновенно сильнее огня сожигает

душу, если кто не будет мужественно, с терпением и верой, противодействовать каждой страсти, подобно тому, как блаженный и доблестный подвижник Христов Варлаам поступил с своей рукой. Он держал в правой руке целый костер, и не поддавался боли, но оставался бесстрастнее статуй; или – лучше – хотя и испытывал боль и страдал, – так как у него было тело, а не железо, – но, испытывая боль и страдая, показал в смертном теле любомудрие бесплотных сил.

2. Но чтобы эта история была более ясна, я дальше начну рассказ об его мученичестве, а ты посмотри на коварство дьявола. Одних святых он ставил на сковороды, других бросал в котлы, кипящие сильнее огня, одним скоблил бока, других погружал в море, иных предавал зверям, других ввергал в печь, одним раздроблял члены, с других еще с живых сдирал кожу, иным под окровавленные тела подлагал уголья, и искры, попадавшие в раны, терзали их резче всякого зверя, для иных выдумывал иные более тяжелые мучения. Но видя, что все это осталось осмеянным, и что страдальцы преодолевали это с великой твердостью и приходившим после них на те же подвиги служили величайшим побуждением к мужеству, – что он делает? Он придумывает новый род козней, чтобы неожиданностью и необычностью мучения низвергнуть душу мученика, так как то, что знаем и о чем слышали, будь оно и невыносимо, бывает пренебрегаемо, как известное уже и ожидаемое, а неожиданное, хотя и легкое, бывает несноснее всего. Итак, пусть будет новая борьба, и пусть будет необыкновенная хитрость, чтобы новость и неожиданность, смутив подвижника, легко уронили его. Что же он делает? Он выводит святого из темницы связанным. И то было делом его коварства, чтобы не вдруг с самого начала употреблять тяжелые орудия и причинять страшные мучения, но начинать борьбу с меньшего. Для чего? Для того, чтобы, если подвижники будут поражены, поражение их было позорным, потому что они не устояли и против малого; если же они преодолеют и победят, то чтобы, изнузив силы свои на меньшем, были при большем легко одолимыми. Поэтому он наперед употреблял меньшие, чтобы, преодолеет ли он или не преодолеет, не обмануться: если я преодолею, говорил он, то

посмеюсь; а если не преодолею, то сделаю более слабыми для будущего. Итак, он выводит его из темницы, а он вышел, как доблестный подвижник, долгое время упражнявшийся в палестре; и в самом деле темница для мученика была школой борьбы, и там, наедине беседуя с Богом, он научился от Него всякой борьбе, потому что где такие узы, там и Христос.

Итак, он вышел, сделавшись более крепким от более долгого пребывания в темнице; когда же по выходе его диавол через служителей своего беззакония вывел его на середину, то не привязал его к дереву и не окружил палачами, так как видел, что он желает этого и наперед освоился с мыслью об этом наказании; но употребляет против этой башни некоторое необыкновенное, новое и неожиданное орудие, которое могло бы произвести ее падение: ведь он во всех случаях старается больше обманом свалить святых, нежели мучить болью. Какое же это орудие? Приказав ему протянуть перевернутую навзничь руку над жертвенником, они положили на ней горячие уголья и ладан, чтобы, если он почувствует боль и перевернет руку, то они вменяют это ему в жертвоприношение и отречение (от веры). Видишь ли, как коварен диавол? Но посмотри, как *«уловляет мудрых в лукавстве их»* (1Кор.3:19), сделал тщетными козни его, и самую напряженность разнообразных хитростей обратил к возвышению и умножению большей славы мученику. Когда враг, употребив бесчисленные злоухищрения, отходит затем побежденным, тогда подвижник благочестия является еще более славным, как случилось и здесь. Блаженный Варлаам простоял, не наклонив и не перевернув руку, как будто она была составлена из железа, между тем как, если бы и перевернулась рука, и тогда это не было бы виной мученика.

3. Здесь внимательно слушайте меня все, чтобы убедиться, что, если бы его правая рука и перевернулась, это не было бы поражением. Почему? Потому, что как мы судим о тех, которым терзают ребра, или мучат как-либо иначе, так должно судить и здесь. Если они не выдержат и принесут жертву, это вина их слабости, что, не перенесши страданий, они принесли жертву; если же они, претерпевая мучения, заболели от страданий, но не изменяют благочестию, то никто не обвиняет их за эти

болезни, но мы еще больше хвалим их и удивляемся за то, что они, и изнемогая от страданий, вытерпели и не отреклись. Так и здесь: если бы блаженный Варлаам, не вынося сожигания, обещался принести жертву, то был бы побежден; а если бы рука его перевернулась, тогда как он не уступал, то это не вина воли мученика: это произошло бы по немощи не воли, но естества жил, соответственно их силе, рука склонилась бы от огня против воли святого. Как мы не осуждаем тех, которым терзают ребра, за то, что разрывается их плоть, или лучше, – приведу более близкий пример, – как никто не станет порицать страждущих горячкой и судорогами за то, что изгибаются их руки, потому что это происходит не от их изнеженности, но от болезненного жара, который истощает влагу и неестественно стягивает связь нервов, так никто не стал бы порицать и этого святого, если бы перевернулась рука его. Если горячка, и без воли страждущего ей, обыкновенно стягивает и извращает члены, то тем более могли сделать это положенные на правую руку уголья, хотя бы мученик и не поддавался. Однако они не сделали этого, чтобы ты с избытком убедился, что благодать Божия была присуща и укрепляла подвижника и исправляла недостаток природы; поэтому и самая рука его не испытала свойственного ей, но как будто составленная из адаманта оставалась не перевернувшейся. Кто тогда, взирая на это, не удивился бы? Кто не вострепетал бы? Смотрели свыше ангелы, взирали архангелы; зрелище было блистательное и поистине превышающее природу человеческую. Подлинно, кто не пожелал бы видеть человека, который подвизался и не испытывал свойственного людям, который сам был и жертвенником, и жертвой, и жрецом? Посему двойное восходило курение, одно от сожигаемого фимиама, а другое от растопляемой плоти; и последнее курение было приятнее первого, последнее благоухание лучше первого. Здесь случилось то же, что и с купиной: как та купина горела и не сгорала, так и здесь рука горела, но душа не сгорала; тело истреблялось, но вера не истощалась; плоть изнемогала, но ревность не изнемогала; горячие уголья, прожигая середину руки, падали вниз, но мужество души не упало; рука была

повреждена и исчезла, – потому что была из плоти, а не из адаманта, – но душа требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свое терпение. Как храбрый воин, вошедший в среду неприятелей и разбивший строй сражающихся с ним, сломав свой меч от множества непрерывных ударов, ищет обернувшись другого меча, потому что еще не насытился избиением врагов, – так точно и душа блаженного Варлаама, потеряв одну руку, при поражении бесовских ополчений, требовала еще другой руки, чтобы и на ней показать свою ревность. Не говори мне, что он отдал только одну руку; но прежде этого представь себе, что предавший руку отдал бы и голову, предал бы и ребра, противостоял и огню, и зверям, и морю, и пропасти, и кресту, и колесу, и всем, когда-либо слыханным мучениям, и все потерпел, если не самым опытом, то намерением. Мученики идут не на определенные мучения, но готовят себя на неизвестные казни; они не господствуют над волей мучителей и не назначают им пределов и меры мучений, но каким бы бедам ни пожелала подвергнуть их бесчеловечная и зверская воля мучителей, на те они и выходят с решимостью – разве только тело, изнемогши среди мучений, оставит неисполненным желание мучителей. Итак, плоть его истреблялась, а воля делалась более ревностной, превосходя самые уголья своим блеском и сияя больше их, потому что внутри его горел духовный огонь, гораздо более этого огня яркий. Потому он и не чувствовал внешнего пламени, что внутри его горел светлый и пламенный огонь любви Христовой.

4. Станем же, возлюбленные, не только слушать это, но и подражать. Как вначале я говорил, так и теперь говорю: каждый пусть не только в настоящий час удивляется мученику, но, и отходя домой, пусть ведет с собой этого святого, пусть введет его в свой дом, или – лучше – в свое сердце посредством воспоминания о сказанном. Прими его, как выше сказано, и в сердце своем поставь его с простертой рукой, прими увенчанного победителя и никогда не попускай ему выйти из ума твоего. Для того мы и привели вас к гробницам святых мучеников, чтобы и от взгляда на них вы получили некоторое побуждение к добродетели и подготавливались к той же ревности.

Так война возбуждает и молва о герое, а гораздо более вид его и взгляд на него, особенно когда воин, вошедши в самый шатер героя, увидит окровавленный меч, лежащую голову неприятеля, висящую вверху добычу, свежую кровь, капающую с рук того, кто поставил трофей, везде лежащие копья и щиты, стрелы и всякое другое оружие. Посему и мы собрались здесь. Гроб мучеников есть воинский шатер; и если ты откроешь очи веры, то увидишь здесь лежащую броню правды, щит веры, шлем спасения, обувь благовествования, меч духовный, самую главу диавола, поверженную на землю (Еф.6:14–17). Когда у гроба мученика ты видишь бесноватого, лежащего навзничь, и часто терзающего себя самого, то видишь не что иное, как отсеченную голову лукавого. Эти оружия и теперь еще лежат при воинах Христовых; и как цари погребают героев вместе с оружием, так сделал и Христос, и погреб их с оружием, чтобы и прежде воскресения показать всю славу и силу святых. Познай же духовное их всеоружие, и ты отойдешь отсюда, получив величайшую пользу. Великая и у тебя, возлюбленный, война с диаволом, великая, сильная и постоянная.

Итак, изучай способы борьбы, чтобы подражать и победам; презирай богатство, деньги и всякое иное житейское великолепие; не считай блаженными богатеющих, но ублажай мучеников, не тех, что в роскоши, но тех, что на сковородах, не за роскошной трапезой, но в кипящем котле, не в банях ежедневно бывающих, но в жестоких печах, не благовониями пахнущих, но испускающих дым и смрад от сожигаемой плоти. Это благоухание лучше и полезнее того; то ведет к мучению употребляющих его, а это к наградам и вышним венцам. А чтобы тебе убедиться, что роскошь есть зло, равно как и намащение благовонными мастями, и пьянство, и неумеренное употребление вина, и роскошная трапеза, послушай, что говорит пророк: *люди «спящие на одрех от костей слоновых, и ласкосердствующие на постелех своих, ядущии козлища от паств, и тельцы от стад млеко питаемы, пьющие процеженое вино, и первыми вонями мажущиися»* (Ам.6:4–6). Если же это запрещалось в Ветхом Завете, то тем более при благодати, где больше любомудрия. Это сказано мной как к

мужам, так и к женам; поприще общее, – нет различия пола в стане Христовом, но одно собрание. И жены могут надевать броню, ограждать себя щитом и бросать стрелу, как во время мученичества, так и в другое, когда требуется великое дерзновение. Как превосходный стрелок, искусно бросив с тетивы стрелу, приводит в смятение весь строй неприятелей, – так и святые мученики и все поборники истины, противясь козням диавола, с языка своего, как бы с тетивы, искусно пускают слова, и они, подобно стрелам, летящим по воздуху, попадая в невидимые полчища бесов, приводят в смятение все их воинство. То же самое произошло и с блаженным этим Варлаамом: простыми словами, как бы летучими стрелами, он приводил в смятение дьявольский стан. Будем и мы подражать этому искусству. Не видите ли, в каком изнеможении бывают возвращающиеся с зрелищ? А причиной то, что они тщательно внимают происходящему там, и оттуда они приходят, сохраняя в душах своих и извращения глаз, и движения рук, и кружения ног, и образы всех показанных видов извращения мучимого тела. Как же не нелепо, что они на погибель души своей оказывают такую заботливость и постоянно удерживают в памяти происходящее там, а мы, имея сравняться с ангелами через подражание здешнему, не оказываем равного с ними усердия к соблюдению сказанного? Нет, прошу и умоляю, не будем так нерадивы о своем спасении, но станем все сохранять мучеников в душах своих, с их сковородами, с котлами, с прочими мучениями, и, как живописцы часто очищают картину, потемневшую от дыма, от сажи и от продолжительности времени, так и ты, возлюбленный, пользуйся воспоминанием о святых мучениках: когда привходящие житейские заботы помрачат душу твою, ты очисти ее воспоминанием о мучениках. Если ты будешь иметь это воспоминание в душе своей, то ни богатству не будешь удивляться, ни бедности не станешь оплакивать, ни славы и власти не будешь восхвалять, и совершенно ничего из дел человеческих – из блистательных не станешь считать чем-нибудь великим, а из прискорбных – невыносимым, но, став выше всего этого, будешь иметь в постоянном созерцании этого образа урок добродетели. Кто

видит каждый день воинов, мужественно действующих в войнах и битвах, тот никогда не пожелает роскоши и не изнеженной и рассеянной жизнью будет восхищаться, но строгой, твердой и готовой на подвиги. Да и что общего между пьянством и сражением, между чревоугодием и мужеством, между благовонными мастями и оружием, между войной и пиршествами? Ты – воин Христов, возлюбленный: вооружайся же, а не заботься об украшениях; ты – доблестный подвижник: будь же мужествен, а не заботься о нарядах. Так будем подражать этим святым; так почтим этих героев, увенчанных победителей, друзей Божиих, и, прошедши одинаковый с ними путь, мы удостоимся одинаковых с ними венцов, которых да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу слава, со Святым Духом, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа в память св. Васса^{*21}

Беседа в память св. Васса сказана об ужасах, и на слова: «научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем» (Мф.11:29)

Поучение должно приносить пользу говорящему и слушающим, а мученик в похвалах людей не имеет нужды. Ужас землетрясения и милосердие Божие к людям, даже возбуждившим грехами своими гнев Его. Разъяснение от лица Господа слов «кроток есмь и смирен сердцем» через противопоставление смирения Господа воплотившегося высокомерию людей и Его Божественной славы уничиженному Его состоянию, воспринятому добровольно, ради спасения людей, для научения их смирению. Увещание к смирению и напоминание о праведном суде по смерти. Изображение этого суда, притчи о неразумных девах и увещание воспользоваться настоящей жизнью для покаяния.

1. Так как на вас, христолюбивые, обыкновенно течет такой обильный источник поучений, и теперь чрез предваривших нас священников и учителей была уже предложена вам богатая духовная трапеза, то нам следовало бы придержать бедные росинки наших речей, тем более, что нас одолевает и долговременное телесное нездоровье, и слабость голоса, и притом еще заботы, одна за другой. Но так как и вас одолевает ненасытимая жажда слушать о божественном и вы побуждаете нас говорить, то, при помощи благодати Спасителя, предложим вашей кротости в кратких словах полезное и соответствующее времени. Думаю, прилично и для нас говорящих, и для вас слушающих – путем рассуждения приобретать для самих себя лучшее и полезное. Преподобный и многохвальный мученик и епископ Васс, сегодня составивший нам это торжество, уже обладает наградами за свои подвиги, вовсе не требует прибавления похвал от нас, но сам постоянно совершает о нас молитвы ко Господу, потому что чрез подвиг мученичества он и дерзновение пред Ним приобрел и получил от Него венец бессмертия, который Христос предуготовал и другим верующим. Обильны, по божественному апостолу, дары Владыки, Который

и в древности раздавал дары мучеников искренно призывавшим Его, и особенно ныне, когда вскоре предстоит нам годовое воспоминание бывших ужасов и человеколюбивый гнев той страшной угрозы призывает нас к славословию. Мы видели поистине гнев, блистающий человеколюбием, когда опоясаны были страхом землетрясений, когда видели колебавшуюся тварь, когда потрясалась сильно земля, а Господь не оставлял Своего милосердия, когда мы ожидали горькой кончины, когда думали, что дома внезапно сделаются гробницами, когда, объятые землетрясением, мы не находили ни места, ни способа убежища, когда, достигнув полудня, не надеялись увидеть вечер, когда сверху висел меч, а снизу укреплялось с молитвой благотворение, когда народы единогласно взывали: помилуй, и Господь преклонился на милость, так как Он, взором потрясающий, рукой подкрепил трепещущую тварь. Но почему не сказать кратко: *«аще не Господь Саваоф помог бы нам, вмале вселилася бы во ад душа наша»* (Пс.93:17)? Подлинно, кого не изумляет величие человеколюбия Спасителя? Чьи умы не побуждает к благодарности то, что случилось тогда, и не только тогда, но и то, что после, и то, что случилось с нами недавно? Он потряс твердыни земли, поколебал основания зданий; дома кидало, как барки в волнах моря; только обратил Он взор судии, и мы все заколебались, подобно находящимся на воде.

Велик страх, но много больше страха Его человеколюбие. Поколебав тварь, Он не ниспроверг ее; потрясши все, не сравнял с землей, не лишил землю красоты тварей. Он поколебал кровли только для нашего памятования и не привел нам даже и отведать гибели. Такова бездна милосердия Его к нам! Даже и основания земли Он потряс, как пекущийся об нас, как любящий милосердно. Он видел нас преступными и преогорчающими; видел любящими хищения; видел *«совокупляющим дом к дому и село к селу приближающим, да ближнему отимут что»* (Ис.5:8); видел не милующими сирот *«и суду вдовиц не внимающих»* (Ис.1:23); видел, как учителя поступают вопреки тому, что говорят; видел, как ученики оскорбляют церковное благочиние зрелищными беспорядками;

видел, как мы проводим жизнь в злобе и ненависти; видел, как мы коварство соединяем с ненавистью; видел, как мы бурями притворства топим простейших людей, как малые лодки; видел, как мы намеренно убиваем; видел, как мы обижаем, сколько можем; видел, как любовь терпит крушение, а обман благополучно плавает в море жизни; видел, как мы отвергаемся истины и прибегаем ко лжи; сказать кратко: видел, что мы служим более мамоне, нежели Господу, – и потряс землю, как наставника нам, детям, и явил нам чувства нежнолюбящей матери, которая часто, желая своего грудного младенца, без пути плачущего, отучить от такой привычки, сильно потрясает малую колыбель его, не для того, чтобы поразить, но чтобы утратить малютку. Так точно и Владыка всех, держа в руке Своей вселенную, потрясает ее не для того, чтобы ниспровергнуть ее, но чтобы обратить к спасению живущих беспорядочно.

2. И пусть никто не укоряет нас, что мы сравнили Господа с нежнолюбящей матерью, когда сам Господь сравнил Себя с птицею, сказав в Евангелиях: *«Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих, и вы не захотели»* (Мф.23:37; Лк.13:34)! Итак, Человеколюбец поколебал бездушную землю, чтобы удержать одушевленную от беспорядочного движения; угрожал смертью телесной, чтобы мы остереглись от гибели душевной. Видишь ли, христоролюбивый, как велико милосердие к нам Творца? Видишь ли угрозу, блистающую человеколюбием? Видишь ли милость, опережающую негодование? Видишь ли приговор, побеждаемый благостью? И это нисколько не странно: Он и ныне тот же кроткий и человеколюбивый Владыка наш, постоянно пекущийся о нашем спасении, Который в Евангелиях ясно взывает, как было читано нам недавно: *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»* (Мф.11:28–29). О, как велико снисхождение Создателя, а созданный не благоговеет! *«Придите.., научитесь от Меня»*, когда сам Владыка приходил для утешения падших рабов. Таков к нам Христос: оказывает милость, когда

следовало бы казнить грешника; когда следовало бы уничтожить род прогневавших Его, говорит виновным кроткие слова: *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Бог смирен, а человек высокомерен; Судия кроток, а подсудимый горд; Художник говорит голосом бедняка, а глина разговаривает, как царь. *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Вас не убедило предшествовавшее, не пристыдило последующее и бывшее недавно, каким образом и тогда, и ныне, потрясши тварь, Он опять утвердил ее, помиловав. Итак, *«придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*, Он имеет не бич поражающий, но естество врачующее.

Придите и посмотрите неизреченное человеколюбие. Кто не любит господина, который не бьет? Кто не удивляется судье, который просит подсудимого? Тебя, конечно, поражает кротость этих слов: Я Создатель и люблю Мое дело; Я художник, и щажу, кого Я создал; если бы Я стал пользоваться Моими почестями, то я не избавил бы падшего человечества, и если бы ему, неисцельно больному, Я не дал легких лекарств, то оно не укрепилось бы; если бы Я не поступал с падшим благосклонно, то он умер бы; если бы только погрозил, он погиб бы; поэтому Я и обложу его, лежащего, пластырями благодати; из сострадания премного уничижаюсь, чтобы восстановить падшего. Стоящий не может восстановить низверженного от его падения, если сам не спустит руки. *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Не хвастаюсь Я словами, но делами доказал вам, что *«кроток и смирен сердцем»*; по тому, чем стал Я, пойми это. Посмотри на Мой вид, помысли о Моем достоинстве, и поклоняйся Моему ради тебя снисхождению; рассуди, откуда Я пришел и где беседую с тобой; имея престолом небо, Я стою на земле и говорю с тобой; горе Я прославляюсь, и (здесь), как долготерпеливый, не гневаюсь – *«ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Если бы Я, сын Царя, не был кротким, то не избрал бы Себе в мать рабу; если бы Я, Творец невидимого и видимого бытия, не был кротким, то не пришел бы к вам; если бы не был кротким, то не допустил бы Я, Отец веков, обвить меня пеленами; если бы не был смиренным,

то не принял бы Я, владеющий богатством всей природы, бедности яслей; если бы не был кротким, то не стал бы Я, на Которого не могут взирать даже херувимы, жить вместе с бессловесными; если бы не был кротким, то не принял бы Я, плюновением дающий свет слепым, заплевания из незаконных уст; если бы не был кротким, то не перенес бы Я, освобождающий рабов, рабского заушения; если бы Я не был кротким, то не дал бы хребта моего на бичевание за пленников. Но почему Я не говорю о важнейшем? Если бы Я не был кротким, то не заплатил бы, когда другие должны страдать, а Я несколько неповинен, за них смертного долга; но Я заплатил, чтобы и для тех, которые содержатся внизу во аде, разрешить приговор осуждения, так как Я не только Царь живых, но и Владыка умерших. Поэтому Я и прошел тот и другой путь домостроительства; явился человеком, был и мертвым на малое время, чтобы всем, и под землей сущим, уделить дар Моего нетления. *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Уничтожение Мое – от произволения, а не от естества; существо имею Я неприступное, помышление – постигающее все. *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*, а не достоинством; Я умерен по произволению, не по могуществу: по могуществу Я страшен для ангелов, по произволению смирен для людей. *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Я говорю сообразно не с тем, что Я есмь, но беседую сообразно с Моим милосердием; больше власти Я люблю благость. Я, говорящий это тебе, Царь; велика сила Моя, но Я не поражаю твою немощь присущим Мне могуществом. Не говорю: *«Придите.., научитесь от Меня»*, что Я – Владыка, Господь твари, *«призираяй на землю, и творяй ю трястися»* (Пс.103:32), Который измерил небо пядью и землю держит дланью (Ис.40:12), но: *«Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»*. Так Я кроток: ты согрешил, а Я потерпел бичевание; так добровольно Я смирен: пришел Я, Владыка, освободить тех, которые в рабстве, они же Меня, Освободителя, били по ланитам, и рабы распяли Меня, а Я, при этом, умоляя за них Отца Своего, говорил: *«Отче! прости им,*

ибо не знают, что делают» (Лк.23:34), Итак, «Придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем»; **придите**, умоляю и прошу, не стыжусь умолять, предпочитаю призывать своих рабов, чтобы не быть вынужденным наказывать, «Придите.., научитесь от Меня» кротости прежде, нежели увидите от Меня страшное; **придите**, ныне Я врачую, а чрез краткое время требую отчета. Я ныне щажу, а мало спустя произношу приговор; ныне Я человеколюбив, а немного после явлюсь праведным Судией. «Придите.., научитесь.., ибо Я кроток и смирен сердцем». Или почтите кротость, или устрашитесь могущества. **Придите**, предварите лице Мое во исповедании (Пс.94:2), потому что такое смирение Мое ограничено известным временем.

3. Одна лишь настоящая жизнь, есть проявление Моего долготерпения; придет время, когда затворится дверь этой Моей благодати; придет время, когда льющиеся слезы грешников не принесут пользы; придет время, когда отовсюду звучащие трубы объявят Мое второе пришествие, когда ангелы, пролетая всю землю, представят на суд мириады мертвых, когда будет поставлено Мне седалище судии и Я приду на горних силах, когда начала и власти будут сопровождать Идущего, когда светила царства Моего озарят весь мир, когда книги житейских дел каждого откроются, когда (настанет) точное исполнение законов и точный расчет за дела, когда подсудимый будет стоять, имея защитниками себе одни только дела, когда мысли будут обвинять и совесть обличать, когда злые духи (будут стоять), внимая словам Судии, когда печь будет ожидать приговора этого Судии, когда слово: помилуй, наконец, бесполезно взывающему. Итак, **придите** прежде, нежели Я затворю двери Моего милосердия; прежде, нежели закончится скоро торжество жизни; прежде, нежели минует зрелище житейское, так как назначенный срок кончины – при вратах. **Придите** прежде, нежели Я начну судить, – так как если Я предварю, воссевши производить суд, то уже не буду миловать. Поэтому Я и представил ясный пример неразумных дев, светильники жизни которых, не имевшие елея правды, погасли, – как заключены были для них двери брачного чертога, и как на

стук их отвечал Я изнутри: «не знаю вас» (Мф.25:12), предуказывая слово к грешникам на суде. Итак, братия, если мы научились из слов Спасителя благодати Господней, то не будем невнимательны к Судии, человеколюбиво говорящему прежде суда, не потеряем времени раскаяния, облечем свои души добрыми делами и милостынями. Пусть каждый из нас приобретет уже себе необходимое для вечной жизни, а от пагубных дел отстанем. Если мы сохраним при добрых делах веру непоколебимой, то вместе с нами пребудет непоколебимой и тварь. Украсим наши души целомудрием, и приобретем себе прочно неоцененный перл чистой веры; прежде, нежели прекратится время нашей жизни, прежде нежели вид мира, и цвет славы, и все приятности земные уничтожатся, будем угождать неподкупному Судии. Сам Он говорит: «живу Аз, глаголет Господь, не хочу смерти грешника, но еже обратится и жити ему» (Иез.33:11). Если бы Он желал наказать грешника, то молчал бы; Он хочет миловать, и потому увещевает; щадит, и потому убеждает; Он устрашает тебя предсказанием, чтобы предотвратить от тебя действительную опасность. Когда Бог угрожает, то хочет спасти; а когда молчит, то предполагает наказать. Мы научены этому из примеров. Он угрожал ниневитянам, и пощадил; молчал о содомлянах, и наказал. Он приготовил венцы, если мы сами на себя не навлечем мучений. Он хочет упразднить геенну, закрыть темницу мрака, хочет весь свой гнев оставить для одного диавола, хочет сесть Судиею не для того, чтобы кого-либо наказать, но чтобы всех увенчать. Итак, имея такого Владыку, поспешно схватим, исполненный благодати, голос, послушаемся говорящего: «придите.., научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем», чтобы нам удостоиться услышать и тот вожделенный и блаженный голос, который скажет: «приидите, благословенные Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам» (Мф.25:34), которым да сподобимся наслаждаться все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу, со Святым Духом, слава во веки веков. Аминь.

Примечания

¹ - Т. е. епископа Флавиана.

² - Из соч. св. Иоанна Дамаскина «Об иконах». Этого отрывка нет ни в одной из трех бесед, быть может, потому, что которая-нибудь из них, всего вероятнее третья, дошла до нас не в целом виде.

³ - Т. е. епископа Флавиана.

⁴ - Перев. проф. Юнгера. Здесь и далее псалмы даны в переводе проф. П.А. Юнгера – ред.

⁵ - Аттическая монета около 4 копеек.

⁶ - Т. е. епископу Флавиану.

⁷ - Т. е. Урваном, Прилидианом и Еполлонием, которых память празднуется вместе с памятью св. Вавилы.

⁸ - Беседа эта издана только в латинском переводе.

⁹ - Произнесено в Антиохии после похвального слова св. Евстафия, в день памяти св. Романа – 18 ноября.

¹⁰ - Принадлежность этого слова св. Златоусту сомнительна в виду большого различия в слоге и языке между ним и подлинными словами св. отца.

¹¹ - Вероятно епископа антиохийского, погребенного в одном храме со св. Вавилой в Дафне.

¹² - Т.е. Юлиан Богоотступник.

¹ - *1Память его праздновалась 7 января, когда – в 387 году – и произнесена беседа.

² - *2Все три беседы о свв. Маккавеех произнесены в Антиохии, в каком году – неизвестно.

³ - *3Память св. Мелетия празднуется 12 февраля, и в этот же день, в 387 году по всей вероятности произнесена беседа.

⁴ - *4Произнесена в селе близ Антиохии по поводу того, что многие по окончании богослужения тотчас отдались недостойному проведению времени.

⁵ - *5Произнесена после бесед о Маккавеех и своим содержанием возбудила в некоторых неудовольствие, ответом

на которое была далее помещаемая беседа о том, что опасно говорить к народу с угодливостью.

⁶ - *6Слово это произнесено в селе близ Антиохии, куда собрал народ епископ Флавиан, пользуясь хорошим ясным днем. Память св. Дросиды совершалась вероятно 14 декабря.

⁷ - *7Слово это произнесено, вероятно, в Константинополе, потому что перенесение мощей из Египта, давшее повод к произнесению его, скорее могло быть в Константинополе, чем в Антиохии.

⁸ - *8Творения приписываемые св. Иоанну Златоусту и отнесенные в издании Миня к разряду Spuria.

⁹ - *9Слово это произнесено в Антиохии позднее беседы об обличении ап. Петра ап. Павлом и перед похвалой св. мученику Роману. Память св. Евстафия празднуется 11 ноября.

¹⁰ - *10Произнесена в Константинополе и, если упоминание о том, что Златоуст привык сам терпеть преследования, а не других преследовать, считать указанием на изгнание именно Златоуста, то во время между первым и вторым изгнанием его, т. е. в конце 403 или в начале 404 года; но перенесение мощей св. Фоки празднуется 22 июля.

¹¹ - *11Слово это произнесено в Антиохии, после беседы о св. Пелагии, вероятно в день памяти св. Игнатия, 20 декабря.

¹² - *12Произнесена в Антиохии вскоре после беседы о св. Вавиле и перед четвертой беседой о Лазаре, в день памяти свв. Иувентина и Максимиана, совершавшейся, как видно отсюда, в конце января.

¹³ - *13Произнесена в Антиохии. Память св. Пелагии 8 октября.

¹⁴ - *14Память св. Вавилы праздновалось 24 января, к какому времени нужно относить и произнесение беседы; год произнесения – по вероятному предположению – 387-й.

¹⁵ - *15Время составления слова (предназначавшегося, по видимому, для чтения, а не для произнесения) в точности неизвестно, – приблизительно лишь можно предполагать, что в 382-м году.

¹⁶ - *16 Произнесена спустя менее двадцати дней после сказанной в великий пяток беседы о кладбище и о кресте в день памяти св. мучениц, совершавшейся, вероятно, в середине (15-го) апреля.

¹⁷ - *17 Слово это произнесено в Антиохии, где почили и мощи мученика и храм был его имени. Память св. Юлиана – 21 июня.

¹⁸ - *18 О месте (в Антиохии или Константинополе) и времени произнесения – ничего неизвестно.

¹⁹ - *19

²⁰ - *20 Слово это произнесено в Антиохии, накануне беседы на слова: «не хочу оставить вас, братия, в неведении, что отцы наши все были под облаком, и все прошли сквозь море» (1Кор.10:1). Память св. Варлаама совершалась вероятно 31 мая.

²¹ - *21 Принадлежность беседы св. Иоанну Златоусту подвергается сомнению на основании главным образом особенностей слога. В издании Миня она относится к отделу Dubia.